

**ДВА РОМАНА
В ОДНОЙ
КНИГЕ**

**+
приемный
покой**

МОРГ

ДУРДОМ

АНДРЕЙ ШЛЯХОВ
**ИЗ МОРГА
В ДУРДОМ
И ОБРАТНО**

**Как доктор Данилов
был интерном,
патологоанатомом
и пациентом**

Доктор Данилов

Андрей Шляхов

**Из морга в дурдом
и обратно (сборник)**

«Автор»

2012

Шляхов А. Л.

Из морга в дурдом и обратно (сборник) / А. Л. Шляхов —
«Автор», 2012 — (Доктор Данилов)

Интерн Данилов готов приступить к работе – узнайте, как все начиналось! Русскому «доктору Хаусу» предстоит столкнуться с новыми тайнами изнанки российской медицины. День рождения обещает быть жарким! Холодный кафельный пол, угрюмые санитары, падающие в обморок студенты-медики. Бывалый доктор Данилов оказывается в морге, к счастью, пока как сотрудник этого таинственного учреждения. Изнанка жизни патологоанатомов еще страшнее, чем видится нам, простым обывателям. Вперед, в царство Аида, только не оглядывайтесь и не закрывайте книгу – все самое интересное только начинается. Вам интересно узнать, как на самом деле проходят будни в сумасшедшем доме? Звери-санитары и не совсем нормальные врачи – именно с этим сталкивается доктор Данилов, когда благодаря весьма странным обстоятельствам попадает в «желтый дом». Добро пожаловать, дорогой читатель! С уже полюбившимся многим героем вы узнаете, в какой цвет обычно выкрашены палаты и что происходит, когда звучит команда «отбой».

© Шляхов А. Л., 2012

© Автор, 2012

Содержание

День варенья	5
Доктор Данилов в морге, или Невероятные будни патологоанатома	17
Пролог	17
Глава первая	18
Глава вторая	25
Глава третья	32
Глава четвертая	39
Глава пятая	45
Глава шестая	52
Глава седьмая	58
Глава восьмая	65
Глава девятая	72
Глава десятая	78
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Андрей Шляхов

Из морга в дурдом и обратно

День варенья

*Был аванс – Была пирушка:
Преферанс,
Друзья, подружка...
Утром после преферанса:
Ни подружки, ни аванса,
Ни друзей... Одни бутылки
с пустотой. И боль в затылке!*

Александр Вишнёв

– Наш Центр неотложной детоксикации предназначен для больных со случайными отравлениями. Ну-ка, доктора, кто перечислит мне виды случайных отравлений?

– Лекарственными препаратами... – сразу же подала голос перфекционистка Бурчакова. Бурчакову недолюбливали. За перфекционизм, за постоянно выпяченную нижнюю губу, за постоянные напоминания о том, что ее фамилия происходит от украинского слова «бурчак» – журчащий ручей, а не от глагола «бурчать».

– Как зажурчит этот ручей – сразу кипятком писать хочется, – говорил нахал Абгарян.

Бурчакова на это выпячивала губу еще сильнее и говорила в пространство нечто абстрактное про горные аулы, мешки с деньгами и купленные дипломы. Абгарян ржал, как застоявшийся жеребец, и напоминал, что его род живет в Москве аж с начала восемнадцатого века.

– Может, и раньше жили, – скромно добавлял он, – только достоверных свидетельств не сохранилось.

Бурчакова фыркала, но дискуссию не продолжала. Сама она приехала в Москву из города Балей Читинской области и отчаянно этого стеснялась.

– ...в том числе наркотическими и психотропными препаратами, а также алкоголем и его суррогатами, грибами и ядами растительного и животного происхождения и различными химическими веществами.

– А также ядами прижигающего действия, – добавил Абгарян.

– Это входит в понятие «различные химические вещества»! – огрызнулась Бурчакова.

Абгарян предпочел промолчать.

– Можно сказать, что к нам везут все, кроме суицидов, потому что психосоматики у нас нет, – сказала заведующая токсикореанимацией. – Наш центр является частью...

– Стареешь, Артур, – поддел Абгаряна Данилов. – Теряешь боевой задор.

– Настроение просто сегодня хорошее, – улыбнулся во все свои тридцать два зуба Абгарян, – связываться неохота. Ты мне потом pomoжешь кое-что из машины принести?

– Молоток, топор и пилу? – предположил Данилов, указывая глазами на Бурчакову.

В укоризненном взгляде Абгаряна читалось: «Ну и шуточки у вас, поручик!»

– Сейчас вы разделитесь на пары и получите по больному. Ознакомьтесь, понаблюдаете и в конце дня сделаете мне краткий доклад. Как, что, согласны ли вы с обследованием и терапией, ваши предложения. И так будет каждый день. Я постараюсь, чтобы неделя, проведенная в токсикореанимации...

– ...стала для нас незабываемой... – прошептал Абгарян.

– ...дала вам как можно больше, ведь с отравлениями всем вам придется сталкиваться, где бы вы ни работали.

Будут какие вопросы – обращайтесь ко мне или к дежурному врачу Константину Дмитриевичу, вот, кстати, и он.

Легко на помине...

Абгаряну с Даниловым достался словоохотливый сантехник сорока семи лет, отравившийся коктейлем из водки и снотворных таблеток.

– Я слышал не раз, что народ запивает водярой таблетки, чтобы лучше забрало, но сам никогда не пробовал.

А тут пришел с работы, сунулся в холодильник – а там всего полбутылки. Шурин, скотина такая, заглянул пообедать и заодно водочки халявной тяпнул. А время позднее, а ночной магазин у нас за две остановки, а соседи, кто с понятием, все уже спят, а мне хорошенько добавить надо, ведь я устал как собака...

– А зачем вы двадцать таблеток выпили? – спросил Данилов. – И двух хватило бы...

– От жадности, – признался мужик. – Увлёкся. Да и водки мало было. Чисто клювик смочить... ничо – полежал, отдохнул, выспался как человек, опять же – организм мой промыли как следует, нет худа без добра. А сегодня обещали в отделение перевести. Сказали – как только место освободится, так и того... а на той неделе можно и домой...

– Что за человек? – сразу по выходе из зала удивился Абгарян. – Старуху без таблеток оставил, врачам проблем подкинул, сам чуть не помер от остановки дыхания... И все из-за того, что не догадался дома лишнюю бутылку заначить... Ладно, давай, Вова, одну задачу решим. Условия такие: есть именинник, есть компания, есть море выпивки и немного закуски. Вопрос – где бы все это половчее организовать? В анестезиологии, как обычно, будет до ночи торчать наш руководитель. Там нам посидеть не дадут. Где тогда?

– Так у тебя сегодня день варенья? – наконец-то дошло до Данилова. – Чего ж ты молчал, партизан?

– А что – за неделю объявлять? Зачем? Потом сюрприз всегда интереснее.

– Как – зачем? Мы бы тебе подарок купили...

– Подарки – это лишняя головная боль, – усмехнулся Абгарян. – Сначала вы думаете, что мне подарить, потом я думаю, что мне делать с подарком. К чему эти условности? Ты лучше скажи, куда провизию тащить?

– А что, если прямо здесь? – предложил Данилов.

– Здесь?! – вытаращил глаза Абгарян.

– А что такого? Скажем, что у тебя день рождения, пообещаем сидеть тихо и убрать все за собой... Хочешь, я спрошу?

– У заведующей?

– Зачем напрягать начальство? У дежурного врача.

– Он тебя пошлет – скажет – первый день, как пришли, и уже...

– Пошлет так пошлет. Тогда поищем другое место.

Спросить-то можно?

К радости Данилова, дежурный токсиколог отнесся к просьбе с полным пониманием. Наверное, оттого, что еще не забыл, как сам был интерном или ординатором.

На вид Константину Дмитриевичу можно было дать лет тридцать, не больше.

– Я дам вам ключ от нашей «аппаратной», которая на самом деле является секретной палатой класса люкс, – пообещал Константин Дмитриевич. – Но с уговором – не шуметь и чтобы никаких следов вашего праздника не осталось.

– Можете не сомневаться, – заверил Данилов. – Все будет в лучшем виде. Когда можно будет начинать?

– Заведующая уходит где-то в половине четвертого.

Как только – так сразу...

– Артур, куда нам столько? – В багажнике абгаряновской «девятки» Данилов увидел три пакета с бутылками и шесть не менее объемистых пакетов с едой. – Или не все берем?

– Не все я бы один принес! – хмыкнул Абгарян. – Как говорится – лучше пусть останется, чем не хватит.

Не забудь, что доброго доктора с медсестрами надо угостить, и вообще у меня круглая дата – двадцать пять лет!

Четвертак! Так что не сачкуй, бери и тащи! А то я уже замерз!

Данилов взял и понес. В «аппаратной» их уже ждали остальные интерны. Как ни странно, но на празднование дня рождения Абгаряна осталась даже Бурчакова. «Не иначе как для того, чтобы выбрать подходящий момент и подсыпать имениннику яду, – подумал Данилов. – Или слабительного».

Двоих интернов вырвала из рядов начинающаяся эпидемия гриппа, поэтому на празднике, вместе с именинником присутствовало восемь человек. Четверо мужчин и четверо женщин – идеальная пропорция для вечеринки. Сильный пол помимо Данилова и Абгаряна представляли интерны Коростылев (кличка «Буратино») и Майоров (кличка «Тормоз»). Женщины делились на два если не враждующих, то по крайней мере противостоящих лагеря (ох уж эта милая черта повсюду создавать группировки!) – Бурчакова со своей задушевной подружкой Леной Аникановой, анемичной девой с глазами в пол-лица, против двух Оль – Смирновой и Барановой. Оли были москвичками, Бурчакова и Аниканова – провинциалками, Оли были те еще язвы, а Бурчакова и Аниканова страдали гипертрофированной обидчивостью. И к тому же все четверо боролись за негласное звание «Мисс интернатура»... В общем, противоречий хватало.

Однако противоречия не помешали девушкам усесться рядком на самое удобное место – застеленную койку, оставив парням два стула и подоконник.

Предусмотрительный Абгарян купил все, что подлежало нарезке, уже нарезанным, поэтому стол (вернее – тумбочка) был накрыт очень быстро – минуты за две. В три этажа. Бутылки из конспиративных соображений поставили в угол.

– Джаст э момент! – Именинник сложил в один из освободившихся пакетов бутылку водки, бутылку шампанского, батон хлеба, по упаковке с колбасой и сыром, баночку оливок и скрылся за дверью.

– Пошел вносить арендную плату, – пошутил Коростылев.

Игорь Коростылев был высок, коренаст и немного звероподобен. Кличку «Буратино» он получил не за внешний вид и не за какие-то черты характера, а только благодаря отчеству. Дед Игоря, убежденный коммунист, назвал своего первенца Карлом в честь основоположника Карла Маркса. Ну а кто был сын папы Карло? Конечно же Буратино!

– Разве был такой уговор? – удивился Сережа Майоров.

Вот он-то, в отличие от Коростылева, заработал кличку «Тормоз» своим собственным умом, вернее – некоторой его недостаточностью. Наблюдая за Тормозом, Данилов не переставал удивляться тому, какая ирония судьбы занесла этого увальня в анестезиологи-реаниматологи, специальность, в которой постоянно приходится быстро соображать и быстро действовать. Ему бы в рентгенологи. Сиди себе, снимки описывай да динамику оценивай.

– Это закон жизни, – снисходительно пояснил Коростылев. – Тебя уважили – и ты уважение окажи. А то твой день рождения придется в подвале праздновать.

– У меня день рождения в июле. – Тормоз мечтательно закатил глаза. – Мы как раз в отпуске будем... Неужели лето снова наступит?

За окном, словно в ответ на глупый вопрос, пошел снег.

– Все в порядке, – известил вернувшийся Абгарян. – Гудеть можем хоть до утра, только чтоб тихо.

Трудное искусство гулянок в медицинском учреждении к окончанию института постигается в совершенстве.

Гулять надо с душой, с размахом, так, чтобы было что вспомнить, но при всем том не шуметь, чтобы не привлекать внимания пациентов. Ну, и администрации тоже.

Хорошо патологоанатомам – сидят они обычно в отдельно стоящем корпусе, клиентура у них спокойная, ни на что не реагирующая, родственники не досаждают... Гулять можно на всю катушку! В реанимации так уже не развернешься – во-первых, далеко не все здесь не реагируют на звуки, тем более громкие, а во-вторых, на соседних этажах могут услышать шум.

Отсюда вывод – учитесь осваивать спецнавыки. Говорить тихо (а когда выпьешь, это ой как нелегко!), посудой не звенеть, сексом на скрипящих предметах обстановки не заниматься. Будь невидим и неслышим, тогда твоему празднику никто не помешает.

Разумеется, шампанское открывали тихо, без хлопков и выстрелов в потолок, что не помешало трем бутылкам закончиться очень скоро. Пили не из фужеров, а из чашек и кружек, своей обыденной посуды. Предусмотрительный Абгарян не забыл и про одноразовые стаканчики, но все дружно сочли, что пить алкоголь из пластика «невкусно».

– Хорошее шампанское, Артурик, – похвалила Бурчакова. – Пьется так хорошо...

– Это брют, – Абгарян послал ей персональную улыбку, – мой самый любимый сорт шампанского.

– И мой тоже, – ответила Бурчакова.

«Еще немного, и они подружатся, – подумал Данилов. – Как мало надо людям для того, чтобы найти общий язык. Впрочем, не так уж и мало – почти по триста грамм шампанского».

От выпитого в головах приятно зашумело.

– Какой ты молодец, Артурик! – восхитилась Смирнова. – Такой день мерзкий, настроение мерзкое, а ты нам праздник устроил! Дай я тебя поцелую!

Именинник с удовольствием подчинился и был перецелован всеми дамами. Крупная и сильная Баранова так сжала его в объятиях, что послышался хруст.

– Ты ему ничего не сломала? – поинтересовалась Бурчакова.

– Это у него молния на ширинке лопнула, – не моргнув глазом, парировала Баранова. – Мужчины любят энергичных женщин.

– Покажи ширинку! – потребовал купившийся Тормоз.

– Разбежался, – проворчал Абгарян, направляясь в угол, к бару.

Он вернулся с бутылкой коньяка.

– Молдавский, – извиняющимся тоном объявил он, разливая коньяк по сосудам. – Армянского не было.

– Один хрен, все в Подмоскowie разливают, – махнул лопатоподобной ладонью Коростылев.

Завязалась тихая, но ожесточенная дискуссия о сравнительных особенностях коньяков разных стран. Данилову даже пришлось придержать именинника, чтобы тот не набросился на флегматичного Коростылева.

Флегматичный-то он флегматичный, а махнет рукой – и привет Артуру, двадцать шесть лет отмечать уже не придется.

Тормоз, опровергая свою кличку, среагировал мгновенно и по делу – открыл вторую бутылку коньяка.

– Как сказал поэт Уитмен, чем ругаться, лучше выпьем! – сказал он. – За дружбу и корпоративную солидарность!

– Не путай! – строго одернул его Буратино. – Дружба и корпоративная солидарность – это совсем не одно и то же.

– Я знаю.

– Тогда как можно пить за них разом? Только порознь!

Порознь – так порознь. Выпили сначала за дружбу, а следом – за корпоративную солидарность.

– Надо немного прибраться, – озаботилась Аниканова.

Она встала, намереваясь собрать пустые лотки из-под еды, но пошатнулась и рухнула на колени Барановой.

– Ортостатический коллапс! – констатировал Абгарян.

– Я в полном порядке. – Совместными женскими усилиями Аниканову усадили на койку.

С одной стороны ее подпирала Бурчакова, а с другой – Баранова. – Это просто голова закружилась. Бывает.

– Страшно вспомнить, сколько времени я не курил! – Абгарян встал и похлопал себя по карманам, проверяя, на месте ли сигареты и зажигалка.

– Я с тобой! – Тормоз слез с подоконника.

Данилов и Буратино как некурящие остались развлекать дам. Развлекали долго, рассказывали анекдоты, вспоминали студенческую жизнь, обсудили пару новых фильмов, выпили, закусили, еще выпили и только тогда спохватились, что курильщиков нет уже более часа.

– Тормоз он на то и тормоз, чтобы тормозить, – сказал Коростылев. – Но на Эдика это не похоже.

Данилов освежился, умывшись холодной водой, и отправился на поиски. В токсикореанимации царило спокойствие – настоящее сонное царство. Медсестра, сидевшая на посту, приветливо улыбнулась Данилову (не иначе как тоже успела отпраздновать абгаряновский день рождения) и, не дожидаясь вопроса, сказала:

– Попросила ваших товарищей переводного больного в отделение отвезти, так их до сих пор нет. Не знаю что и думать. Долго ли этажом ниже спуститься...

– Сам удивляюсь, – ответил Данилов. – Говорите – этажом ниже?

– Да, – подтвердила медсестра. – Главное, чтобы они кресло-каталку нашу вернули, не оставили в отделении. А то ведь не найдешь потом. Народ у нас ушлый – соскоблят нашу метку или просто поверху свою поставят, и все! А кому выплачивать? Наденьке! А у меня зарплата маленькая...

– Все понял, – ответил Данилов. – Постараюсь найти вашу каталку.

Он спустился по лестнице этажом ниже и поинтересовался в обоих отделениях, расположенных там, не привозили ли к ним переводного больного из токсикореанимации. Оказалось, что не привозили. «Наверное, они перепутали и отвезли его на этаж выше», – решил Данилов.

Увы – и там не было ни переводного больного (скорее всего – того самого любителя запивать водкой пачку снотворного), ни каталки, ни Тормоза с Абгаряном. Чудеса чудес и всяческие чудеса!

Данилов вернулся в токсикореанимацию и узнал, что коллеги так и не вернулись. Коростылев, доблестно развлекая дам, играл с ними в бутылочку. Данилов посмотрел на его физиономию, перемазанную помадой разных цветов, и предпочел отправиться на дальнейшие поиски «пропавших без вести».

Он поднялся на лифте на самый верхний этаж и начал спускаться вниз с заходом во все отделения, миновав только гинекологическое. Даже если Артуру и вздумалось пошутить подобным образом, привезя мужчину в гинекологию (Тормоз сроду бы не догадался сотворить такое), то отделенческие сестры эту шутку не поддержали бы.

Он дошел до первого этажа, но так никого и не нашел. Зато нашел охранника – лысого дядечку, занятого разгадыванием кроссворда. Данилов подсказал ему тяжелое заболевание дыхательной системы из пяти букв, первая «а» (сам охранник, кроме «аборт» ничего подобрать не мог), и узнал, что за последние четыре часа двое «сотрудников» никого на кресле-каталке из здания не вывозили.

– А ведь есть другой выход? – вспомнил Данилов.

– Он закрыт, ключи у меня. – Охранник потряс в воздухе связкой ключей. – Ищите в здании. А как будет военный трёхмачтовый корабль с полным парусным вооружением? Шесть букв, вторая «р».

– Фрегат! – ответил Данилов и толкнул дверь, ведущую наружу.

Ему почему-то захотелось обойти вокруг корпуса.

Ежась от холода (мокрый снег только усиливал впечатление), Данилов не обошел, а обежал терапевтический корпус, но никого не нашел.

Подумав о том, что приятели могли заснуть в машине Абгаряна (мало ли что в голову взбредет?), Данилов добежал и до машины, оказавшейся пустой. Пришлось бежать обратно, согреваясь при помощи экспрессивных выражений нецензурного плана. Заодно и протрезвел.

В вестибюле первого этажа Данилов наткнулся на уже переодевшихся «на выход» коллег.

– Мы там все убрали, ключ отдали доктору, еду тоже оставили ему, а бутылки Игорь спрятал в своем шкафчике, – обстоятельно доложила Бурчакова. – А ты нашел ребят?

– Нет, – развел руками Данилов.

– Как?! – дружно ахнули дамы.

– Так!

– Одежда их в раздевалке, – сообщил Коростылев. – Странно все это...

– Прямо мистика, – добавила Смирнова. – Деньги и съестное в больницах часто пропадают, но чтобы люди... А у них есть мобильные телефоны?

Мобильные телефоны в то время были у многих, но все же не у каждого. И пользовались ими не при каждом удобном случае, а только в случаях важных, срочных. Соответственно и номера мобильных телефонов сообщались далеко не всем.

– У Абгаряна я видела мобильный, но номера его я не знаю, – сказала Бурчакова. – Как все странно...

– Я их еще поищу, – сказал Данилов. – Самому странно.

– Удачи тебе, – Коростылев протянул Данилову руку, – а я девчонок до метро провожу.

Данилов посмотрел им вслед. Несмотря на количество выпитого, коллеги держались хорошо, как и подобает врачам, – шли ровно, не спотыкаясь и не пошатываясь.

Интуиция подвела – пробежка по двору не принесла никакой пользы. Оставалось призвать на помощь логику.

Данилов остановился посреди пустого коридора и стал соображать.

Уехать они не могли, раз одежда их осталась здесь.

Машину Абгарян после всего выпитого по-любому бросил бы возле больницы, но без куртки он бы не ушел.

И Тормоз тоже не ушел бы домой в халате и не попрощавшись. Тормоз вообще очень обстоятельный и правильный.

Судя по всему – из корпуса они не выходили и из окон не выпадали. Значит – они где-то здесь.

В инопланетян, дыры в реальности и всякие там чудесные перемещения в пространстве Данилов не верил.

Учеба в медицинском вузе вообще не располагает к потустороннему и непостижимому. Студенты-медики и молодые врачи всегда знают что, как и почему. Это уже потом жизненный опыт заставляет их пересмотреть свои взгляды и порой в корне изменить мировоззрение.

На всякий случай Данилов сходил проверить запасной выход из корпуса, но охранник не соврал – дверь действительно была заперта. Тогда Данилов вернулся к охраннику и поинтересовался, не вывозил ли кресло-каталку с больным один мужчина в белом халате. В ответ услышал, что кресло-каталка мимо охранника вообще не проезжала. Ни с больным, ни без него. Помянув недобрым словом медсестру, которой вздумалось нагрузить людей, вышедших на перекур, Данилов поднялся в токсикореанимацию.

– Я уже и сама вниз спускалась – ни больного, ни каталки, – сообщила медсестра. – Куда они делись?

Данилов рассказал о своих безрезультатных поисках.

– А в подвале в были? – спросила медсестра. – Хотя что им в подвале делать?

Данилов спустился в подвал.

Потыкался в запертые двери, не нашел ни одной открытой. И ни одной живой души тоже не нашел. Полный облом.

К этому моменту Данилов совершенно протрезвел.

Недоумение и растерянность уступили место азарту.

«Я найду их во что бы то ни стало», – решил Данилов и продолжил поиски.

Контрольный заход в раздевалку ничего не дал – одежда товарищей висела на месте.

Охранник при виде Данилова молча покачал головой – не было никого, мол.

Мужской и женский туалеты первого этажа были пусты, дверь поликлинического отделения заперта. Наплевав на условности, Данилов поднялся на лифте в гинекологическое отделение и спросил у обоих дежурных медсестер, не привезли ли к ним, конечно же по ошибке (нет, это не шутка – три человека пропали и впридачу кресло-каталка) мужчину из токсикореанимации.

Медсестры хором ответили, что не привозили, и посмотрели на Данилова с сочувствием, переходящим в сострадание – то ли передежурил доктор, то ли перепил, а может, и то, и другое разом.

«Чердак!» – вдруг осенило Данилова.

Действительно – как же мог он забыть про чердак?!

В подвале был, а на чердаке – нет. О том, как втащить на чердак кресло-каталку и зачем это делать, Данилов не подумал.

Оказалось, что он поднялся по лестнице только для того, чтобы толкнуть запертый люк и полюбоваться на полоску бумаги с круглой печатью, которой этот люк был опечатан. Судя по дате – три недели назад. Снова облом.

Данилов вспомнил о том, что надо бы позвонить матери. Тратиться на звонок по мобильному телефону не стал – позвонил из ближайшей ординаторской. Пришлось соврать, что остался на дежурстве.

– У тебя хоть есть чем перекусить? – спросила мать.

– Выше крыши, – заверил Данилов и, не дожидаясь дальнейших вопросов, дал отбой.

Дежурный врач флегматично пил чай.

– Скажите, а в вашем корпусе люди никогда не пропадали? – спросил Данилов.

– И не только в корпусе, – не поворачивая головы, ответил врач. – У нас по всей больнице люди пропадают...

Данилов насторожился.

– ...Это ж не стационар, а помойная яма, трясина, – продолжил врач. – Попал сюда, значит – пропал.

Уже не выбраться. Вот я раньше работал в клинике гражданской авиации. Это ж небо и земля. Там – да, современный стационар во всем его великолепии...

Данилов тихо вышел из ординаторской и так же тихо закрыл за собой дверь. Врач все продолжал свой монолог, наверное не заметил, что остался без собеседника.

А может, и не сильно в нем нуждался, ведь все, что мы говорим, мы в первую очередь говорим для себя.

«Елки-палки, лес густой», – подумал Данилов.

Еще один визит в токсикологию. Медсестра сказала, что коляска стоит около двенадцати тысяч и выплачивать за нее ой как неохота.

Осмотр раздевалки ничего не дал – куртки на месте, ботинки тоже, а хозяев нет.

Только сейчас Данилов ощутил, насколько он устал.

Да, что ни говори, а денек был богат событиями.

«Отдохну здесь, – решил он, кое-как устраиваясь на кушетке. – Посплю полчаса, а потом на свежую голову решу, что и как делать дальше».

Заснул он сразу же, что называется, не успев голову до кушетки донести, но проспал недолго, не больше часа, потому что от неудобного и непривычного положения руки-ноги и шея затекли и начали болеть. Да и сны снились неприятные, суматошные, сны, от которых так и тянет проснуться. Какие-то поиски с собаками, блуждания по бетонному лабиринту, черные комнаты, злобные лица, короче, то, что называется емким словосочетанием «хрень всякая».

Пока Данилов примеривался, как бы половчее встать, чтобы не сразу свалиться, в раздевалку пришли люди.

Судя по голосам – мужчина и женщина.

Судя по поведению – одержимые страстью в прямом смысле этого слова. Едва закрыв за собой дверь, они застонали, судя по звукам, начали лихорадочно освобождаться от одежды и тут же, без всяких предварительных ласк, приступили к делу на кушетке.

Данилова закрывал от них ряд шкафов, но он и по звукам прекрасно представлял, что сейчас происходит возле входа. Скрипел под телом (или – телами?) дерматин, елозила по полу кушетка, женщина стонала, а мужчина издавал звуки, более похожие на рычание.

Положение было дурацким, а что делать? Не выходить же теперь, в самый разгар страстного совокупления?

Здравствуйте, я ваш дядя, а зовут меня Вова Данилов!

Картина «Не ждали», художник Илья Репин. Действующие лица другие, смысл тот же.

Данилов тихо, как дух бесплотный, перешел из лежачего положения в сидячее (ох и трудно было сделать это практически бесшумно!) и с наслаждением потянулся, да так, что в его молодом организме что-то хрустнуло. Ретивые любовники не обратили на этот звук никакого внимания, они уже прошли большую часть пути, ведущего к наслаждению, и теперь неслись к этому самому наслаждению на всех парах.

Данилов попытался наметить дальнейший план поисков (ну, прямо хоть в милицию заявляй), но звуковое сопровождение совершенно не способствовало мыслительному процессу. Вернее – способствовало, но совершенно иному, полному эротических видений. «Люди развлекаются, а я бегаю по больнице как заведенный, – вздохнул Данилов. – Ничего себе день варенья! Не день варенья, а день горчицы с хреном!»

Наконец прозвучало тревожное «Только не в меня!», и процесс пошел на спад. Данилов немного удивился – в силу своей малоопытности (для пересчета женщин, с которыми у него что-то было, хватало бы пальцев одной руки), он думал, что фразу «Только не в меня!» женщины произносят исключительно в анекдотах. Оказалось, что и в жизни тоже.

– Ты мне всю прическу растрепал, – укорил женский голос.

– Я же не нарочно, – ответил мужчина.

– Ты ничего никогда не делаешь нарочно... Ладно, пошли, а то нас там, наверное, уже ищут.

– Кому мы нужны? «Скорая» подъехала бы – услышали...

«Услышали бы вы, как же! – усмехнулся про себя Данилов. – Это вас было слышно на весь коридор».

После того как хлопнула дверь, он медленно сосчитал в уме до тридцати и вышел из раздевалки.

Коридор был пуст.

Данилов в который уже раз поднялся в токсикореанимацию. На этот раз, едва открыв дверь, он наткнулся на доктора Константина Дмитриевича.

– Вы дежурите? – удивился тот.

– Нет, пытаюсь найти двух товарищей, а заодно и вашего больного вместе с каталкой, – ответил Данилов.

– Утром все найдется, – обнадежил Константин Дмитриевич. – Утро – оно мудренее вечера. Небось в отделении приняла нашего «переводника» дневная медсестра, а вечерняя не в курсе. Ничего, утром придут заведующие со старшими сестрами и все тайное станет явным. Идите домой, поспите хоть полночи. На моей памяти это не первый такой случай. У нас же не больница, а филиал Бедлама в Сокольниках. А Галине я уже дал по ушам за то, чтобы она свои обязанности ни на кого не перекладывала. Сама бы отвезла – и вопросов бы не возникло.

– С больным, допустим, понятно. Но где же мои товарищи?

– Небось заперлись где-нибудь в процедурном кабинете и продолжают бухать. – Нет, Константин Дмитриевич был неисправимым оптимистом, из тех, кого ничто не может выбить из седла. – Дело-то молодое. Я в вашем возрасте, – последние слова были сказаны тоном, подчеркивающим пропасть между возрастами, – по три дня мог в больнице пропадать. Особенно если было с кем.

– А я почему-то тревожусь, – сказал Данилов.

– И напрасно! – заверил Константин Дмитриевич. – Очень скоро убедитесь, что я был прав.

За спиной Данилова загрохотала каталка – «скорая» привезла в реанимацию очередную «отраву». Константин Дмитриевич занялся делом, а Данилов в растерянности дошел до лестницы и начал спускаться по ней. В голове не было ни одной конструктивной мысли. Нет, одна мысль присутствовала – мысль о том, как хорошо иметь под рукой розыскную собаку с замечательным нюхом, но ее (мысль, а не собаку) навряд ли можно было считать конструктивной.

«А может, и не было никакого дня рождения? – промелькнуло в голове. – Может, все это сон? Вот сейчас ущипну себя за ногу и проснусь...»

Ущипнул. Сильно. Целых три раза. Не помогло.

Зато вспомнил о том, что опросил всех, кого только можно, но забыл про дежурного лифтера, «водителя» грузового лифта, вернее – двух грузовых лифтов. А ведь именно на грузовых лифтах и возят каталки, хоть с пациентами, хоть без. Досадное упущение.

– Вроде были, – наморщил лоб лифтер. – Двое и мужика на кресле везли...

Лоб у лифтера был высоким, а вот интеллекта в глазах проскальзывало мало. Как раз столько, сколько нужно для этой ответственной профессии.

– Врачи еще навеселе были. – Данилов зашел с другого бока, стремясь выудить хоть что-то из памяти лифтера.

– Обкуренные? – уточнил тот.

– Поддатые, – поправил Данилов.

– Тут с полудня пол больницы поддатыми ходят. – Лифтер растянул губы в подобие улыбки. – А некоторые – те так прямо с утра. Наш прежний главврач сам не просыхал и другим пить не мешал. Это ж привычка, а привычка – она сильнее человека.

– За то и сняли, наверное, – предположил Данилов.

– Нет, не за пьянку. Случай вышел...

Слово «случай» было произнесено столь многозначительно, что просто невозможно было не спросить:

– Какой случай?

– В приемную самотеком большого человека привезли, покушение на него было, машину взорвали. А приемное наше сплоховало – помощь толком не оказали, перекисью полили из пузырька да и перевели в институт к Склифосовскому. Ну, а тот как оклемался, то обиделся и нажал там. – Многозначительный взгляд в потолок. – Взяли нашего Владимира Осиповича да под зад ему коленом. Сашку Галкина, который приемным заведовал, тоже за компанию

уволители. Такие вот пирожки. А дружков твоих я не припоминаю. Может и видел, а внимания не обратил. Мое дело маленькое – двери закрыл, кнопку нажал, двери открыл...

«Вот уж работенка, – подумал Данилов. – Еще хуже, чем охранником».

Идей больше не было, силы, восстановленные недолгим сном, убывали, завтра, а если точнее – то уже сегодня ждал новый рабочий день. Поэтому Данилов принял единственно верное решение – пойти и выспаться.

Но уже не в раздевалке, а в более-менее сносных условиях – в одной из свободных ординаторских. Врачи обычно дежурят по одному на два-три отделения, поэтому найти свободную ординаторскую не составляет проблем.

Ординаторская нашлась во втором терапевтическом отделении.

– Ваши не объявились? – спросила постовая сестра, как и все прочие сестры, бывшая в курсе даниловских поисков.

– Нет, – вздохнул Данилов.

– Мужики все такие, кто на сутки пропадет, кто на неделю, а некоторые так вообще выйдут за хлебом и навсегда. С концами...

– Ну, здесь-то немножко другая ситуация, – вступился за гендерную честь Данилов.

– Ситуация, может, и другая, – согласилась медсестра, – а мужики все одинаковые. В ординаторской не курите, ладно?

Данилов достал из шкафа одеяло и подушку, раскрыл изрядно потертый и нещадно скрипевший диван (да, сексом на таком ложе не займешься – весь корпус на шум сбежится) улегся и попытался внушить себе, что все будет хорошо. Он, собственно, не столько маялся дурными предчувствиями, сколько терзался любопытством – ну куда же могли деться Абгарян и Тормоз?

Интересно, как бы решил эту загадку Шерлок Холмс? Наверное, начал бы с заключения о том, что раз они не покидали корпуса, то, значит, они здесь. Или же, наоборот, заявил бы, что раз их не удалось найти в корпусе, то, значит, они где-то за его пределами...

Тут к Данилову пришел сон. На этот раз спокойный, умиротворяющий, без сновидений. Сон праведных или как он там еще называется?

Проснулся он в семь утра, вместе со всем отделением, со всей больницей и первым делом поспешил в токсикореанимацию. Открыл дверь, не увидел, как надеялся, стоящего возле нее кресла-каталки и только и смог выдавить из себя:

– Не нашли?

– Больного нашли, – ответила медсестра, набиравшая в шприц раствор из ампулы.

– Где?

– В первой терапии! – Медсестра явно не спала всю ночь и оттого держалась недружелюбно, даже сурово. – Там такой бардак! Положили чужого больного и ни гу-гу! И на то, что у них в отделении чужая история болезни лежит, тоже никто внимания не обратил! Ну не дуры, а?

– А доктора нашлись?

– Нет, доктора не нашлись. Хотя я очень желала посмотреть им в глаза и спросить – как такое могло случиться?

Данилов понял, что больше ничего интересного он не узнает, и пошел в первую терапию – поговорить с «найденным», которого можно было назвать и «подкидышем». Увы, сам пациент, действительно оказавшийся тем самым любителем водки в сочетании со снотворным, ничего путного сказать не мог.

– Они меня оставили и ушли. И каталку с собой забрали, это я хорошо помню.

Вот и вся информация. Кот заплакал, называется.

В четверть девятого начали собираться интерны. Первым явился Коростылев. Узнал о приключениях, точнее – мытарствах Данилова и сказал:

– Жопа!

– Может, сейчас придут... – помечтал Данилов, глядя на куртки и обувь пропавших товарищей.

– Восстанут из ада, – глупо пошутил Коростылев.

Народ подходил, выслушивал краткий рассказ Данилова и ужасался.

В половине девятого новость сообщили Тарабарину, заведующему анестезиологическим отделением и по совместительству руководителю интернатуры. Тарабарин не на шутку встревожился и объявил о таинственном исчезновении двух интернов на утренней больничной конференции.

– Что тут думать, Виталий Мартынович, действовать надо, – сказала заместитель главного врача по лечебной работе. – Позвоните домой, и если их там нет и сведений о том, где они, тоже нет – будем обращаться в милицию. Люди просто так не пропадают. Даже в стационаре.

Никто не понял смысла последней фразы, но переспрашивать не стали. Заместитель главного врача не любила вопросов с мест. Она вообще предпочитала задавать вопросы, а не отвечать на них, дела исключение разве что для главного врача, своего, как говорили в средневековой Европе, владыки и сюзерена.

Народ зашептался: опять эти интерны отличились.

Порой кажется, что не будь в больницах интернов и ординаторов, там бы вообще ничего не происходило бы.

Случилось чепэ? Ну конечно же это интерны...

– А у нас вчера две простыни пропало, – многозначительно сказала заведующая приемным отделением. – Причем сразу.

По лицу ее было заметно, что она видит прямую связь между таинственным исчезновением двух интернов и не менее таинственной пропажей двух простыней. Простыни, если разобраться, важнее, потому что за них кому-то придется выплачивать. А за интернов выплачивать некому – пусть пропадают на здоровье, только в казенные простыни при этом не заворачиваются.

Справедливости ради надо заметить, что платить из своего кармана за недостающие простыни и наволочки (так же, как за подушки и одеяла) сотрудники не любят.

Куда проще на следующем дежурстве стащить простыню у зазевавшейся бригады «скорой помощи». Ну, а те у другой бригады позаимствуют или же в приемном отделении разжиться недостающим. Иногда – в том же самом.

Круговорот материальных ценностей – увлекательнейший процесс, который пока еще только ждет своего исследователя.

У двери кабинета Тарабарина всех возвращающихся с пятиминутки ждал сюрприз. Даже не один, а сразу два сюрприза – интерны Абгарян и Майоров. Живые, невредимые и даже в хорошем настроении.

– Эй, клоуны, что за цирк вы вчера устроили? – заорал на весь коридор Коростылев.

– Цирк устраиваете вы, Игорь! – тут же одернул его Тарабарин. – У меня в отделении не принято так... кричать. Давайте зайдём в кабинет и там уж первым делом узнаем, какая нечистая сила...

Майоров с Абгаряном переглянулись и заржали.

– Вы мне собьете всех с рабочего ритма, – проворчал строгий руководитель, поворачивая в замке ключ. – Заходите и здесь уже смейтесь. Только в меру, чтобы потом плакать не пришлось...

Рассказ Абгаряна был коротким, но краткость компенсировалась эмоциональностью.

– Отвезли мы, значит, больного...

– Куда отвезли – помните? – перебил Тарабарин.

– Честно скажу – сейчас и не вспомню, – виновато улыбнулся Абгарян. – Помню одно – в палату завезли, на койку усадили, все честь по чести, не в коридоре бросили. Так вот, выходим

мы, и этот вот юморист, – Абгарян указал пальцем на Тормоза, – предлагает мне покататься на кресле по двору. Вроде как проветриться. Настроение у меня было приподнятое – день рождения как-никак, вот я и согласился...

– Да ты просто визжал от радости! – вставил Тормоз.

– Не было такого! – отмахнулся Абгарян. – Я вообще визжать не умею! Вышли мы во двор...

– А охранник мне сказал, что не видел никого с каталкой, – прокомментировал Данилов.

– Хватит меня перебивать! – вспыхнул Абгарян. – Расскажу до конца – тогда и перебивай сколько вздумается! Охранник твой, если хочешь знать, газету читал! Очень увлеченно! Потому нас и не видел. Вышли мы, значит, покатали друг дружку вокруг корпуса, один раз просто так, другой – на время, типа – соревнование, а потом этот провокатор...

– Сам ты провокатор! – обиделся Тормоз.

– Я – жертва провокации! – поправил Абгарян. – Так вот, этот гражданин сказал, что за три минуты сможет прокатить меня вокруг всей больницы. Я произвел в уме несложные расчеты и сказал, что меньше чем в шесть минут он не уложится. Мы поспорили на двести долларов...

– Ставочки у вас, однако. – Тарабарин покачал головой.

– Я был уверен, что уложусь в три минуты...

– А я был уверен в обратном. Мы выкатили наше кресло на улицу, охрана на нас не обратила никакого внимания – мы же в халатах были, значит – все нормально, я сел, засек время, и мы поехали. Ну, конечно, нам было весело и мы издавали всякие веселые крики...

– Которые очень не понравились милицейскому патрулю, – вздохнул Тормоз.

– А поскольку мы были без документов, то нас вместе с этим несчастным креслом, будь оно проклято, забрали в отделение! Мало того что забрали, так еще попытались шить нам угон коляски...

– И вы до утра сидели в милиции! – ахнула Бурчакова. – А мы все так волновались! Владимир всю ночь бегал по больнице, искал вас...

– Ну, ночью я, положим, спал, а вечером – да, пришлось побегать, – уточнил Данилов. – А вас как отпустили – с концами или под подписку о невыезде?

– С концами, разумеется, – ответил Тормоз. – Это ж даже на мелкое хулиганство не тянет. Если бы мы еще матерные слова орали, а то так...

– Каталку мы уже вернули, – добавил Абгарян. – В первую очередь. Народ так обрадовался, что пообещали когда потребуется дать нам ее на полчаса.

– Это еще зачем? – удивился Тарабарин.

– Как «зачем», Виталий Мартынович? Нас же на полпути забрали! Должны же мы решить спор! Двести долларов на дороге не валяются, и потом дела надо доводить до конца.

– Я вот отосплюсь, колеса смажу и в две с половиной минуты уложусь! – пообещал Тормоз.

Доктор Данилов в морге, или Невероятные будни патологоанатома

*«If thought is life
And strength and breath:
And the want
Of thought is death...»*

William Blake, «The Fly»

*«Если сила жизни в мысли,
То и смерть сокрыта в ней...»*

Уильям Блэйк, «Муха»

«Сначала они извлекают мозг через ноздри железным крючком. Этим способом удаляют только часть мозга, остальную же часть – путем впрыскивания [растворяющих] снадобий. Затем делают острым эфиопским камнем разрез в паху и очищают всю брюшную полость от внутренних органов. Вычистив брюшную полость и промыв ее пальмовым вином, мастера потом вновь прочищают ее растертыми благовониями. Наконец, наполняют чрево чистой растертой миррой, касией и прочими благовониями (кроме ладана) и снова зашивают. После этого тело на семьдесят дней кладут в натровый целок. Большие семидесяти дней, однако, оставлять тело в щелоке нельзя. По истечении же этого семидесятидневного срока, обмыв тело, обвивают повязкой из разрезанного на ленты виссонного полотна и намазывают камедью (ее употребляют вместо клея). После этого родственники берут тело назад, изготовляют деревянный саркофаг в виде человеческой фигуры и помещают туда покойника.»

Геродот, «История». (Перевод Г.А. Стратановского)

Пролог

Тринадцать заповедей патологоанатома

1. Не верь врачам, залечившим пациента до летального исхода.
2. Будь почтителен с тем, кто уже отправился в последний путь.
3. Никогда не отчаивайся, если не можешь найти причину смерти; указывай, какую пожелаешь, ведь ты – последняя инстанция.
4. Пьянство на рабочем месте – не порок, а одна из издержек профессии.
5. Спи сном праведника, ведь ты всегда и во всем прав.
6. Не ищи смысл жизни во время вскрытия.
7. Всегда помни о смерти – твоём поставщике.
8. Если твой пациент начинает предъявлять жалобы, гони его из морга.
9. Прежде чем знакомиться с девушкой, придумай себе менее пугающую специальность.
10. Не уверен – не вскрывай!
11. Не жалея сил для поиска истины. Чем больше найдешь, тем больше унесешь.
12. Поговорку «Семь раз отмерь – один раз отрежь» придумали идиоты.
13. Скальпель в твоей руке не просто нож, а оружие возмездия.

Глава первая

Кафедра

На суетливого молодого человека в слишком теплой кожаной куртке Данилов обратил внимание еще в вагоне. Бледное лицо с глубоко запавшими глазами, испарина на лбу, резкие повороты головы, судорожные движения рук. Парень явно искал то, что можно украсть и обменять на дозу.

Если хочешь выйти из общественного транспорта со всеми своими вещами – внимательно смотри на тех, кто рядом. И не обольщайся ничьим добропорядочным видом. А если сосед выглядит подозрительно – удвой бдительность.

Данилов машинально проверил телефон и бумажник.

Мобильник лежал в чехле, прицепленном к поясу, а бумажник – во внутреннем, застегнутом на «молнию», кармане жилета.

После «Красносельской» парень в кожанке переместился ближе к центральному выходу – наверное, посчитал ехавших в вагоне пассажиров бесперспективными.

Данилов, которому надо было выходить на «Сокольниках», встал за ним и, принявшись, не удивился тому, что обладатель потертой куртки, грязных, обтрепанных джинсов и стоптанных «в лапти» кроссовок пользуется дорогим одеколоном. Чуть ли не у каждого опустившегося человека сохраняется какая-нибудь одна привычка из прежней, нормальной, жизни. Эта «соломинка» не только помогает своему обладателю выделиться в среде таких же опустившихся людей, но и служит призрачной гарантией того, что еще не все потеряно, что жизнь еще может наладиться.

Данилов вспомнил дядю Мишу, алкоголика, некогда жившего в соседнем дворе, а ныне покоящегося на Николо-Архангельском кладбище. Дядя Миша, когда-то бывший начальником экспериментального цеха одного из секретных научно-исследовательских институтов, пропил все свое имущество до последней простыни, но сохранил радиоприемник «ВЭФ-202», которым его наградили за успехи в социалистическом соревновании.

– Это память! – говорил он. – А без памяти человек не человек, а так... субстанция.

Выходя на своей станции, Данилов потерял «косуху» из виду и снова заметил его только на лестнице. Оказавшись на улице, «косуха» остановился и принялся деловито хлопать себя по карманам, будто стараясь найти сигареты и зажигалку; по сторонам он при этом смотрел очень внимательно.

Данилов ускорил шаг, чтобы успеть перейти дорогу на зеленый свет, но при его приближении светофор издевательски замигал и переключился на красный; пришлось остановиться.

Когда снова загорелся зеленый, Данилов приготовился уже сойти с тротуара, как вдруг услышал позади громкое и гневное:

– Отдай! Отдай телефон, сволочь!

Слева от Данилова, чуть не сбив его с ног, пробежал человек, разглядеть которого толком не удалось. Лишь по знакомому запаху одеколона Данилов понял, что это наркоман в кожаной куртке. Следом за «косухой» бежала высокая брюнетка в синем брючном костюме. Девушка явно отставала – тяжело держать скорость на высоких каблуках.

«Вот гад!» – Данилов сорвался с места и устремился вперед, на бегу перекинув мешавшую сумку с левого бока за спину. Девушку он обогнал сразу же, еще на проезжей части, и успел увидеть, как «косуха» побежал в глубь квартала. «Понятное дело, не побежит же он вдоль дороги», – подумал Данилов.

Завидев бегущего доктора, прохожие отшатывались.

«Косуха» свернул налево за «Макдоналдсом». Данилов удовлетворенно отметил, что расстояние между ними понемногу сокращается: «Вот я молодец, а также спортсмен – бегущего наркомана почти догнал».

На улице Барболина Данилов был уже в трех метрах от похитителя телефона.

– Стой! Все равно догоню! – крикнул Данилов и сразу же пожалел об этом: надо было беречь дыхание, а не орать попусту.

«Косуха» обернулся на бегу, оценивая перспективу. Секундой позже украденный телефон полетел влево, на газон, а сам похититель метнулся направо, на какую-то из Сокольнических улиц.

Данилов не стал продолжать погоню. Он остановился около телефона, поднял его и внимательно осмотрел, пока восстанавливалось дыхание. Дорогому, новенькому на вид смартфону повезло: упав на мягкую траву, он совсем не пострадал. Страшно представить, что было бы, приземлился он на асфальт. Мысленно поблагодарив «косуху» за предусмотрительность, Данилов сунул телефон в один из жилетных карманов, оправил рубашку, выбившуюся из-под ремня, и уже спокойным шагом двинулся обратно. Он внимательно смотрел вперед, стараясь углядеть стройную стриженую брюнетку в синем костюме.

Увы: Данилов дошел до вестибюля метро, потоптался около него минут пять, но так и не встретил хозяйку телефона. Взглянув на часы, он решил вечером поискать владелицу по номерам, сохраненным в памяти телефона.

В этом году первое сентября выдалось на славу: было сухо, солнечно, но не жарко. Данилов удивился тому, что внезапно исчезли все дети с цветами, но сразу же сообразил, что школьные «линейки» давно уже начались.

«Интересно, как там Никита? Донес ли букет до школы?»

Вчера вечером парень долго отказывался брать в школу принесенный Еленой букет из одиннадцати роскошных красных роз, которые предназначались классной руководительнице Валентине Антоновне. Никита терпеть ее не мог, считая «дурой и врединой». Данилов, пару раз видевший Валентину Антоновну, полностью разделял его мнение. В конце концов Никита позволил матери уговорить себя, но Данилов, успевший хорошо изучить характер мальчика, не исключал, что по дороге в школу парень может вручить букет первой же девушке, которая обратит на себя его внимание.

Троллейбус не только подошел к остановке одновременно с Даниловым, но и оказался почти пустым. Владимир сел у окна и так глубоко задумался, что чуть было не проехал свою остановку. Выручила память: когда-то именно здесь, в сто тридцать третьей городской больнице, носившей имя профессора Остроухова, свежеспеченный доктор Данилов проходил интернатуру по анестезиологии и реанимации.

«Все возвращается на круги своя, – усмехнулся про себя Данилов. – Был интерном – стал ординатором.

Прогрессирую, и это главное». Владимир слегка хорохорился, в глубине души его беспокоила не только смена профессии, но и сопутствующие обстоятельства...

– Несмотря на время, прошедшее с момента окончания учебы, вы показали превосходный результат, – сказал во время собеседования профессор Мусинский. – Девяносто три правильных ответа из ста даст не каждый сотрудник нашей кафедры. Но вот ваше решение меня лично очень удивляет. Податься в патологоанатомы после стольких лет работы врачом... Если не секрет, то каковы были мотивы, побудившие вас, Владимир Александрович, поступить к нам в ординатуру?

Заведующий кафедрой, несмотря на относительную молодость (пятьдесят с хвостиком), был въедлив и дотошен. Во всем он прежде всего ценил ясность. Впрочем, патологоанатому положено быть именно таким.

– Я устал от лечебной работы, – ответил Данилов. – К тому же меня всегда привлекала патологическая анатомия.

– Интересно узнать, чем именно? – оживился Мусинский, обводя взглядом остальных членов комиссии. – У нас же, мягко говоря... не очень эстетично.

– В медицине эстетам делать нечего, – улыбнулся Данилов. – А патанатомия, на мой взгляд, самая интересная область медицины. Для думающего человека, конечно. Постоянно решаешь загадки, анализируешь, делаешь выводы... очень увлекательно.

– Так, ясно, – заведующий кафедрой покивал головой. – Значит, на «скорой помощи» или в анестезиологии вам было мало загадок? Или там вы действовали не думая?

– Отчего же – не думая, – Данилов понял, что «по предмету» его больше спрашивать сегодня не будут. – Думал, но от этого приятного процесса меня то и дело отвлекали различные сопутствующие обстоятельства. Настал день, и захотелось побольше спокойствия. Меньше суетиться – больше думать...

Исповедоваться на собеседовании Данилову не хотелось.

– А вы читали «Окончательный диагноз» Артура Хейли? – Мусинский явно был мастером как каверзных, так и неожиданных вопросов.

– Читал, давно, еще в студенческие годы.

– Впечатлило?

– Нет, – честно признался Данилов. – Не впечатлило.

– Это хорошо, – одобрил заведующий кафедрой. – А почему?

– Поединок умов не этично накладывать на конфликт нового и старого, особенно в медицине, – Данилову самому понравилось, как емко и сжато он сформулировал ответ.

– Спасибо, – после нескольких секунд молчания сказал заведующий кафедрой, давая понять, что собеседование окончено.

С двумя пятерками – по итогам тестирования и собеседования, – место в ординатуре Данилову было обеспечено. Чудесное, бесплатное место, не только финансируемое из федерального бюджета, но и приносящее своему обладателю стабильный ежемесячный доход в размере двух с половиной тысяч рублей.

– Бешеные деньги – это не большие деньги, а те, получая которые можно сбеситься, – сказала Елена.

– Ничего, – отмахнулся Данилов. – Я же еще и работать буду. По специальности.

– На «скорой»? – удивилась Елена. – Но ты же сам говорил...

– Правильно говорил, – подтвердил Данилов. – На «скорую» не вернусь. Подработка у меня классная – фельдшером-лаборантом в патологоанатомии.

– Вова! – только и выдохнула Елена. – Ты что – с ума сошел? Подрабатывать лаборантом в морге? С врачебным дипломом в кармане?

– Так это же подработка, – пожал плечами Данилов. – В трудовую она не пишется. Да и что плохого – буду оформлять документацию, готовить фиксаторы и микропрепараты, следить за приборами, точить ножи...

– Какие еще ножи?

– Микротомные, какие еще. Заодно буду потихоньку входить в курс дела. На практике. По-моему, очень полезно.

– Ох, Данилов... – вздохнула Елена и перевела разговор на учебу, не дав Данилову сказать, сколько он будет получать, подрабатывая на должности лаборанта.

Вместе с надбавками и премиями на полставки у него должно было выходить вполне прилично. Во всяком случае, так обещал заведующий патологоанатомическим отделением, жена которого работала на одной кафедре с Полянским. Именно Игорь и пристроил Данилова в совместители, когда выяснилось, что работать тому, в сущности, негде.

С пациентами Данилов не хотел иметь дела так же, как не хотел играть по вечерам на скрипке в какой-нибудь полупафосной харчевне. Музыка и прием пищи были в его понимании несовместимы. А работать было необходимо: что он будет за мужик, если не сможет кормить семью. Предложение друга оказалось как нельзя кстати, да и заведующий моргом Данилову понравился. Нормальный сорокалетний мужик, без особенных амбиций и начальственного чванства.

– Отделение у нас непростое, текучесть кадров большая, дисциплина хромает, – признался заведующий Юрий Юрьевич, – поэтому нормальных сотрудников я не обижаю. Поощряю как могу, лишь бы работали добросовестно.

Непростым отделение было потому, что являлось централизованным – обслуживало не одну больницу, а несколько. Больше работы, больше писанины, больше суеты...

– Над графиком, конечно, придется поколдовать... – слегка погрузнел заведующий.

Данилов понимал проблему. В патологоанатомических отделениях дежурят только санитары, по одному на каждое. Врачи и лаборанты работают днем, считая отсутствие ночных дежурств основным бонусом своей службы. А еще их практически никогда не вызывают ночью на работу.

Принимая Данилова, имевшего диплом врача, но не имевшего сертификата по гистологии, заведующий совершал одно нарушение. Привязывая график работы Данилова к его учебе в ординатуре – второе.

– Ладно, буду ставить вам все субботы, а остальное время раскидаем... Вас же интересуют деньги, а не количество отработанных часов?

– Часы меня не интересуют, – подтвердил Данилов.

– Тогда поступим так. В заявление укажите не ноль пять ставки, а «до ноль пяти», приходите будете ежедневно во второй половине дня и заниматься препаратами, поддерживать в порядке оборудование, заполнять бумажки. По субботам приходите с утра. Сделали дело – идите домой. Учитывая, что ваш график несколько, хмм, условный, при необходимости вы можете пропустить какой-то день, только не забывайте заранее меня предупредить. Надеюсь на понимание. Вас рекомендовали как вменяемого человека. Мне надо, чтобы работа была сделана как надо. Все остальное – решаемо. Усердие вознаграждается материально.

– Я все понял. Надеюсь, вы будете мной довольны.

О такой подработке можно было только мечтать: пришел, сделал, ушел. Тихо, спокойно, никто не напрягает.

Главное, чтобы деньги платили и еще чтобы никакой правдолюбец не настучал куда следует о нарушении трудового законодательства и финансовой дисциплины.

Впрочем, последнее мало волновало Данилова: раз заведующий сам предлагает поступить подобным образом, значит, его начальство это негласно поощряет.

– Через месяц станет ясно, приработаетесь вы или нет, – сказал Юрий Юрьевич, давая понять, что разговор окончен.

Данилов не сомневался, что все будет в порядке. Необходимые лаборанту навыки он приобрел еще в институте, в студенческом кружке на кафедре гистологии. А это как умение ездить на велосипеде – на всю оставшуюся жизнь...

По больничной территории Данилов почти бежал – он не любил опаздывать, тем более в первый день. Впопыхах сунулся в здание морга, где располагалась кафедра патологической анатомии, с центрального входа, но охранник, безошибочно распознав в Данилове своего, отправил его к служебному входу.

Сотрудники попадали в отделение через подвал, откуда мимо раздевалки можно было пройти прямо к небольшому залу. Данилов на ходу достал из сумки халат и, не сбавляя темпа, надел его прямо поверх жилета. Часы на запястье показывали пять минут десятого. «Все-таки опоздал».

Но из распахнутой двери доносился нестройный гул голосов, свидетельствующий о том, что собрание еще не началось. Войдя внутрь, Данилов увидел, что все пять стульев в «президиуме», стоящие вдоль длинного обшарпанного стола, еще пустуют.

Данилов уселся в последнем ряду у бокового прохода.

– Доброе утро, – сказал он соседке справа.

Та обернулась и, встретившись взглядом с Владимиром, ответила:

– Доброе утро.

Данилову захотелось ущипнуть себя за руку, чтобы прогнать наваждение. Рядом с ним сидела та самая девушка, хозяйка смартфона, оттягивавшего карман даниловского жилета. Сомнений быть не могло – та же стрижка. Теперь уже Данилов кроме стрижки смог разглядеть все остальное – от серо-голубых глаз до ямочек на щеках. Симпатичная, даже нет – красивая, определенно красивая.

Желая убедиться окончательно, Данилов перевел взгляд на ноги соседки и увидел синие брюки.

– Мы с вами знакомы? – Девушку явно покорила бесцеремонность Данилова.

– Нет, – улыбнулся Данилов. – Но вот уже полчаса или даже больше, как я просто мечтаю с вами познакомиться.

Дружелюбный взгляд соседки сменился равнодушно-отстраненным, ямочки на щеках разгладились, точеный подбородок слегка выдвинулся вперед. Девушка немного помедлила с ответом, явно раздумывая – осадить нахала словами или же ограничиться презрительной улыбкой.

Данилов расстегнул пуговицу на халате, сунул правую руку в жилетный карман и протянул соседке ее пропажу.

– Узнаете?

– Узнаю, – пролепетала та. – Мой телефон... Откуда он у вас? Ах, это же вы... Вас я не запомнила, но вот сумку вашу... Спасибо!

Она взяла телефон, повертела его в руках и убрала в сумочку.

– Пожалуйста! – ответил Данилов, и следуя раз и навсегда усвоенному правилу, гласившему, что мужчина должен представляться первым, назвал себя: – Владимир Данилов, ординатор первого года.

– А я Ирина, – улыбнулась соседка. – И, представьте себе, тоже ординатор первого года.

– Надо же, сколько совпадений, – пошутил Данилов.

– Да уж, кому рассказать – не поверят. А что вы сделали с грабителем?

– Когда он выбросил ваш телефон, я прекратил погоню.

– Фантастика! – от удивления и радости глаза Ирины расширились чуть ли не в поллица. – И вы просто так взяли и побежали за сволочью, укравшей чужой телефон? Не побоялись?

– Признаюсь честно, – Данилов никогда не любил корчить из себя героя, – все произошло так неожиданно, что я ничего не успел понять. Вдруг осознал, что бегу за этим типом. Ну, а раз уж побежал, то надо догнать.

Или хотя бы получить телефон.

– Вы – мой герой! – восхитилась Ирина и тут же добавила: – Не спешите пугаться, это вас ни к чему не обязывает. Просто я расскажу...

– У меня к вам есть одна просьба, – Данилов склонился к уху Ирины и понизил голос, потому что в зал вошел заведующий кафедрой сотоварищи. – Не рассказывайте об этом хотя бы здесь, на кафедре. Я буду стесняться.

– Хорошо, – столь же тихо ответила соседка. – Я расскажу только маме...

– Маме можно, – разрешил Данилов.

– Я рад поздравить всех собравшихся с началом нового учебного года... – На собеседовании Мусинский говорил тихо, но сейчас его голос звучал громко и раскатисто. – Для начала познакомимся с новичками, а затем перейдем к делам.

Кроме Данилова и Ирины на кафедру пришли еще трое ординаторов. Алену Харченко, невысокую блондинку в очках, Данилов внутри себя окрестил Отличницей, и, как показало будущее, не ошибся. Высокий, весь какой-то прилизанный Денис Абанин получил прозвище Красавчик, а худой и взъерошенный Илья Цуркан был назван Воробьем. Ирине, фамилии которой Данилов не расслышал, прозвище как-то не пододелось.

После ординаторов настал черед аспирантов, на которых знакомство с новичками и закончилось. Мусинский представил новичкам профессора Каштанову, заведующую учебной частью, а с остальными сотрудниками предложил знакомиться по ходу дела.

Каштанова тут же попросила слова, поздравила новеньких с приходом на «самую замечательную кафедру на свете» и попросила ординаторов задержаться после собрания. Данилову она понравилась еще на собеседовании: полная, улыбочивая, доброжелательная; казалось, что с такой женщиной легко работать, да и жить, пожалуй, тоже.

Дальше стало неинтересно – сотрудники кафедры по очереди говорили о своих проблемах, не понятных Данилову. Он переглянулся с соседкой и, увидев, что той тоже скучно, возобновил беседу.

Для начала обменялись базовой информацией: рассказали друг другу, кто, когда и какой вуз окончил. Ирина оказалась обладательницей красного диплома, избравшей для себя научную стезю. Ее жизненный план был построен вокруг карьеры: до тридцати непременно защитить кандидатскую диссертацию и сразу же браться за докторскую, чтобы к тридцати пяти годам стать профессором, а к сорока получить свою кафедру. Планами Ирина делилась с доверчивостью вчерашней студентки. Данилов вспомнил, что у Полянского на шестом курсе была точно же такая программа, и с трудом сдержал улыбку. Кандидатом наук Игорь стал, хоть и с некоторым опозданием, но вот о заведовании кафедрой он уже, кажется, и не мечтал. Во всяком случае – давно уже не заводил разговоров на эту тему. Теперь защита докторской с обретением профессорского поста была венцом его карьерных планов.

Затем перешли к семейному положению. Данилов узнал, что его собеседница продолжает врачебную династию и попутно узнал ее фамилию – Захарьина.

– Правда, к тому самому профессору Захарьину наша семья никакого отношения не имеет, – сразу же уточнила Ирина. – Прадед родом из забайкальских казаков.

Жила Ирина с матерью, главным врачом детской поликлиники. Об отце упомянула лишь вскользь, сказав, что он, несмотря на возраст, продолжает оперировать.

Данилов в ответ сообщил, что женат и воспитывает сына, который навряд ли продолжит врачебную династию, так как колеблется в выборе профессии между адвокатом, программистом или банкиром.

– Что, так вот сразу, и банкиром? – не поверила Ирина.

– Да, так и сразу, – подтвердил Данилов. – Очень серьезный молодой человек. Но не исключено, что в итоге остановится на программировании, это же ведь так здорово – сутки напролет просиживать за компом, да еще и деньги за это получать...

После окончания собрания ординаторы первого года пересели в первый ряд, поближе к Каштановой.

– У всех есть с собой карандаши и альбом? – первым делом поинтересовалась она.

Карандашей и альбома не оказалось только у Данилова. Он хорошо помнил, что вся учеба на кафедрах гистологии и патологической анатомии связана с рисованием – зарисовкой препаратов с целью лучшего запоминания, – но не думал, что карандаши понадобятся уже в первый день.

– Карандаши с альбомом должны быть у всех и всегда! – предупредила Каштанова. – Наш заведующий, Георгий Владимирович, в любой момент может показать вам нечто интересное, и он будет крайне расстроен, если вы это тотчас же не зарисуете. Вы можете оставить принадлежности на кафедре, чтобы каждый день не носить с собой. Но – чтобы были у всех. Это первое. Второе – ординаторы первого года должны посещать лекции для студентов и исправно их конспектировать. Советую заранее ознакомиться с тематическим планом и накануне лекции прочитать соответствующую главу в учебнике.

Так будет больше пользы. Лекции читаются не у нас, а в конференц-зале главного корпуса. Не опаздывайте, пожалуйста. И упаси вас бог сказать Георгию Владимировичу или, того хуже – Анне Павловне, что вы знаете все, о чем говорится на лекциях и потому не видите смысла в их посещении. За пять минут вам докажут, что вы не знаете ровным счетом ничего. Со всеми вытекающими.

Вопросы есть?

– Есть, Светлана Сергеевна, – сказал Красавчик. – А разве Анна Павловна читает лекции?

– Да, когда Георгий Владимирович занят. Теперь третье, и, наверное, самое главное. Вы пришли сюда учиться, а не валять дурака. Институт уже позади, то, что вы упустите сейчас, вам уже не удастся узнать. И забудьте про студенческую привычку полгода валять дурака, а потом устраивать мозговой штурм. Таким путем устойчивых знаний не получить. Только ежедневный труд позволит вам овладеть избранной специальностью в полном объеме. Все меня поняли?

– Да, – хором ответили ординаторы.

– Во время тестирования и собеседования на кафедре сложилось хорошее мнение обо всех из вас, – улыбнулась Каштанова. – Надеюсь, что мы не разочаруемся.

На Данилова ощутимо повеяло школой. «Вольдемар, Вы же сами этого хотели», – напомнил он себе.

Сердито жужжа, в стекло билась крупная муха, которой наскучило летать по залу. Ей было невдомек, что существуют ситуации, в которых настойчивость не помогает, а только отнимает силы.

– В час двадцать первая лекция, – сообщила Каштанова. – Теперь можете отдохнуть минут десять, а затем возвращайтесь сюда. Сегодня с вами будет заниматься Дмитрий Алексеевич Ерофеев, ассистент кафедры. Все свободны!

Перерыв был как нельзя кстати: Данилов из последних сил боролся с внезапно накатившей дремотой.

Глава вторая

Первая секция

– Пойдемте в малую секционную, там вас ждет сюрприз, – сказал ассистент Ерофеев ординаторам, ждавшим его в коридоре.

Никто не стал уточнять, какой именно. В секционном зале, то есть в зале для вскрытия трупов, их мог ждать только мертвец.

За два дня ординаторы успели познакомиться с кафедрой, прослушать одну лекцию, побывать на парочке практических занятиях и получить «научное задание». Им нужно было подготовить материалы для научных статей.

Сами статьи писали аспиранты и ассистенты, а профессора с доцентами подписывали их и «продвигали» в журналы – так обеспечивалась преемственность в работе кафедры. В перечне авторов указывались все – от профессора до ординатора; а каждая опубликованная статья подтверждала авторитет написавшего, будучи хоть и небольшой, но научной работой.

Ассистент Ерофеев был человек-ртуть. Он ни секунды не стоял спокойно, без дела: если руки его внезапно оказывались свободны, но начинал дергать себя за бороду или протирать стекла очков. Передвигался он так быстро, что ординаторы едва за ним поспевали.

Сюрпризом оказался труп мужчины, на вид лет шестидесяти – шестидесяти пяти.

– Вот вам задание на сегодняшний день! – сказал Ерофеев, перебирая фартуки, висевшие на стене. – Так... перчатки тоже есть... Все есть! Можете облачаться и приступать. Ваша задача – установить причину смерти и при этом не изуродовать труп. Когда закончите – позовете.

При поступлении все вы показали себя людьми сведущими, пора посмотреть, как вы умеете применять знания на практике.

– Дмитрий Алексеевич, а где история болезни? – спросила Ирина.

– А зачем вам история болезни? – Ерофеев изобразил крайнее удивление. – Только зря время терять. Мало ли, что там написали лечащие врачи? Может быть, они дилетанты и профаны, которые пытаются навязать вам свое мнение? Привыкайте рассчитывать только на себя.

– Но мы хотя бы должны представлять, где и что нам искать... – сказала «отличница» Алена, но Ерофеев не дал ей договорить.

– Разумеется – должны! Непременно – должны! Значит так, на вопрос «где?» отвечаю «здесь!», – ассистент указал правой рукой на труп. – А на вопрос «что?» отвечаю «причину смерти!». Еще вопросы будут?

Ординаторы молчали.

– Тогда – нож в руки и вперед! – подбодрил их Ерофеев. – Хотите – с песнями, хотите – без. А мне пора.

– Такой молодой и уже такой вредный! – высказалась Ирина, когда Ерофеев ушел.

– Одно от другого не зависит, – заметил Денис. – Ты что, вредных детей не видела?

– Давайте займемся делом! – ответственная Алена уже надевала фартук.

Спустя пять минут ординаторы стояли вокруг стола.

Как-то само собой вышло так, что скальпелями вооружились Алена и Данилов. Резать не спешили – обменивались мнениями.

– Скорее всего – онкология, – предположил Денис. – Истощение налицо.

Покойник и впрямь был из тех, про кого говорят «кожа да кости». Рот слегка приоткрыт, глаза закрыты, губы синие, правое плечо немного ниже левого. Вот и все данные внешнего осмотра.

– Давайте-ка перевернем его, – предложил Данилов.

Илья и Денис помогли ему перевернуть труп на живот, но осмотр тыла ничего не дал.

– Почему обязательно онкология? – возразила Ирина. – Почему, например, не туберкулез?

– Туберкулез можно исключить, – сказал Данилов. – Сразу.

– На каком основании? – Ирине явно хотелось поспорить. – Или ты ясновидящий экстрасенс? Тогда, может, скажешь сразу диагноз?

– Действительно, а почему не туберкулез? – заинтересовалась Алена.

– Потому что туберкулезные трупы сюда не попадают, – объяснил Данилов. – Для них есть свой морг, при седьмой туберкулезной больнице.

– Знаем такую тут неподалеку, – сказал Денис.

– Меня вообще Сокольники как район не впечатляют, – отвлеклась от темы Ирина. – Туберкулезная больница, городской противотуберкулезный диспансер, кожно-венерологический диспансер и тюрьма!

– Поверь, нефтезавод гораздо хуже всего перечисленного, – сказал Илья, снимавший квартиру в Капотне.

– Но ведь здесь городской патологоанатомический центр, – возразила Алена. – И труп могли по каким-то соображениям привезти сюда.

– Наверяд ли, – покачал головой Данилов.

– А где подушка? – вспомнил Денис.

Твердая «подушка» в клеенчатой наволочке лежала под столом. Данилов поднял ее и положил под шею трупа с таким расчетом, чтобы было удобнее вскрывать черепную коробку.

– Предлагаю работать не всем сразу, а в обычном порядке, – сказал Данилов. – Желающие поработать с головой есть?

– Начинай, а я буду ассистировать, – предложил Илья.

Покойник был лыс, что облегчало задачу. Стараясь вести скальпель плавно, Данилов сделал на голове трупа длинный разрез – от правого уха к левому. Вышло неплохо. Пока Данилов осматривал взятую со стола с инструментами рамочную пилу, похожую на обычную ножовку, Илья подготовил поле: натянул кожу на лицо и затылок.

Данилов зафиксировал голову трупа левой рукой, а правой стал пилить – очень осторожно, даже почтительно, стараясь не повредить мозг. Слишком ретивый пыльщик мог сорвать крышку черепа вместе с содержимым.

Остальные ординаторы молча ждали, пока Данилов закончит.

Распил получился ровным, почти образцовым. Отложив пилу, Данилов взял долото, вставил его в распил и покачал. Раздался негромкий хруст. Илья подал молоток.

Данилов переместил долото туда, где щель была уже, и коротко, но сильно стукнул по нему молотком. Снова захрустело.

Молоток был не простой, а анатомический. Небольшой, цельнометаллический, хромированный. Внизу рукоять заканчивалась крючком, предназначенным для окончательного вскрытия черепной коробки. Как только Данилов вставил крюк в щель, Илья взял труп за руки и налег на него всем телом, чтобы покойник не свалился со стола. Данилов нажал на молоток. На сей раз раздался не хруст, а громкий звук, прозвучавший в тишине, словно выстрел. Свод черепа упал на стол, сверху вывалился мозг.

Данилов взял в правую руку «мозговой» нож – обоюдоострый, с длинным плоским и закругленным на конце лезвием, – затем схватил мозг левой рукой, потянул его и перерезал черепные нервы.

С мозгом и ножом в руках Данилов перешел к малому столу, предназначенному для работы с органами. Положив мозг на стол, Данилов перерезал ножом мозолистое тело, соединяющее оба полушария, и мозг распался на две половины.

– Чувствую я, что здесь мы что-то найдем! – сказал Данилов и принялся нарезать мозг тонкими пластинками. Каждый срез внимательно осматривался всей компанией до тех пор,

пока в левой височной доле не обнаружались признаки кровоизлияния. Обширного, явно ставшего причиной смерти.

– Быстро мы управились! – обрадовался Денис.

– Какое там – управились, – осадил его Данилов. – Мы только начали. Или ты уверен, что наш друг больше ничем не болел?

– Да нет, не уверен, – Денис пожал плечами.

– Тогда пойдем дальше! – сказал Данилов, возвращаясь к столу.

Илья приподнял труп за плечи, давая Данилову возможность переложить «подушку» под спину, так, чтобы покойник расправил плечи и слегка выгнулся вперед.

В таком положении удобнее делать вскрытие и извлекать органы.

Данилов снова взял в руки скальпель и разрезал кожу от кадыка до лобка. На пару с Ильей они завернули кожу книзу – на профессиональном жаргоне это называлось «снять куртку». Настал черед другой, ножевой, пилы. Данилов аккуратно пилил ребра, вырезая грудину, а закончив, уступил место Илье. Тот довольно быстро извлек внутренние органы и выложил их на столе рядом с мозгом.

– А теперь предлагаю разделиться! – распорядилась Алена. – Так будет быстро и не скучно. Я возьму себе печень. Нет возражений?

Возражений не было. Данилову, как уже много сделавшему, достался желудок – пустой, практически без содержимого, с небольшим рубцом на слизистой оболочке.

– Язвенная болезнь желудка, ремиссия, – сообщил коллегам Данилов.

– А тут метастазов ку-у-уча, – протянула Ирина. – Ищите источник...

К часу дня секция была закончена. Дениса отправили за Ерофеевым. Тот пришел, долго копался в органах, долго рассматривал в микроскоп препараты, которые приготовили Алена с Ириной, и наконец, сказал:

– Вроде как все верно! Молодцы!

– А теперь-то покажете нам историю? – спросила Ирина.

– Конечно, – рассмеялся Ерофеев. – Вам же секцию оформлять, как же тут без истории болезни... Сейчас принесу. А вы пока посмотрите вот это. Интересно – сумеете опознать?

Он достал из кармана стеклышко с каким-то препаратом и положил его предметный столик микроскопа под зажимы.

– Возможно, что ваши мнения разделятся, – улыбнулся Ерофеев и скрылся за дверью.

– Какой-то день загадок, – поморщился Денис. – До экзаменов, кажется, еще далеко...

– Чувствую я, что вся ординатура будет одним сплошным экзаменом, – сказал Данилов. –

И не могу сказать, что мне это не нравится. Так интереснее.

Алена уже сидела за микроскопом и рассматривала препарат. Через пару минут она поднялась и уступила место Ирине.

– Узнала? – спросил Илья.

– Пусть все посмотрят, а потом обсудим, – ответила Алена.

– Можно сделать иначе – пусть каждый запишет свой вариант ответа, а потом сравним, – предложил Данилов.

Идея всем понравилась.

Вернувшийся с историей болезни Ерофеев тоже не имел ничего против. Собрав все пять листочков, он бегло просмотрел их, скомкал и швырнул в урну.

– Сначала порадовали, а потом немного разочаровали! – Ерофеев погрозил ординаторам пальцем. – Все пятеро написали полную чушь, причем каждый – свою.

Что ж, закономерно. Это правда бывает одна, а глупость вариабельна и многогранна. Предлагаю посмотреть препарат еще раз. Обратите внимание на крупные полигональные клетки с эозинофильной цитоплазмой.

– Саркома! – Алена в расстройстве хлопнула себя по лбу. – Какая же я дура! Это же саркома!

– Да, это саркома мягких тканей, – подтвердил Ерофеев. – Ладно, как оформите секцию, так можете разбегаться. Сейчас пришлю санитаров.

Согласно правилам, каждый труп после вскрытия должен быть соответствующим образом подготовлен к выдаче для захоронения.хлопотное это дело – подготовка трупа. Трудоемкое.

Первым делом, для того чтобы труп не «потек», чтобы из него не вылились никакие жидкости, нужно было тщательно высушить все полости. Затем следовало зашить задний проход, а у женщин еще и влагалище.

Ненужные патологоанатомам органы, не взятые для учебных или научных целей, следовало положить внутрь тела. Никто не заботился о соответствии естественному расположению – незачем; селезенка могла оказаться в черепной коробке, а мозг – в брюшной полости. Оставшиеся пустоты следовало заполнить гигроскопичным материалом – ватой, опилками или хотя бы газетами.

Отвисающую нижнюю челюсть нужно было подпереть чем-нибудь со стороны шеи. Можно было сделать и лучше – сшить губы вместе незаметным швом.

Шить вообще приходилось много: надо было ушить все разрезы. Шили не хирургической, а обычной большой иглой; некоторые патанатомы предпочитали изогнутую. И все шили хирургическим шелком, дешевым и прочным.

Спиленную черепную крышку закрепляли гвоздиками, после чего возвращали на место кожу и зашивали разрез. Недостающие кости или суставы заменяли деревянными вставками или гипсовыми муляжами согласно правилу, гласящему, что твердое должно быть твердым, а мягкое – мягким.

Собранный и зашитый труп обмывали под проточной водой с мылом, обтирали и «штукатурили»: брили, причесывали, гримировали. Тут были очень кстати прижизненные фотографии покойника. В конце труп одевали и укладывали в гроб – и тогда только отдавали родственникам покойного.

С сегодняшнего дня Данилов начинал работать. Накануне он звонил Юрию Юрьевичу, и тот сказал, что все равно проторчит на работе до вечера, поэтому сам представит Данилова коллективу и введет в курс дела. После занятий Данилов наскоро перекусил в «Макдоналдсе» и спустился в метро. Ехать было удобно – без пересадок.

И время хорошее – до часа пик еще далеко. Можно было почитать или подумать.

Данилов был очень удивлен тем, как его мать отреагировала на крутой профессиональный вираж. Против ожидаемого Светлана Викторовна не ужаснулась и не бросилась отговаривать сына. Наоборот – выдержала паузу и сказала:

– Что ж, может быть так и надо.

– Вот уж не думал, что ты со мной согласишься, – признался Данилов.

– Вова! – с укоризной сказала мать. – Во-первых, это твое собственное дело. Тебе решать, тебе жить. Во-вторых, не исключено, что это твое призвание. Может, ты наконец возьмешься за ум и по примеру Игоря сядешь за диссертацию. В-третьих, в жизни каждого мужчины наступает момент, когда бес пинает его в ребро...

– Хватит, мам, – Данилов поднял обе руки в жесте безоговорочной капитуляции.

– Нет, я уж dokonчу, раз начала. В-четвертых, твоя работа на «скорой» мне никогда не нравилась! Бомжи, аварии, всякие опасности... Я каждый раз ждала тебя с дежурства, как с войны. Особенно после того, как тебя чуть ли не убил этот проклятый китаец! И анестезиология – не самый лучший выбор. Я же знаю, что все анестезиологи постоянно дышат газами, которые дают своим больным. А тут хоть тихая спокойная работа...

– Никаких дежурств.

– Да, именно – никаких дежурств. Да и ординатура тебе не помешает. В наше время врач без ординатуры – это и не врач вовсе.

– Тут ты не права, – возразил Данилов.

– Зато я права в главном – к середине жизни ты наконец взялся за ум!

Данилов не раз убеждался в том, что жизнь просто обожает устраивать сюрпризы. Уверен в чем-то? Получи совершенно противоположный результат! Ждешь одного?

Получай другое! Выстроил четкий план действий? Забудь о нем! Данилову казалось, что Елена согласится с ним, а мать будет против, но вышло наоборот. Или почти наоборот.

Елена была настроена критически. Патологоанатомия в ее представлении была скучным, унылым занятием – ни для ума, ни для сердца. Еще больше она не могла смириться с тем, что Данилов словно перечеркнул свой чуть ли не десятилетний опыт врачебной работы и начал карьеру с нуля, да еще и нашел сомнительную подработку на фельдшерской должности. Данилову несколько раз казалось, что вот сейчас Елена не выдержит и скажет что-то вроде: «Лучше бы ты в охранники или в дворники пошел!»

Елена говорила другое:

– Вовка! Вся твоя проблема, извини меня, конечно, не стоит и выеденного яйца! Тебе бы сходить к нормальному психологу, выговориться, снять стресс, проветрить мозги и продолжать работу. На фиг тебе сдалась ординатура по патологоанатомии? Ты же там от тоски подохнешь! Тебе же всегда нравилась живая работа с людьми!

– Да, нравилась, – в сотый, наверное, раз подтвердил Данилов. – А теперь не нравится. Так вот вышло. Ты еще некрофилом меня назови!

– Ты не некрофил, ты – подросток! Упрямый, не желающий прислушаться не только к добрым советам, но и к самому себе!

Хорошо хоть, что у обоих хватало ума окончить разговор, не доводя до ссоры. Всякий раз Данилов надеялся, что Елена не станет больше возвращаться к этой теме, но напрасно. Достаточно было маленькой искорки, чтобы тут же разгоралось пламя.

Юрий Юрьевич выдал Данилову халат и ключ от одного из шкафчиков в раздевалке, затем представил его коллективу в лице дежурного санитара Валеры, лысого флегматичного толстяка, а затем показал, где находятся нужные кабинеты. Их было немного – бумажный архив, где хранилась медицинская документация и чистые бланки; архив для микропрепаратов и биопсийного материала; лаборатория для приготовления препаратов; кладовка с реактивами и дезинфицирующими средствами.

– Вообще-то дезсредства положено хранить вместе с инвентарем для уборки, – зачем-то сказал заведующий, – но у нас повелось так.

Данилов не возражал, ему было все равно. Он думал, что заведующий некоторое время будет рядом контролировать процесс, но тот показал неотработанный материал и ушел к себе.

Данилов начал работать. На неделе он проштудировал литературу по специальности, освежил в памяти методы и пропорции и уже через пять минут почувствовал себя настоящим лаборантом-гистологом. Небольшая заминка вышла с бланками, но Данилов запорол всего два, после чего уже не ошибался с графами.

Разок в дверь заглянул Валера. Встретив взгляд Данилова, успокаивающе махнул рукой – мол, работай, не буду мешать. Данилов так и не понял, что это было – контроль или случайность.

В девятом часу Владимир закончил с последним препаратом, отнес отработанный материал в архив, подивился тому, что и здесь на дверки холодильников принято лепить разные сувенирные магнитики. В следующий заход принес в архив готовые микропрепараты и сложил их в отдельную ячейку вместе с бланками. Затем вернулся в лабораторию, убрал за собой, осмотрел для порядка микротом (прибор для получения срезов животных и растительных тканей, залитых в парафин), нашел, что тот работает исправно, и отправился в раздевалку.

В коридоре Данилов встретил Валеру.

– Уже отстрелялся? – спросил тот.

Данилов развернулся и пошел за Валерой. Дойдя до двери с пластиковой табличкой «Комната отдыха», Валера толкнул ее и отступил в сторону, одновременно сделав приглашающий жест рукой:

– Прошу!

– Спасибо, – поблагодарил Данилов и вошел внутрь.

Там было на удивление уютно. Удобный, не старый еще раскладной диван, стол, покрытый чистой клеенкой, три металлических винтовых стула, небольшой телевизор, подвешенный на кронштейне к потолку, тумбочка в углу, раковина у двери, небольшой кактус на подоконнике.

– Садись на диван, – распорядился Валера. – Выпьем по сто пятьдесят за знакомство, и пойдешь домой.

– А удобно ли? – как и положено новичку, усомнился Данилов.

– Более чем! – заверил Валера, доставая из тумбочки две стопки и полупочатую бутылку молдавского коньяка.

Следом за выпивкой на столе появилась закуска – плитка горького шоколада. Валера определенно знал толк в сочетании напитков и закусок. Данилов поймал себя на мысли о том, что санитару больше бы подошла бутылка водки и граненые стаканы вместо хрупких стопок.

– По чуть-чуть, чисто символически, ведь мы на работе, – сказал Валера, неверно истолковав улыбку Данилова.

Сев на один из стульев и разлив коньяк по рюмкам, санитар провозгласил традиционное:

– За знакомство!

Выпили, закусили шоколадом.

– Юю сказал, что ты раньше на «скорой» работал, а теперь в ординатуре учишься, так ведь?

– Так, – подтвердил Данилов, не любивший рассказывать в подробностях свою биографию.

– У нас хорошо, – сообщил Валера. – Сам не пойму, чего отсюда все сваливают. Можно подумать, что в других местах лучше.

– Хорошо там, где нас нет, – вставил Данилов, чтобы не показаться невежливым.

– Я здесь уже шестой год, – Валера отломил от плитки очередную дольку и, сунув ее в рот, зачмокал от удовольствия. – Люблю сладкое, по мне это видно.

Данилов почувствовал расположение к Валере. Причиной тому был не коньяк и не шоколад – ему всегда нравились люди, умеющие смеяться над собой.

– Я ведь тоже когда-то учился на врача, – поведал Валера, – в Саратове. Отчислили с третьего курса – завалил летнюю сессию. Пересдать тоже не удалось, пришлось идти служить. Вот так...

Валера разлил оставшийся коньяк.

– А после армии? – поинтересовался Данилов.

– А после армии женитьба, поиски хорошей работы, и как видишь! – Валера обвел рукой вокруг, словно демонстрируя свои достижения. – Вот такие пирожки. Ну, давай за все хорошее!

После того как коньяк был выпит, мужчины минут десять поговорили «за жизнь» – обо всем и ни о чем. Беседу прервал звонок.

– Привезли кого-то, – Валера не торопясь вымыл стопки, убрал их в тумбочку, отправил пустую бутылку и обертку от шоколада в корзину для мусора, стоявшую под раковиной, и только тогда пошел открывать.

По дороге из раздевалки Данилов заглянул в приемную. Валера разговаривал с незнакомым мужчиной в форме парамедика.

– Всего хорошего! – сказал он Данилову. – Будем считать, что знакомство состоялось.

– И тебе не кашлять!

На выходе Данилов попрощался с угрюмым усатым охранником и поспешил домой, предвкушая горячие бутерброды с кофе, душ и прочие радости жизни.

Глава третья Если Бог даст...

Нет ничего зазорного или унижительного в том, что ординаторы сидят на лекциях и практических занятиях вместе со студентами. Повторение – мать учения. Вдобавок, отпустив студентов, преподаватели нередко просят ординаторов задержаться и поучаствовать в разборе каких-либо сложных или редких случаев по теме занятия.

У каждого своя манера преподавания – кто-то, подобно Ерофееву, любит загадки и каверзы, а кто-то просто делится своими знаниями.

Первые три недели Данилову казалось, что дураков на кафедре профессора Мусинского нет. Все преподаватели были умными, деловито-собранными, дружелюбными.

Не кафедра, а аристократический салон.

Ординаторы занимались решением клинико-морфологических задач по расстройствам кровообращения, когда из коридора слышались громкие крики. Можно было разобрать отдельные фразы:

– Что он себе позволяет?! Нашел дуру!.. Молчать не стану!

Ассистент Граблина, проводившая занятие, на посторонний шум никак не отреагировала, даже не выглянула в коридор.

– Что там такое, Надежда Алексеевна? – спросила Ирина, отрываясь от микроскопа.

– Ничего особенного, – поморщилась Граблина. – Доцент Стаканникова почтила нас своим присутствием.

– Доцент Стаканникова? – переспросила Алена. – Она с вашей кафедры?

– Наталья Анатольевна читает лекции стоматологам, – пояснила Граблина, – и руководит нашей базой в шестьдесят пятой больнице. Здесь она бывает редко.

К счастью.

Крики продолжались долго, минут десять, пока, наконец, после «А вот и Георгий Владимирович!» не наступила тишина.

– Давайте немного отдохнем, – предложила Граблина и, не дожидаясь ответа, встала и вышла из лаборатории.

– Стаканникова – это песня, – сразу же после ее ухода сказал Денис. – Неужели вам стоматологи про нее не рассказывали?

– Нет, – ответила за всех Ирина.

– У тети огромные амбиции, докторская степень и нет не то что заведования, но и профессорского звания, – продолжил Денис. – Плюс недостаток мужского внимания. В общем, редкая стерва.

– Знаешь что?! – сразу же вскинулась Ирина. – Не надо увязывать характер женщины с избытком или недостатком мужского внимания! Это по меньшей мере...

– Успокойся, пожалуйста, – попросил Денис. – Я просто хотел сказать, что у человека, ни разу не бывшего счастливым в любви, портится характер.

– Это одно и то же! – возразила Ирина. – Мы тебя прекрасно поняли.

– Давай лучше про Стаканникову, – попросил Илья.

– Что – заинтересовало? – съязвила Ирина.

– Нам в шестьдесят пятой придется провести два месяца. Ты что – план не видела? И я уже чувствую, что эти месяцы станут незабываемыми.

– Вы правы, коллега, – подтвердил Денис. – Там-то мы узнаем о себе всю правду, а точнее, что мы – безмозглые тупицы, лентяи и патанатомы из нас, как из печени кость!

– Из печени кость? – Данилов никогда не слышал подобного выражения.

– Ее любимая присказка. Она еще и не такое может выдать...

– Интересно, в чем причина сегодняшнего скандала? – спросила Алена.

– Причина всегда одна, – Денис махнул рукой. – Стаканникову опять обошли, обделили или обидели. Потерпи немного – скоро все узнаешь.

На два часа было назначено кафедральное совещание – конечно, с обязательной явкой ординаторов и аспирантов.

В худой, натянутой словно струна, брюнетке в строгом, без излишеств, сером костюме, вошедшей в зал вместе с Мусинским, нетрудно было опознать доцента Стаканникову. Ее можно было бы назвать красивой, если б не надменно-брезгливое выражение, искажавшее черты лица.

Отказавшись от предложенного ей Мусинским места в президиуме, Стаканникова уселась в первом ряду, напротив заведующего. Сидела она в позе примерной ученицы: прямая спина, взгляд устремлен вперед.

– Начнем, – сказал Мусинский, дождавшись тишины в зале.

Стаканникова тут же встала и заняла место за кафедрой.

– Наталья Анатольевна... – покачал головой Мусинский.

– Несмотря на то что Георгий Владимирович просил меня не поднимать этот вопрос на сегодняшнем совещании, я все же поступлю по-своему, – заявила Стаканникова. – Пусть даже и вне регламента!

Дама оказалась прирожденным проповедником с великолепно поставленным голосом и гипнотизирующим взглядом бездонных карих глаз.

– Если кто не знает – администрация шестьдесят пятой больницы по своему почину, без согласования с кем-либо, отобрала у нашей кафедры две учебные комнаты! – Стаканникова выдержала паузу, явно ожидая взрыва негодования.

Собравшиеся молчали. Лишь несколько человек, подобно Стаканниковой, явившиеся на заседание без халатов, видимо, сотрудники филиала, негромко высказались с места в стиле: «Это ужасно!»

– Но ведь мы уже все обсудили, Наталья Анатольевна, – развел руками Мусинский. – Эти комнаты были предоставлены нам временно, до приобретения больницей томографа. Администрация сделала любезность...

– Это были наши комнаты, Георгий Владимирович!

И любой настоящий руководитель, – Стаканникова выделила голосом слово «настоящий», – никогда не отдаст помещения без борьбы! Того и гляди, нас завтра вообще выставят на улицу! Что – прикажете ютиться здесь?! Сидеть на голове друг у друга?

– Теперь до шести не закончим, – не понижая голоса, высказался в пространство доцент Поленов.

– Я прекрасно понимаю причину вашего нетерпения, Кирилл Владимирович, – губы Стаканниковой растянулись в ехидной улыбке, – но ничем помочь не могу.

По залу прощуршал тихий смех: женитьба пятидесятилетнего Поленова на одной из своих студенток стала любимой темой для шуток – обычно дружелюбных и не обидных.

Поленов благоразумно не стал отвечать, только пожал плечами.

– Хорошо, что вы предлагаете, Наталья Анатольевна? – уступил Мусинский. – Выделить вам эти две комнаты здесь?

– Я предлагаю написать письмо в Департамент здравоохранения с жалобой на самоуправство главного врача шестьдесят пятой больницы и просить поддержки в ректорате...

– Ректорат-то тут чем поможет? – удивился Мусинский.

– Как это чем, Георгий Владимирович! – в свою очередь изобразила удивление Стаканникова. – Если департамент не пожелает вмешиваться, то придется обращаться в министерство. Я надеюсь, что до этого не дойдет, но кто его знает? Малинин – настоящий самодур.

Когда я его спросила о том, не боится ли он испортить отношения с главным патологоанатомом Москвы, он ответил, что это не повод...

– Наталья Анатольевна! Я бы попросил вас никогда не выступать от моего имени без моего ведома! – нахмурился Мусинский.

– Но я...

– Минуточку! – попросил заведующий кафедрой. – Ординаторы и аспиранты могут быть свободны.

– Эх, не удалось нам досмотреть шоу, – притворно грустно вздохнул Денис, спускаясь по лестнице в подвал.

Данилов промолчал – его совершенно не интересовали производственные конфликты.

– Как Георгий Владимирович только ее терпит? – удивилась Ирина.

– Связываться не хочет, – ответил Данилов. – Если она по поводу двух не принадлежащих ей комнат способна дойти до министра, то при попытке от нее избавиться...

– Она обратится к президенту! – закончил Денис.

– Не иначе, – согласился Данилов.

– Все к лучшему, – подал голос оптимист Илья. – Шоу мы не досмотрели, зато освободились часа на полтора раньше...

«Можно позволить себе пообедать где-нибудь основательно», – подумал Данилов. Традиционный обед из двух гамбургеров (недорого и до вечера хватает) ему давно уже приелся. Захотелось немного роскоши – например, бизнес-ланча из трех блюд.

Данилов никогда не жил на широкую ногу, но ограничивать себя во всем так, как сейчас, ему приходилось только в студенческие годы. Необходимость считать каждый потраченный рубль не тяготила, а просто угнетала.

И еще больше угнетало сознание того, что впереди два таких года.

Впервые в жизни Данилов пожалел о том, что так и не выучил толком ни один иностранный язык. Можно было бы заниматься переводами. Не слишком большой, но в целом неплохой заработок для ответственного человека, умеющего организовать свое время.

Не знаешь, что и лучше – нервничать по поводу невеликих доходов или всякий раз, занимаясь с пациентом, терзаться сомнениями, вызванными неуверенностью в себе. Недаром говорится, что победитель тяжело переносит поражение.

Смириться с таким положением Данилову помогало лишь осознание правильности своего решения. Не представляя себя вне медицины, Владимир тем не менее не мог больше работать с живыми людьми – мнительность и неуверенность в себе одолевали его настолько, что мешали принять правильное решение. Оставалось одно: работать с мертвыми, которым уже не навредишь, и с присланным на исследование материалом.

Составление заключения по данным гистологического исследования было делом очень ответственным, ведь от его правильности зависел чей-то диагноз, а очень часто и жизнь. Достаточно было, например, пропустить признаки онкологического процесса, чтобы сильно осложнить жизнь пациенту. Но эти соображения Данилова совсем не смущали. Он не видел людей, он работал с присланным материалом: исследовал срез или каплю на предметном стекле и давал заключение. Это не напрягало.

Несколько лет назад Данилову не пришлось бы становиться патологоанатомом через ординатуру – хватило бы и трехмесячных курсов переподготовки. Однако в министерстве сочли, что для подавляющего большинства врачей трех месяцев недостаточно, и изменили правила, оставив лазейку только для избранных – хирургов, урологов и онкологов.

«Ладно – прорвемся, – в который уже раз подбодрил себя Данилов. – Опять же – ординатура будет за плечами, а это очень полезно для карьеры. И до тридцати пяти лет мне еще далеко...»

Зайдя последовательно в пару кафе возле больницы, Данилов отправился в опустылевший «Макдоналдс».

Там, по крайней мере, было чисто и не пахло ни прогоркшим, ни подгоревшим.

Сам Данилов не помнил первых кооперативных кафе, появившихся в середине восьмидесятых годов прошлого века, но его мать утверждала, что в них кормили хоть и дорого, но очень вкусно.

– И куда все подевалось? – сокрушалась Светлана Викторовна. – Казалось, что дальше будет только лучше, а вышло наоборот.

Мать не преувеличивала. В огромной Москве Данилов мог не, задумываясь, назвать не более пяти-шести мест, в которых вкусно кормили. Все прочие годились только для кофепития и разговоров.

– Все дело в конкуренции и дорогой аренде, – объяснял Полянский, которого работа в Институте питания попутно сделала знатоком современного общепита. – В итоге дело заканчивается тем, что нерадивые официанты разносят то, что приготовили из полуфабрикатов неопытные повара.

Данилов не был согласен с этим утверждением, но спорить не пытался. Какой смысл обсуждать причины, если его интересует только результат.

На работе сегодня пришлось попотеть: завалили материалом.

– У нас так – то пусто, то густо, – сказал Юрий Юрьевич, заглянув в лабораторную комнату к Данилову.

– Что-то я не замечал, чтобы было пусто, – пошутил Данилов.

– Это вы еще густо не видели, – серьезно сказал заведующий и ушел к себе.

Данилов продолжил заливать материал парафином.

«Надо бы брать с собой плеер, – подумал Владимир. – С музыкой всяко веселее».

Вдруг откуда-то со стороны входа донеслись безумные крики, переходящие в вопли. «Что за день, – вздохнул Данилов. – На кафедре орут, здесь тоже орут».

Он вытер руки полотенцем, лежавшим здесь же, на столе, и пошел на шум.

Его помощь не понадобилась. Валера при молчаливой поддержке стоявшего рядом охранника уже почти погасил скандал.

– ...повторяю – сейчас тело вам никто не отдаст, – говорил он двум женщинам, очень похожим друг на друга. – Если вы не хотите, чтобы вашу маму вскрывали, то прямо с утра напишите заявление на имя главного врача...

– Мы напишем, а вы тем временем сделаете вскрытие! – взвизгнула та, что постарше.

– Зачем нам терять время? – поддержала ее младшая. – И без того есть чем заняться!

– Дежурный врач такие вопросы не решает, – миролюбиво ответил Валера.

– А за деньги? – старшая полезла в сумочку.

– Я трупами не торгую, гражданка! – Валера потерял терпение. – Сказано – завтра, значит – завтра! Успеете. Все равно раньше обеда до вашей мамы не доберутся!

– Ну вы хоть пометочку сделайте, – попросила младшая.

– Сделаю, сделаю, – пообещал Валера и довольно невежливо вытолкнул посетительниц в коридор. – Леша, проводи!

Охранник ушел за женщинами.

– Ну и денек сегодня, – Валера отер лоб рукавом халата. – С утра только и делаем, что лаем. У одного жмура две золотые коронки пропали...

– Это как? – Данилов присел на обтянутую клеенкой кушетку – ноги, гудевшие от стояния за рабочим столом, настойчиво требовали отдыха.

– Да так... – Валера сел рядом, оперев кулаки в колени.

«Совсем, как борец сумо», – подумал Данилов.

– Привезли деда с двумя зубами желтого металла, если верить тому, что написали при приеме, а на выдаче у него этих зубов не оказалось.

– Так куда же они делись?

– Вова, ты чего! – Валера окинул Данилова снисходительным взглядом. – Скоммуниздил их кто-то из своих, ясное дело. Не пропил же их дедушка!

– Надо же... – Данилова передернуло от одной мысли о краже золотых коронок у покойника. – И чем все закончилось?

– Чем-чем, – проворчал Валера. – Да ничем. Скандалом. Что они себе думают? Хотят, чтобы я оплатил им пропажу. Так пусть сначала докажут, что коронки были золотыми. Может, там обычный металл с напылением...

– Тогда зачем их красть?

– Наши люди – как сороки. Что ухватят, то к себе и тащат. Коронки ладно, по весне с одного трупа искусственный глаз украли. Кому и зачем понадобился – ума не приложу. Разве что себе в жопу вставить и народ пугать?

Ой, мать! Только с зубами разобрались, как дневной напарник во дворе разбился. Прикинь – вез пустую каталку, споткнулся и об нее же мордой приложился. Да так хорошо, что с сотрясением в травму положили. Пришлось за двоих отдуваться. Ну а про мелочи, вроде того, что кислотой облить пообещали, я вообще молчу...

– Кислотой-то за что? – ахнул Данилов.

– За то, что в кардиореанимации молодой мужик от инфаркта помер. Жена так и сказала – похороню и вернусь разбираться со всеми. И со мной в первую очередь.

– Почему? – так и не понял Данилов. – Ты же его не лечил.

– По кочану! Потому что я в белом халате, потому что рожа у меня сытая и наглая и потому, что я пока живой, а ее муж – нет. Вот такие пирожки. Надоело все так, что хочется бросить все и уйти в таксисты. Пусть в деньгах потеряю, зато спокойнее жить стану!

Последняя фраза сильно удивила Данилова, полагавшего, что таксист в любом случае должен зарабатывать больше, чем санитар морга, но задавать вопросы больше не хотелось. Пора было возвращаться к препаратам.

– Ты потом не исчезай, – сказал Валера вдогонку, – расслабимся немного.

– Да мне как-то... – замялся Данилов, которого угощали уже дважды: с другими дежурными санитарями тоже пришлось выпить «за знакомство».

– Отказы не принимают! – санитар погрозил толстым пальцем.

– Но мне неудобно...

– Неудобно штаны через голову надевать! – заржал Валера. – Я же тебе от души предлагаю, как своему в доску, а ты выкаблучиваешься.

– Больше не буду, – пообещал Данилов, закрывая за собой дверь.

На этот раз Валера накрыл на стол прямо в приемной и пригласил присоединиться охранника Лешу, с которым у него явно были хорошие, если не дружеские, отношения. Санитар выставил литровую бутылку водки, по банке маринованных огурцов и грибов, тарелочку нарезанного сала, упаковку ветчины и, разумеется, душистый бородинский хлеб.

– Настоящий мужской обед! – одобрил охранник Леша.

– Ужин, – поправил Валера. – А для меня лично – завтрак. Я сегодня еще ничего не ел... После первой заговорили о наступающей зиме.

– Хорошо зимой будет, – Валера с наслаждением потянулся, да так, что кости хрустнули.

– Почему это? – полюбопытствовал Данилов.

– Главным образом потому, что, если холодильник сломается, жмуры не потекут: в подвале и так холодно будет.

– Кто о чем, а вшивый о бане, – проворчал охранник, с аппетитом поедая сало. – Хоть за едой можно о работе не говорить.

– Можно, – согласился Валера. – Зимой люди катаются на лыжах...
– И ты тоже? – спросил охранник.
– И я.
– Тебя, слонопотама, небось только усиленные лыжи и выдерживают, – поддел охранник.
– Представь себе – лыжи у меня обычные! – окрысился Валера, зачерпывая столовой ложкой из банки с грибами.

Вилочек не было; впрочем, Данилов давно подметил, что ложками есть вкуснее.

После второй Валера вдруг спросил:

– Вова, а что ты делаешь по ночам?

– Сплю, – ответил Данилов. – Сном праведных.

– А способен ты, к примеру, ночью не спать?

– Спрашиваешь! – хмыкнул Данилов. – Я столько лет на «скорой» отработал...

– Значит, если когда-нибудь я попрошу тебя подменить меня часиков так до шести утра, то ты не откажешься? В шесть, максимум в полседьмого, я буду здесь как штык. Естественно, не затак, а за деньги.

– Если тебе очень надо, то я могу, – после недолгого размышления ответил Данилов.

– Ему очень надо! – осклабился охранник. – У Валеры ревнивая жена и очередная девушка, которую можно посещать только в рабочее время.

– Сам пойми – не сюда же мне ее приглашать, – пригорюнился Валера. – Она вообще-то думает, что я сосудистый хирург.

– Во даешь! – восхитился охранник. – Сосудистый хирург, надо же!

Валера выглядел таким расстроенным, что Данилов не мог ему отказать.

– Иногда я могу, – осторожно сказал он. – Только не очень часто...

– Да мне хотя бы раз в неделю! – Валерину печаль как рукой сняло.

– Раз в неделю – легко, – подтвердил Данилов.

«Вот ты уже и до санитара докатился, Вольдемар».

Мысль оказалась непонятной – то ли шуточной, то ли горькой. Данилов поспешил разлить по третьей.

– За друзей! – провозгласил Валера и, поставив стопку на стол, добавил, словно боясь, что Данилов передумает: – Делать практически нечего, сиди себе, да отдыхай за полторы тысячи.

– Сколько? – поразился Данилов, которому сумма показалась заоблачной.

– Ну и то, что на карман упадет станешь оставлять себе, – быстро сказал Валера. – Насчет начальства не беспокойся. Для Юю главное, чтобы все было спокойно-достойно. Ну что, по рукам?

– По рукам!

Данилов и Валера обменялись рукопожатием.

– Тогда в четверг я могу рассчитывать? – Валера веселел прямо на глазах.

Данилов молча кивнул.

– Не забудь виагры прикупить, – посоветовал охранник.

– Гад ты, Леша, – беззлобно огрызнулся Валера. – Пьешь мою водку и мне же хамишь. Ступай на пост, бережь мой покой.

«А жизнь-то налаживается! – подумал Данилов. Перспектива поспать до утра в морге за полторы тысячи не могла не радовать. – А если Валера захочет посещать свою пассивку по два раза в неделю, вернее – если предоставит ему такую возможность, – то за месяц получится плюс двенадцать тысяч к зарплате. Неплохой, в сущности, приработок. А Валера еще о каких-то падающих на карман деньгах говорил...»

Осталось сделать самую малость – объяснить Елене причину своих регулярных ночных отсутствий». Данилов так и не смог решить по дороге домой – сказать жене все как есть или же

сослаться на аврал и большую занятость. Впрочем, разговор так и так пришлось бы отложить на завтра – к возвращению Данилова Елена уже спала.

Глава четвертая

Первая ночь

Так бывает: думаешь, что знаешь человека всего, досконально, до последней черточки, но вдруг он поражает тебя каким-то новым, ранее неведомым талантом. Или недостатком.

Елена, оказывается, могла предсказывать будущее, а Данилов об этом не знал.

– Дежурный сотрудник, – произносит слово «санитар» Данилову почему-то не хотелось, – попросил меня время от времени подменять его до утра. Так что завтра я ночевать не приду. Прямо оттуда поеду на кафедру.

– Разве так можно? – удивилась Елена.

Ее как администратора настораживали подобные подмены.

– Допускается, – уклончиво ответил Данилов. – Да и потом – дело несложное. Патологоанатомическое отделение – самое спокойное из всех. Привезут труп – сверю соответствие маркировки с документацией и приму. Позвонят родственники – дам сведения о наличии интересующего их трупа. Вот и все.

– Не боишься? – Елена прищурила левый глаз и испытующе посмотрела на Владимира.

– Чего тут бояться? – не понял Данилов.

– Того, что в первое же твое так называемое дежурство кто-то из знакомых по «скорой» привезет тебе труп. И пойдут разговоры о том, до чего, мол, дошел доктор Данилов – санитарит в морге. Разговоров хватит на полгода.

– Собака лает – ветер носит. К тому же среди «труповозов» у меня знакомых нет.

Бригады транспортировки умерших и погибших граждан (сокращенно ТУПГ, или «труповозы»), которых на всю Москву около двадцати, базировались на трех подстанциях, одна из которой занималась только перевозкой трупов, а две другие обслуживали и живых, и мертвых.

Бригада ТУПГ состоит из двух человек: водителя-санитара и фельдшера. Когда-то давно вместо фельдшера был второй санитар, но потом его заменили, повысив статус бригады. Во время работы на «скорой» Данилову не раз приходилось слышать рассказы о баснословных заработках «труповозов», ради которых многие врачи работали на бригадах ТУПГ в должности фельдшера. Правда, ни с одним таким врачом Владимир не был знаком.

– Я знаю, почему я это делаю, ты тоже знаешь, а мнение общества меня никогда не интересовало. Можно подумать, что я в сутенеры пошел!

– Данилов, ты отстаешь от жизни! – деланно рассмеялась Елена. – Сутенеры в наше время – уважаемые люди. Благородные поставщики секс-услуг!

– У каждого свое понимание жизни, – пожал плечами Владимир.

Утром он нашел на кухонном столе записку: «В холодильнике для тебя бутерброды в фольге, возьми на работу» – и улыбнулся растроганно, подумав, что забота – это очень приятно. Бутерброды с сыром и копченой колбасой брать с собой не захотел – съел их прямо за завтраком, рассудив, что на ночь ему хватит пачки печенья, которое, кстати, нужно было вспомнить купить.

День на кафедре выдался суматошным: Мусинский улетал в Лиссабон на очередную международную тусовку патологоанатомов, и вся кафедра готовилась к этому. Одни, как и положено, в последний день, готовили какие-то материалы для заведующего, другие что-то переводили. Ординаторов нагрузили научными журналами и оставили в одной из учебных комнат «повышать уровень».

Пользуясь случаем, Денис, Илья и Елена тихо убежали.

Данилов с Ирой остались. Владимиру некуда было торопиться, а за Ирой в половине третьего должен был захватить кавалер.

Они добросовестно просмотрели журналы, поболтали о жизни и о том, как хорошо должно быть на международных симпозиумах и конференциях: четыре часа слушаешь интересное, а потом развлекаешься в свое удовольствие.

– Я бы тоже не отказалась рвануть куда-нибудь на три дня, – вздохнула Ирина.

– Какие проблемы? – Данилов отложил очередной просмотренный журнал и решил, что на сегодня с него хватит. – Или загранпаспорта нет?

– Есть, только толку с него? – поморщилась Ирина. – Для поездки нужна компания, а мне хронически не везет в этом.

– Если бы я не был таким старым, то я бы мог подумать, что это намек, – улыбнулся Данилов. – Или нет, не намек, а приглашение съездить куда-нибудь вместе.

– А если бы я не была бы такой юной, – в тон ему ответила Ира, – то я могла бы подумать, что слышу завуалированное приглашение.

Они оба рассмеялись.

– Но если уж начистоту, то ты – единственный из ординаторов, с кем мне приятно общаться, – неожиданно сказала Ира.

– Я польщен.

– Нет, серьезно. Все остальные – тоска зеленая. Денис – самовлюбленный павлин, Илья – пенек, Ленка – дотошная зануда. А ты – совсем другой. И к тому же у нас есть общая тайна, а это сближает.

– Это верно, – согласился Данилов. – Я не был бы столь категоричен в оценках наших коллег, но ты заметно от них отличаешься. В лучшую сторону.

– И чем же? – Ира кокетливо склонила голову набок.

– Ты держишься естественно, это располагает.

– И всего-то! А я надеялась услышать о себе много хорошего.

– Не услышать от меня плохого – это все равно, что услышать от другого много хорошего, – заверил ее Данилов.

Конечно же он забыл купить печенье. Вспомнил о нем уже на работе, когда готовил микропрепараты, и решил, что это к лучшему. На ночь есть вредно, а ночью – тем более.

В половине десятого Данилов закончил наводить порядок на рабочем месте и отправился к Валере, читавшему спортивную газету в приемной.

– Еще рано, – сказал Валера, на секунду отрываясь от чтения. – Иди, прихвати часок на диванчике. До одиннадцати.

– Как скажешь.

В комнате отдыха Данилов уселся на диван, закинул ноги на один из стульев и тотчас же заснул – сказала многолетняя врачебная привычка.

В пять минут двенадцатого его разбудил Валера, уже успевший переодеться.

– Я пошел. В журнал привезенных не записывай, просто вкладывай в него направления и сопроводилки, а я утром оформлю. Не забудь сверять наличие коронок и колец. На всякий пожарный – мой мобильный номер на столе под стеклом. Будут непонятки – звони.

– Я лучше до утра подожду, – ответил Данилов, представляя, как его звонок застигает Валеру в самый ответственный момент.

– Мое дело предупредить.

Данилов встал, одернул халат и наткнулся на удивленный взгляд Валеры.

– Ты куда?

– В приемную.

– Зачем? Продолжай спать. Если кого привезут – Леша разбудит.

– А если будут звонить?

– Перезвонят утром, – Валера протянул руку. – Ну, сладких тебе снов.

– А тебе... – Данилов замялся, подбирая подходящее выражение, но так и не найдя его, ограничился банальным пожеланием: – Всего хорошего!

– Чуть не забыл, – рука Валеры скользнула в карман его джинсовой курки и сразу же переместилась в нагрудный карман даниловского халата. – Твой гонорар.

– Спасибо.

Когда Валера ушел, Данилов переложил три пятисотенные банкноты в бумажник. По старой скоропомощной привычке он всегда держал при себе деньги, документы и ключи от дома – так было надежнее.

Приняв прежнюю позу, Данилов прикрыл глаза, надеясь тотчас же заснуть, но на этот раз быстро не получилось. Около четверти часа в голове вертелись разные мысли, большей частью – совершенно бессвязные.

В конце концов Данилов прибег к одному из испытанных средств: начал повторять про себя поговорки и изречения на латыни. Мертвый язык всегда отлично его усыплял; не подвел и на этот раз.

Охраннику не пришлось будить Данилова – Владимир проснулся сам, как только прозвонил звонок. Взглянул на часы – пятнадцать минут третьего.

В приемной охранник Леша беседовал с невысоким мужичком в синей скоропомощной форме.

– Добрый вечер! – оживился мужичок при виде Данилова и доложил: – Бабуля восьмидесяти трех лет.

Умерла дома, в поликлинике не наблюдалась, направление, милицейский протокол – все как положено.

Документы лежали на столе.

Все умершие на дому при отсутствии признаков насильственной смерти и невозможности установления диагноза заболевания, приведшего к смерти, и непосредственной причины смерти подлежат патологоанатомическому вскрытию. Проще говоря, если человек умер дома и причина его смерти врачам ясна, то можно обойтись без вскрытия. Если не ясна, но следов насилия на теле нет – вскрытие проводит патологоанатом. При подозрении на насильственную смерть труп исследует судебно-медицинский эксперт.

Судебно-медицинские эксперты – это патологоанатомы криминальной направленности. Судмедэкспертом работать тяжелее – им приходится вскрывать не только свежие, но и разложившиеся трупы, у них не бывает несрочной работы, а еще им приходится дежурить по ночам.

– Заносите, – разрешил Данилов, просмотрев бумаги.

Двумя минутами позже каталку с трупом, упакованным в специальный черный пластиковый пакет, вкатили в приемную. Сзади ее толкал водитель Куваев, с которым Данилов какое-то время проработал в одной бригаде в бытность линейным врачом. Увидев Данилова, Куваев зажмурился, потряс лохматой головой, открыл глаза и спросил:

– Владимир Александрович, вы ли это? Или мне мерещится?

– Не мерещится, Дима, это я, – Данилов вспомнил пророчество Елены. – Привет!

– Надо же! – деликатный Куваев воздержался от рукопожатия. – Кому расскажу – не поверят! А что – тут по-любому лучше. Да и в деньгах, наверное, не потеряли. Но главное – спокойней. Я вот как ушел в труповозы, так просто помолодел...

Куваев был в общем-то неплохим мужиком, но вот своей болтливостью мог любого довести до белого каления. Он говорил и говорил все то время, пока Данилов сверял маркировку с документами.

Покойников маркируют клеенчатыми бирками на запястье – пишут фамилию, имя, отчество, возраст умершего, дату его смерти и цель направления трупа в патологоанатомическое отделение.

– Все в порядке, – Данилов расписался в приеме.

Фельдшер кивнул ему на прощание и вышел на улицу. Водитель, которого никто не слушал, оборвал свой монолог на полуслове и заспешил следом.

– А все-таки – как вы здесь оказались? – спросил Куваев, обернувшись с порога.

– Просто подменяю хорошего человека, – откровенно признался Данилов. – У него неотложные дела.

– А-а! – по выражению лица Куваева было видно, что он Владимиру не поверил. – Ну, до следующего...

– Всех благ.

Данилов дождался, пока Леша запрет дверь, и с его помощью отвез труп в хранилище.

– Выкладываем сюда, – посоветовал охранник, указывая на ближний к дверям стол. – Все равно Валера как зайвится – пойдет сверять. Он у нас ответственный товарищ.

– Я уже это понял, – усмехнулся Данилов.

Переложив труп, он откатил каталку на ее дежурное место у входа, вернулся в приемную, скрепил сопроводительные документы скрепкой и сунул их под обложку «Журнала приема и выдачи трупов патологоанатомического отделения». Заодно ознакомился с висевшим на стене перечнем медицинской документации.

Список впечатлял. В него входили:

1. Протокол патологоанатомического вскрытия трупа.
2. Бланки Врачебного свидетельства о смерти.
3. Бланк-направление на патогистологическое исследование.
4. Журнал приема и выдачи трупов патологоанатомического отделения.
5. Журнал выдачи бланков «Врачебного свидетельства о смерти».
6. Журнал ежедневного учета трупов.
7. Алфавитная книга регистрации трупов, поступивших на вскрытие.
8. Журнал учета невостребованных трупов.
9. Журнал учета инфекционных заболеваний, выявленных на вскрытии.
10. Журнал регистрации патологоанатомических вскрытий.
11. Журнал регистрации приема и выдачи историй болезни и амбулаторных карт поликлиник.
12. Алфавитная книга биопсийного и операционного материала.
13. Журнал регистрации исследования биопсийного и операционного материала.
14. Журнал учета поступления и расхода спирта.
15. Журнал регистрации проведения занятий с персоналом отделения по технике безопасности и противопожарной безопасности.
16. Журнал регистрации занятий по работе патологоанатомического отделения в условиях контакта с особо опасными инфекциями.
17. Журнал регистрации учетного лабораторного оборудования, инструментария, аппаратуры.
18. Журнал учета хозяйственного инвентаря отделения.
19. Журнал функциональных обязанностей сотрудников патологоанатомического отделения.

«Эх, не хватает двадцатого пункта для круглого счета», – подумал Данилов, отметив также, что при приеме на работу Юрий Юрьевич не ознакомил его под расписку с функциональными обязанностями лаборанта. И даже не познакомил со старшей сестрой отделения. Или у них тут старший санитар?

Ровно в шесть часов Данилов проснулся, умылся, причесался, провел ладонью по щеке и полез в сумку за бритвенным станком и гелем. Покончив с бритьем, включил электрический чайник и отправился в туалет. Охранник Леша, широко раскинувшись в кресле, храпел на

весь коридор – не очень громко, но пронзительно, с подсвистом. «Небось полипы в носу», – подумал Владимир.

Вернувшись в комнату отдыха, Данилов застал там Валеру, уже переодевшегося в халат и рабочую пижаму и буквально сияющего от удовольствия.

– Ну как? – спросил Данилов вместо приветствия.

– Хорошо! – выдохнул Валера. – А у тебя?

– Один труп. Женский. Документы в журнале.

– Лады, пойду взгляну на него. А ты пока душ прими да позавтракай.

– Да я лучше пойду, – сказал Данилов, которому ужасно хотелось не столько горячего завтрака, сколько полноценного обеда из трех блюд. – Ты не посоветуешь, где здесь поблизости пожрать можно? Так, чтобы не отравиться.

– По дороге к метро слева в красном доме пельменная. Вход со двора. Весьма достойно, особенно с учетом цен. Сам там питаюсь.

– Спасибо.

– Так я могу рассчитывать на продолжение? – спросил Валера, пожимая руку Данилову.

– Можешь, – ответил Данилов. – Особенно если обеспечишь меня комплектом постельного белья и время от времени будешь его менять.

– Какие проблемы, – подмигнул Валера. – Все будет в лучшем виде. Сегодня же получу и суну в твой шкафчик.

– Тебе оставить ключ? – Данилов полез в карман джинсов.

– Да я скрепкой открою и закрою, – ответил Валера. – Какие проблемы.

– Никаких, – согласился Данилов и поторопился в рекомендованную Валерой пельменную. С каждой минутой есть хотелось все сильнее.

Пельменная не разочаровала – там было чисто, недорого и вкусно. Столы были хоть и «стоячие», но располагались удобно, так, чтобы посетители не толкали друг друга под руку. Лучшей же рекламой заведению служило то, что, несмотря на ранний час, зал был почти полон.

Не исключено, что наплыву клиентов способствовало либеральное отношение персонала к разливу крепких напитков под столом, чем грешила примерно половина присутствующих.

Данилов съел салат из капусты с яблоками, запил чашкой обжигающего куриного бульона (из курицы, а не из кубика!), съел две порции пельменей и почувствовал себя свежим и бодрым. «Все-таки ночное дежурство в морге с одной-единственной побудкой – это вам не дежурство на „скорой помощи“ или в роддоме, – подумал он удовлетворенно. – Курорт, можно сказать. Хочешь спи, хочешь – научной работой занимайся».

«А что, это мысль!» – продолжал он размышлять, шагая к метро. При каждом патолого-анатомическом отделении есть музей, коллекция препаратов, предназначенная для учебных и научных целей. Можно смотреть, тренировать глаз, изучать, сравнивать, распознавать... Тратить время с пользой.

Подтянуть знания стоило. Данилов чувствовал, что немного уступает другим ординаторам. У него был большой практический опыт, а они лучше помнили то, что совсем недавно учили в институте. Патологоанатому не следует ограничиваться одной лишь патологической анатомией.

Нужно разбираться в гистологии, физиологии, как нормальной, так и патологической, в биохимии... Это только студенты первого курса, и то не все, поначалу думают, что достаточно выучить учебник по своей специальности и можно начинать работать. Стоит ли при таком раскладе учиться шесть лет, а потом еще проводить один год в интернатуре или два – в ординатуре? Ведь любой учебник можно вы зубрить за полгода.

Впрочем, доводилось Данилову встречать коллег, которые совершенно не владели своей специальностью, но тем не менее продолжали работать. Достаточно было вспомнить доктора Бондаря со «скорой», сводившего причины всех болезней к употреблению жареной картошки

и считавшего снотворное лучшим из лекарств, годным на все случаи жизни. В общем, это работало: пока больной просыпался, у Бондаря уже заканчивалась смена, и на повторный вызов ехал кто-то другой. Ну а если совсем не просыпался – что ж поделать, такова жизнь.

В вагоне метро Данилова ждало неожиданное развлечение: две пожилые дамы увлеченно, а главное, так громко, что не слышать не было никакой возможности, обсуждали целебные свойства мочи. Многие из пассажиров брезгливо морщились, но Данилова дискуссия на подобную тему смутить не могла. Напротив – заинтересовала, ведь дамы выдавали такие перлы!

– Если вкус не нравится, то можно добавить немного сахару, – поучала одна. – Только ни в коем случае не магазинного – он весь из свеклы делается...

– Тростникового? – понимающе кивала другая.

– Упаси вас бог! Только все испортите! Добавлять можно только виноградный сахар, думаю, что не надо объяснять почему?

– Ну-у-у... а почему?

– Потому что виноградный сахар – это чистая глюкоза! А весь остальной – глюкоза пополам со всякой дрянью!

– А мед можно?

– Мед плохо растворяется, а подогревать нельзя. Вся польза испарится...

Не зная, о чем именно идет речь, можно было бы подумать, что собеседницы увлеченно обсуждают какой-то целебный настой.

– Принимать по глоточку. Залпом пить не стоит. Глоточек, через четверть часа – еще глоточек, и так до самого сна. И не оставлять на свету – эти антио... антикси... антиоксиданты на свету окисляются! То есть шлаки-то так и так выведутся, но в плане омолаживания эта порция уже не сработает.

«Великолепно! – подумал Данилов. – Принимая внутрь шлаки, выведенные из организма, мы, оказывается, выводим другие шлаки. Вот оно как! Клин клином».

– Посмотрите на меня! – призывала свою собеседницу более «грамотная» дама. – Разве мне дашь мой возраст? Все говорят, что я выгляжу значительно моложе!

И это все благодаря правильному образу жизни и лучшему из лекарств, за которым не надо бежать в аптеку!

Свой возраст она сообщить забыла, поэтому окружающим пришлось верить ей на слово.

На «скорой помощи» Данилову время от времени попадались пациенты, пытавшиеся лечиться собственной мочой. Хуже всего пришлось отставному подполковнику авиации, который пытался вылечить «целебным напитком» язву двенадцатиперстной кишки, в итоге расправил ее до кровотечения, с которым и был госпитализирован.

Лежа в машине под капельницей, страдалец даже пытался затеять с Даниловым «научную» дискуссию, но не вышло – Владимир работал молча и разговаривал только с фельдшером. Ничего, сдали в стационар живым.

– И упаривать на огне нельзя!

– А как же тогда?

– Поставьте, не накрывая крышкой, и пусть себе выпаривается естественным путем. Главный принцип – все должно быть естественно. Без химии!

«Раньше, услышав подобную ересь, врачи направляли пациентов к психиатру, а теперь все это можно услышать по телевизору», Данилов подумал о том, что далеко не все в жизни со временем меняется к лучшему.

– Моя племянница избавилась таким образом от эрозии шейки матки...

Данилов начал пробираться к выходу – на следующей станции ему надо было выходить.

Глава пятая

Некондиционный труп

Теория неразрывно связана с практикой. Но все равно удивительно, когда вопрос, разобранный поутру с преподавателем, вечером приходится решать самому.

– Никогда не поступайте своими немногочисленными привилегиями! – внушал ординаторам ассистент Ерофеев. – Раз уж вы пошли в патологоанатомы, не имейте дела с разложившимися трупами. Не отбивайте у коллег-судмедэкспертов их законный кусок хлеба.

Ординаторам нравились занятия, которые проводил Ерофеев. Это был живой, увлекательный обмен мнениями, во время которого преподаватель ненавязчиво подавал информацию, а ординаторы незаметно ее усваивали. Лекции доцента Боженко были куда более скучными: Анна Павловна излагала материал и следила, чтобы студенты его конспектировали, не более того. Пошутить во время лекции или рассказать нечто отвлеченное было для нее невозможно. Подобный шаг нарушил бы таинство лекции.

– Дмитрий Алексеевич, а исключения из этого правила бывают? – сразу же спросила дотошная Алена.

– Да вы не вскакивайте, пожалуйста, всякий раз, мы же не в школе. Бывают, но очень редко. Например, у вас сломается в жару холодильник, и трупы начнут портиться... Тогда уж – возитесь с ними сами. А так – запомните, что вы должны работать только со свежими трупами.

Даже если вам привезут вздувшийся труп вместе с милицейским протоколом, в котором говорится об отсутствии насильственных следов, не принимайте. Пусть везут в судебно-медицинский морг. Потому что патологоанатом с гнилостно измененными трупами не работает. Каждый такой труп заведомо подозрителен в отношении насильственной причины смерти. А то иногда возникает такая интересная, можно сказать, патовая ситуация. Милиция отпишется, что на трупе, пролежавшем неделю летом в квартире, нет следов насильственной смерти, а поликлиника откажется выдавать свидетельство о смерти – труп-то с изменениями, и попытается отправить его на патологоанатомическое вскрытие... Ирина Николаевна, разве я сказал что-то смешное?

– Извините, Дмитрий Алексеевич, – смутилась Ирина. – Я просто вспомнила один рассказ Шукшина, в котором спорили, кто должен делать в магазине прилавков – плотники или столяры.

– Хорошая ассоциация, – одобрил Ерофеев. – Тоже жизненная. В каждой профессии существуют свои профессиональные заморочки. Кстати, а почему вы все выбрали патанатомию, а не судебную медицину?

– Чтобы не вскрывать разложившиеся трупы, – сразу же ответил Денис.

– Очень веская причина, – Ерофеев притворился, что принял ответ за чистую монету. – Остальные думают так же?

– Нет, – Алена все не могла расстаться с привычкой непременно вставать во время ответа, – меня патологическая анатомия привлекает как исследователя.

– Но терапия или, скажем, урология – это ведь тоже вечный поиск диагноза, выбор правильного лечения, наблюдение за пациентом, – возразил ассистент. – Почему именно патологическая анатомия?

Алена молча пожала плечами.

– Всегда лучше быть тем, кто ставит оценки, чем тем, кому их ставят! – вырвалось у Данилова.

Алена посмотрела на него с такой ненавистью, что он тут же пожалел о своих словах. Ни одна шутка не стоила того, чтобы наживать себе врагов из-за нее.

– Это ваша мотивация? – улыбнулся Ерофеев.

– Отчасти – да, – легко соврал Данилов. – Но логический поиск привлекает меня в первую очередь.

– Хорошо, а что скажете вы? – Ерофеев посмотрел на Илью.

– Не люблю я клиническую работу, – серьезно ответил тот. – Жалобы, суета, вечные дразги... А здесь – спокойно занимаешься своим делом.

– Ну, буду вынужден вас разочаровать, – Ерофеев вздохнул, словно подчеркивая, как ему не хочется кого-то разочаровывать. – Дразг и у нас хватает. Вместе с суетой.

– Почему? – не поверил Илья.

– А вы никогда не задумывались, как строятся отношения патологоанатома с коллегами-клиницистами и администрацией клиники? – Ерофеев отложил карандаш, который уже полчаса вертел в руках, снял очки и начал протирать стекла полрой халата. – Вы представляете себе сложность вашего положения?

– Нет, – признался Илья. – Никакой особой сложности я не вижу.

Данилов, благодаря своему врачебному опыту, сразу же понял, к чему клонит Ерофеев, но предпочел промолчать. Вопрос ассистента был скорее риторическим.

– Должно быть, вы видите себя такими умными экспертами, призванными находить чужие ошибки и с важным видом поучать коллег? Ну, это я, конечно, утрирую, но тем не менее... Администрация ценит вас как классного эксперта, коллеги уважают за ум и знания, и вообще – когда вы входите в темную комнату, в ней сразу же становится светло!

Очки вернулись на место, а карандаш снова очутился в руках Ерофеева.

– На самом же деле, – продолжил он, – администрации от вас нужно только одно – чтобы вы не создавали лишних проблем. Главное – что? Не выносить сор из избы! Поэтому если вы начнете рьяно искать во время секции то, чего не нашли лечащие врачи, и завалите больницу расхождениями диагнозов, то я вам не завидую.

Вылетите из больницы как пробка из бутылки. Не уйдете сами – администрация вам поможет. У нее обычно получается.

– Лучше со всеми ладить, – вставил Денис.

Выражение его лица свидетельствовало о том, что уж он-то знает, как надо себя вести, чтобы не нажить неприятностей с первого дня самостоятельной работы.

– Не спорю, – кивнул Ерофеев. – Но имейте, пожалуйста, в виду, что всем в больнице от вас нужно только одно: совпадение клинического и патологоанатомического диагнозов. Так вот, предположим, что пациента усердно лечили от язвенной болезни желудка, а на вскрытии вы нашли инфаркт миокарда примерно недельной давности. Третья категория расхождения диагнозов налицо! Заведующий отделением вместе с лечащим врачом пытаются всяко вас ублажить, заместитель по лечебной работе напоминает, что процент расхождений и без того превышен, главный врач прямо заявляет, что мертвых уже не вернуть, а надо думать о живых, то есть о нем и о прочих сотрудниках. Вы уступаете, ведь у вас доброе сердце и покладистый характер. И потом – мертвых действительно не вернуть, и вообще – они же не нарочно его угробили. Так уступаете или нет?

Ординаторы молчали, и только Данилов отрицательно покачал головой.

– Предположим, что вы пошли на нарушение и подтвердили клинический диагноз. А родственники умершего взяли да и написали жалобу в департамент. По горячим следам. И потребовали повторной экспертизы, отказавшись забирать труп для похорон. Такое случается не так уж и редко. Поднялся шум, покойника тут же привезли к нам, в городской центр, и сам Георгий Владимирович провел повторное исследование... Кто получит по шапке больше всего? Вы! И хорошо, если только за халатность, а не за заведомо ложное заключение. А все те, кто подбивал вас на это, будут усиленно делать вид, что они здесь ни при чем. Вот и делайте выводы.

– И какой же выход? – спросила Ирина.

– Выход, как и вывод, такой: можно не утруждать себя поиском сопутствующих заболеваний, не выявленных при жизни. Можно усложнить или облегчить диагноз в интересах родного стационара. Можно многое, но никогда нельзя притворяться совершенно слепым, потому что всякое расхождение третьей категории – это потенциальный конфликт. И не надо по своей воле становиться в нем крайним.

Не ссорьтесь с лечащими врачами и администрацией по пустякам, но и не идите у них на поводу в главном! Держите баланс, если можно так выразиться. Вы меня поняли?

Возражений не последовало.

– Простите, что разбил ваши иллюзии, – Ерофеев повернулся к Илье, – но, как говорится, чем раньше, тем лучше. А теперь мне хотелось бы узнать, – взгляд ассистента перешел на Ирину, – почему вы избрали для себя нашу специальность.

– Потому что она мне нравится, – не задумываясь, ответила Ирина. – А что определило ваш выбор, Дмитрий Алексеевич?

– Честно говоря, сам не знаю, – Ерофеев наконец-то сломал карандаш и потянулся за следующим. – Вообще-то меня больше всего привлекала клиническая фармакология, но на шестом курсе я взял да и решил подавать документы сюда, к Георгию Владимировичу. Наверное, поначалу мне больше нравилась сама кафедра, нежели ее профиль. Здесь, за редким исключением, очень приятный коллектив... Точного ответа на этот вопрос я не знаю, наверное, поэтому так люблю задавать его ординаторам.

– А я бы никогда не пошла бы в фармакологию, – шепнула Данилову Ирина. – Там же надо ставить опыты на животных.

– Клиническая фармакология ставит опыты только на людях, – слух у Ерофеева был острым.

– Извините, я не имела...

– Ничего страшного. Давайте прервемся на десять минут, а потом обсудим один случай, а вернее – посплетничаем на заданную тему...

Ерофеев вышел из кабинета. За ним потянулись курящие Денис и Илья. Алена достала из кармана халата коммуникатор и углубилась в чтение. По тому, как часто менялось выражение ее лица, Данилов подозревал, что Алена читает сентиментальные романы.

Он подумал, что надо бы сказать ей что-нибудь хорошее, чтобы сгладить впечатление от давешней шутки, но в голову ничего не приходило.

– Интересно, что он нам приготовил? – подумала вслух Ирина. – Сплетня на заданную тему...

– Я думаю, что последний случай в сто двадцатой больнице, – не отрываясь от экрана сказала Алена.

– А что там случилось? – заинтересовалась Ирина.

– Да все там оказались молодцы. И огребли все вместе, – разъяснять Алена не пожелала.

Она угадала. Речь действительно зашла о сто двадцатой больнице, одной из самых больших в Москве. Многопрофильная и скоропомощная, она тем не менее считалась далеко не самым лучшим столичным стационаром.

Естественно, в крупном стационаре, принимающем пациентов и планово, и экстренно, смертность была выше, чем в тихой больнице, насчитывающей четыре-пять отделений и принимающей несложных пациентов, причем только в плановом порядке. А раз смертность выше, то, значит, и больница хуже. Изначальную разницу в тяжести состояния поступающих пациентов народное мнение не учитывало.

К тому же сто двадцатая больница несколько лет назад прославилась не только на всю Москву, но и на всю страну. Однажды утром в приемный покой доставили в крайне тяжелом состоянии некоего гражданина с закрытой черепно-мозговой травмой. Чуть позже врачи-реаниматологи клинического госпиталя ГУВД Москвы, прибывшие в сто двадцатую больницу вме-

сте с сотрудниками милиции, обнаружили пациента за пределами реанимационного отделения, полностью подготовленного для забора у него почек. При этом у пациента было давление и билось сердце. Вместо того чтобы спасти его жизнь, врачи предпочли разжиться годными к пересадке почками, несмотря на то что закон разрешает забирать органы лишь после составления акта констатации биологической смерти. В итоге нескольким врачам пришлось сменить место работы в принудительном порядке и несколько последующих лет заниматься менее квалифицированным трудом.

– Мужчина сорока лет поступил в стационар по «скорой» с диагнозом сотрясение головного мозга под вопросом и в состоянии алкогольного опьянения около десяти часов вечера, – начал от двери Ерофеев, еще не успев сесть за стол. – До следующего утра его продержали в приемном отделении. Вроде как наблюдали, но вот в чем конкретно заключалось это самое наблюдение, неясно.

– Скорее всего – ни в чем, – Ерофеев уселся и продолжил вертеть карандаш. – Историю болезни на него завели только в семь утра, якобы он только что поступил с диагнозом «алкогольная кома». Сопроводительный талон «скорой» вложили в историю, хотя там было написано совсем другое. Подняли в реанимацию. Там дежурный реаниматолог заподозрил острое нарушение мозгового кровообращения и срочно дернул невропатолога. Невропатолог снял нарушение и подтвердил алкогольную кому. Нейрохирургам не показывали, хотя на сделанном рентгене черепа (кто его назначил – непонятно, история болезни об этом умалчивает) виден линейный перелом.

Назначения снимка нет, описание рентгенолога тоже отсутствует, но сам снимок есть. Пациента сутки усиленно «промывали», а потом он умер.

Небольшая пауза давала ординаторам возможность задать вопросы, но все молчали.

– На вскрытии нашли перелом костей свода и основания черепа, очаги кровоизлияния в головном мозге и еще кое-что по мелочам. Содержание алкоголя на вскрытии – по нулям. Кстати, при жизни у него кровь на алкоголь так и не взяли.

– Кранты! – емко высказался Илья.

– Вроде того, – кивнул Ерофеев. – Неправильная, несвоевременная и проведенная не в полном объеме диагностика помешала установить правильный диагноз и привела к смерти пациента. Стопроцентное расхождение диагнозов третьей категории. И как по-вашему, могли бы больничные патологоанатомы сделать вид, что не заметили перелома черепа?

– Тогда бы им пришлось и алкоголь обнаружить, – сказала Ирина.

– Разумеется, – согласился Ерофеев. – Сказав «а», говори и остальные буквы. Интересно, что заместитель главного врача по лечебной работе пыталась убедить весь департамент, что здесь налицо не третья, а вторая категория расхождения диагнозов. Да, постановка правильного диагноза в данном лечебном учреждении была возможна, но тем не менее диагностическая ошибка существенно не повлияла на исход заболевания. Все равно бы больного лечили чисто симптоматически и в итоге он бы умер. Как вам такая точка зрения?

– Не очень, – сказала Алена. – Утверждать, что он умер бы в многопрофильной клинике, имеющей свое нейрохирургическое отделение, просто-напросто глупо.

Особенно для начмеда. Получается, что уровень ее стационара ниже плинтуса.

– Но как попытка отвести от себя громы и молнии – вполне уместно, – возразил Денис. – Нельзя же сразу признавать себя виновной. Ну, не себя лично, а свою контору.

– Я думаю, что восьмичасовое пребывание больного с подозрением на сотрясение в приемном отделении, да еще и без оказания ему помощи, повлечет за собой худшие последствия, чем расхождение диагнозов, – сказал Данилов. – Так что ей нет особого смысла менять категории расхождения...

– Настоящий боец всегда сражается до конца, иначе он и не боец вовсе, – улыбка Ерофеева затерялась в бороде. – Но с приемным пусть разбираются другие. Мы говорим о диагнозе. Это очень хороший пример того самого шила, которое невозможно утаить в мешке...

Труп привезли в полночь, ровно через час после ухода Валеры. За это время Данилов успел поужинать крекерами с чаем. Спать не хотелось, возможно, чай был слишком крепким – два пакетика на обычную чашку, – но Данилов все равно разложил диван, застелил его новым (Валера не подвел) комплектом постельного белья с больничными печатями, взбил свалывшуюся подушку, найденную в ящике дивана вместе с одеялом казарменного образца, и улегся читать «Правильное оформление диагноза», одним из соавторов которой был профессор Мусинский. Книгу он взял в конце занятий у Ерофеева.

– Только не заиграйте, – строго сверкнул глазами из-под очков Дмитрий Алексеевич, – экземпляр мой личный, с автографом Георгия Владимировича.

«Дорогому ученику и прекрасному человеку на добрую память» – было написано на развороте размашистым почерком Мусинского. Профессор явно не был оригиналом дарственных надписей.

Чтение увлекло Владимира, правда, ему то и дело приходилось возвращаться на несколько страниц назад.

Дверной звонок вынудил доктора отложить книгу и отправиться в приемную.

Запах ударил в нос еще на подходе. В книжках трупную вонь почему-то называют «сладковатой» – и кому, интересно, первому пришло в голову такое сравнение?

Обычный запах разлагающегося мяса, ни сладковатого, ни горьковатого.

– Там придурак какой-то, – доложил Данилову охранник Саша, поджидавший его в коридоре.

Нижнюю часть лица охранник укутал несвежим носовым платком, отчего у него вышло: «Пыдугуг кокото».

– Ну успел я двей откыть, как они каталку фкатили...

– Разберемся, – Данилов вошел в приемную.

Возле каталки с трупом стоял молодой парень в синей форме. Мелированные волосы, длинная челка, серьга в ухе, стеклянный взгляд, глупая улыбка на лице.

– Вот привез вам огурца! – сказал он Данилову и рассмеялся.

– Документы! – потребовал Данилов, стараясь дышать редко и неглубоко.

– Вот! – парень протянул мятые листы и снова засмеялся.

Делать ему замечания было бы глупо – обкурившись травы это только веселит.

Данилов быстро просмотрел документы. Ерофеев говорил как раз о таких случаях: семьдесят два года, умерла дома, милиция ничего подозрительного при осмотре не нашла, в поликлинике последние три года не наблюдалась. Направлена на патологоанатомическое вскрытие.

– В патологоанатомические морги разложившиеся трупы не берут, – медленно и четко, чуть ли не по слогам, произнес Данилов, глядя прямо в глаза парню. – Вези в судебный...

– Что я вам – почтальон? – возмутился тот. – Куда наряд дали, туда и привез!

– Так он же воняет! – Данилов повысил голос.

– А у меня, может, насморк, – ослабил укор и снова заржал.

Живому человеку в приеме было куда труднее отказать, чем покойнику.

– Саша! – позвал Данилов. – Помоги-ка.

Вдвоем с охранником они вывезли каталку на улицу, к стоявшей там машине с красным крестом. Около машины, не обращая внимания на морозящий дождь, расхаживал, разминая ноги, водитель. Загорелый, скуластый – настоящий степной всадник. «Тебе бы табуны гонять, а не покойников возить», – сочувственно подумал Данилов. Увидев, что каталка возвращается с грузом, водитель быстро подошел к задним дверцам машины и распахнул их.

– Напарник у вас странный, – сказал Данилов водителю.

Тот понимающе кивнул.

– Вот документы, – Данилов протянул документы парню, но тот демонстративно спрятал руки за спину.

Владимиру пришлось положить их на труп, точнее – на черный пакет, в который он был упакован. – Мы пошли.

– А мы поехали! – сообщил парень, берясь за ручку передней правой дверцы. – Шариф, что ты встал там?

– Подожди! – Данилов схватил его за руку. – Куда это «поехали»? А труп?

– Труп ваш, каталка тоже ваша, – водитель залез в салон и повернул ключ зажигания, но охранник встал прямо перед машиной. – Моего тут ничего нет. Пустите!

Руку вырвать не удалось – Данилов держал крепко.

– Я ее по наряду привез! – стоял на своем укурок.

– Как привез, так и увезешь! – ответил Владимир.

Трижды обменявшись мнениями, Данилов почувствовал, что разговор зашел в тупик и ему надо действовать самому, пока окончательно не промок.

– Саша, помоги загрузить!

Отпустив парня, Данилов потянул каталку к задним дверцам, рывком распахнул их и, не обращая внимания на суетившегося рядом укурка, взялся за ноги трупа, собираясь загрузить его в единственную из четырех свободных секций. Охранник, отворачиваясь, чтобы дышать пореже, взял труп за плечи. Окоченевшие трупы грузить несложно, это не обмякшее тело коматозного больного.

– Подняли! – скомандовал Данилов.

Черный пакет разъехался посередине, явив взорам обнаженное тело – мужское, с однозначным первичным половым признаком.

– Погоди-ка, – Данилов опустил труп обратно на каталку и обернулся к укурку, который как раз собирал бумажки, разлетевшиеся по асфальту. – Так это же мужской труп.

Он забрал у парня промокшие документы и сличил данные с клеенчатой биркой, болтавшейся на правом запястье покойника.

Направление было выписано Тимошиной Агриппине Кондратьевне, семидесяти двух лет от роду, а на носилках, если верить бирке, лежал Палильский Михаил Александрович, одна тысяча девятьсот шестьдесят второго года рождения.

– Ты трупы перепутал, мудила! – в сердцах высказался Данилов. – Давай быстрее сюда Тимошину и убирайся к чертовой матери!

Дождь усилился.

– Я сейчас найду, – водитель выключил зажигание, вылез и подошел к Данилову. – Разрешите.

Вначале он с помощью охранника перегрузил труп с каталки в машину, а затем потянул на себя другой, лежавший в соседней секции.

– Помогите, – попросил он Данилова и Сашу.

Укуренный фельдшер стоял сбоку и наблюдал за процессом. Правда, уже не улыбался – сказывалось отрезвляющее действие свежего воздуха и холодного дождя.

– А это точно наша? – ворчливо спросил Данилов. – Может, сверим сначала?

– Ваша, ваша, – заверил водитель. – Один женщин, другие три мужчины. Достанем и проверим.

Водитель дело говорил: невозможно было прочитать написанное на бирке, пока труп лежал в секции. Данилов помог переложить труп на каталку и развернул пакет.

Тело оказалось женским и каким нужно: на бирке восхитительным каллиграфическим почерком было выведено «Тимошина Агриппина Кондратьевна».

– Разобрались наконец, – констатировал Данилов. – Спасибо.

– Пожалуйста, не жалко, – ответил водитель, захлопывая дверцы.

Фельдшер молча уселся на переднее место.

– Вот урод! – покачал головой охранник, берясь за ручки каталки. – Это же надо так отличиться.

– Я тоже хорош, – улыбнулся Данилов. – Надо было сразу свериться. Обошлось бы без пререканий.

– Привыкнешь еще, – обнадежил охранник. – На автомате будешь все делать.

– Да у меня вообще-то нет такой цели, – привыкать к роли дежурного санитаря морга Данилову совсем не хотелось.

Сгрузив труп в хранилище, Владимир вернулся в приемную и аккуратно разложил сопроводительные документы на столе.

– До утра высохнет, – обнадежил охранник. – Все будет путем. Это вот когда родственникам чужой труп выдадут, а те его заберут – тут, конечно, визг до небес стоит.

– А разве такое бывает? – Данилову доводилось слышать подобные истории, но он всегда считал их выдумками. – Родственники же не слепые.

– Не слепые, – согласился охранник. – Но смерть меняет людей, да и приезжают забирать не всегда самые близкие. Иной раз является какая-нибудь седьмая вода на киселе. А некоторые вообще смотреть на покойников боятся. Один случай в мое дежурство был – выдали бабульку, да не ту. Только в крематории ошибку обнаружили.

– Вернули?

– Вернули, со скандалом. А тут уже другие скандалили, той покойницы родственники. Им тоже не ту вынесли, но они сразу заметили, что это не та, и говорят – а где та, а им говорят, что та не та...

– Ты еще не запутался? – улыбнулся Данилов. – Спать пора.

– Пора, – согласился Саша. – Чувствую, что после такой катавасии нас до утра никто не побеспокоит.

– Сплюнь, – попросил Данилов, но охранник напророчил верно – до утра больше никого не привозили.

Лишь одновременно с приходом Валеры бригада «скорой помощи» привезла труп мужчины, умершего у них в машине, но это Данилова уже не касалось.

Глава шестая

Подозрения

– Тут он открыл глаза и возвел их к нерадостному, уходящему в темь потолку покоя. Как будто светом изнутри стали наливаясь темные зрачки, белок глаз стал как бы прозрачен, голубоват. Глаза остановились в выси, потом помутнели и потеряли эту мимолетную красу¹. Подумать только – как точно, как образно и вместе с тем как уважительно Михаил Афанасьевич пишет о смерти!

У доцента Кислой был свой пунктик: смерть и все, что с ней связано.

– Лариса Александровна – человек своеобразный и увлекающийся, – однажды сказал о ней заведующий кафедрой.

Доцент Кислая могла ответить на звонок по мобильному посреди занятия или даже собрания. Спокойно, не понижая голоса, сказать «Да, я слушаю», а дальше – что-нибудь неуместное:

– Маша, это же так здорово, когда у тебя есть человек, с которым можно не притворяться, а просто быть самой собой! Без стремления казаться лучше. Вести себя, как тебе хочется, говорить, что хочется, ходить перед ним в футболке и стоптанных тапочках, есть курицу руками...

Никому другому не было позволено так себя вести; но Кислую не одергивал никто, даже заведующий. Не потому, что любили, а потому, что знали: это бесполезно. Лариса Александровна будет хлопать чрезмерно накрашенными ресницами, пожимать плечами, смотреть умоляюще, но разговор доведет до конца. Как и все прочие свои затеи. Обделив эту достойную женщину здравым смыслом, природа наделила ее великим упорством. Именно колоссальное упорство превратило тихую скромницу в доцента кафедры патологической анатомии.

Кислую Данилов невзлюбил сразу, потому что во время ее занятий у него обязательно начинала болеть голова. Он не знал, что было тому виной: то ли визгливый голос Ларисы Александровны, то ли ее личная энергия, то ли разнообразная ерунда, которую она говорила и вытворяла во время занятий, – но от головной боли, возникающей на ее лекциях, не помогали даже таблетки.

Но сегодня голова у Данилова болела из-за Елены, из-за того, как вела себя его драгоценная гражданская супруга.

Нет ничего странного в том, что люди годами живут вместе без соответствующих печатей в паспортах. Как говорится – не в документах дело, а во взаимопонимании.

Но когда женщина, уже одобрявшая идею похода в ЗАГС, вдруг говорит: «А что это изменит? Сейчас совсем нет времени. И вообще, давай не будем торопиться», это настораживает и заставляет серьезно задуматься.

Вдобавок женщина, которая всегда жаловалась на усталость от своей ответственной службы (а заведовать подстанцией и впрямь нелегко), внезапно приобретает вкус к регулярным встречам с подругами вечером после работы. Приходит не слишком поздно – ведь дома ее ждет ребенок, а иногда и муж, пораньше вернувшийся с подработки. О встречах ничего не рассказывает, ограничиваясь дежурной фразой вроде «почесали языки и разбежались». И снова курит, несмотря на то что расставалась с этой привычкой по своему собственному почину и продержалась несколько месяцев.

Но больше всего Данилова озадачило то, что Елена постепенно перестала интересоваться его делами. Спросит:

¹ М. А. Булгаков. «Морфий».

«Как ты сегодня?», услышит в ответ дежурное: «Нормально», и все! Жену даже не удивила сумма, которую Данилов заработал в патологоанатомическом отделении; а Владимир был уверен, что Елена обрадуется. Добрейший Юрий Юрьевич выписал Данилову премию, существенно превышавшую совместительский оклад. Вместе с деньгами, полученными за ночное дежурство вместо Валеры, вышло очень прилично.

Дома витал запах тайны, запах пряной сосновой горечи; и удивительно было не то, что от всего этого у Данилова болит голова, а то, что она еще не взорвалась.

Данилова подмывало задать Елене прямой вопрос – он любил ясность и ценил те преимущества, которые она предоставляет. Но, начав спрашивать, он стал бы прокурором, а Елене пришлось бы защищаться или оправдываться. Ничего из этого не получилось бы хорошего.

– Я надеюсь, что все вы читали «Смерть Ивана Ильича»? – Кислая скользнула по лицам ординаторов рассеянным, словно устремленным в себя, взглядом.

Ординаторы закивали – из вежливости, без энтузиазма.

– Но не будем отвлекаться, – спохватилась Кислая. – Итак, ни для кого не секрет, что клинико-анатомический анализ с дачей объективного и всестороннего заключения – это не просто наша с вами ежедневная рутинная работа. Это огромной важности научная... нет не научная, а научно-практическая задача. Можно сказать, что патологоанатом – гарант повышения качества лечения!

– Но не для того, кто в данный момент лежит у него на столе, – негромко сказал Денис.

– Совершенно верно, – согласилась Лариса Александровна. – Но ведь тем, кого станут лечить завтра, непременно пойдут на пользу ваши выводы, не так ли?

– Да, конечно, – Денис на некоторое время потерял желание острить.

В этом и заключалась сущность педагогического метода доцента Кислой. Любое, даже самое дурацкое, высказывание «с места» она принимала как серьезное. Вдавалась в объяснения, вступала в дискуссию, и с выражением лица типа «как можно этого не знать» доказывала очевидное собеседнику, поставив его в весьма неловкое положение.

Данилов сначала не думал о том, что в жизни Елены появился другой мужчина, но постепенно эта мысль стала приходить ему в голову все чаще и чаще. И пусть у него не было прямых оснований для того, чтобы заподозрить измену, но сомнения, сомнения...

– Ваши отношения, благодаря их не совсем стандартному развитию, были застрахованы от множества подводных камней, – туманно выразился Полянский, которому Данилов рассказал все начистоту.

Полянского порой заносило, и он начинал говорить путанно и непонятно.

– Игорь, не впадай в словоблудие! – взъелся Данилов. – Ты не на ученом совете, а я не твой шеф. Какое там «не совсем стандартное развитие» и «подводные камни»? Говори по-человечески или молчи, если сказать нечего!

Полянский, добрая душа, не обиделся, потер ладонью лысину, отчего она заблестела еще больше, и сказал просто:

– Вы так давно знаете друг друга, что пора бы научиться доверять.

– Это все, что ты можешь мне посоветовать? – изумился Данилов.

– Да, все, – подтвердил Полянский. – А тебе вообще не кажется странным советоваться по таким поводам с законченным холостяком?

– Напротив, только человек, не погрязший в семейном быту, может правильно взглянуть на проблему. Не через темные очки и не через розовые. – Владимир действительно так думал.

– Принесу еще пива! – вспомнил Полянский о роли гостеприимного хозяина. – Брынзы еще нарезать?

– Нарезать, и побольше, – Данилов любил брынзу. – А если у тебя найдется еще одна баночка оливок...

– Найдется! – крикнул из кухни Полянский. – Берег на собственную свадьбу, но тебе разве откажешь!

Вновь уставив журнальный стол запотевшими бутылками и тарелочками с закусками, Полянский пристально посмотрел Данилову в глаза и посоветовал:

– Выбрось из головы эти мысли. А то ведь и себя накрутишь, и Елену. Оно тебе надо?

– Мне нужно знать истинное положение дел! Особенно сейчас, когда я нахожусь на карьерном... перепутье.

– Когда мужик начинает зарабатывать меньше, ему кажется, что весь мир ополчился против него, – улыбнулся Полянский, сворачивая крышку с бутылки. – Это пройдет. Тем более что ты не дурака валяешь. И знаешь что, Вовка? – Полянский подался вперед. – Я прекрасно понимаю твоё желание уйти в патологоанатомы. Я вообще удивляюсь, как тебя хватило на все эти годы на «скорой» и потом еще в роддоме. Сплошная нервотрепка плюс огромная ответственность!

– Ну, ответственности, положим, и на патанатомах лежит немеряно...

– Это другое! – отмахнулся Полянский. – Короче, чтобы ты снова меня не перебил, давай выпьем за тебя.

Чтобы все у тебя получилось, как надо.

– Давай!

Друзья чокнулись бутылками.

– Как совместительство – не напрягает? – слегка снисходительно, как и положено благодетелю, поинтересовался Полянский.

– Наоборот – отдыхаю душой. Особенно когда замечаю ночью одного Казанову местного значения. Это у меня, так сказать, регулярная халтура. Что ты улыбаешься?

Данилов подумал, что Полянский смеется над ним в роли дежурного санитаря, но причина оказалась иной.

– Я представил, как сейчас где-то Елена разговаривает с подругой и говорит ей: «Вовка регулярно не ночует дома. Якобы замещает какого-то санитаря в морге. Как ни пытаюсь, не могу в это поверить».

– Очень умно! – скривился Данилов и поспешил сменить тему. – Лучше расскажи, как там ваш Федосеев? Не собрался ли на пенсию?

– Скорее я соберусь! Валентин Семенович вечен, как пирамиды! Недавно сказал: «Вот доработаю до восьмидесяти пяти, если бог даст, и уйду на покой». Знаешь, что он в Мюнхене недавно отмочил?.. – О родной кафедре и своей роли на ней Полянский мог говорить бесконечно...

– Через полчаса жду вас в секционном зале, – Кислая решила отдохнуть. – Судя по тому, что в истории болезни настоящая чехарда взаимоотрицающих диагнозов, вскрытие будет очень интересным. Обещала присутствовать Анна Павловна в компании с начмедом и заведующим реанимационным отделением.

– А каков основной диагноз? – спросила Ирина.

– Тромбоэмболия легочной артерии, но с таким же успехом можно написать «ХЗ».

«ХЗ», то есть «хрен знает», пишут в историях болезни лишь в анекдотах. Если врачам так и осталось неясно, от чего умер пациент, то в истории болезни все равно пишется наиболее вероятный диагноз. А там уже патологоанатом скажет – совпали диагнозы или нет, лечили пациента или убивали.

Вскрытие действительно оказалось интересным, но совершенно по другой причине. Едва был отвергнут диагноз тромбоэмболии легочной артерии, как заместитель главного врача по лечебной работе обрушилась с упреками на заведующего отделением реанимации.

– Виктор Альбертович, что вы теперь мне скажете? – характерная народная поза «руки в бока, одна нога вперед» делала дородную и краснолицую заместительницу главного врача похожей на базарную торговку.

Щуплый Виктор Альбертович в задумчивости теребил куцую бородку и молчал – видимо, ждал, когда начальница успокоится.

– Я хочу услышать ваш ответ! – настаивала заместитель главного врача. – Где тромбоэмболия?

– Ольга Борисовна, давайтеждемся окончания секции, – попросила доцент Боженко. – Виктор Альбертович никуда не убежит, и вообще...

– Вы правы, Анна Павловна, – вздохнула Ольга Борисовна, – но руководить некомпетентными людьми так тяжело...

Не успели «зрители» – больничный патологоанатом, два доцента кафедры, аспирант Сабутин и ординаторы, – вернуться к секции, как подал голос заведующий реанимацией.

Бойтесь гнева терпеливого человека!

– Вы совершенно правы, Ольга Борисовна! – от обиды голос Виктора Альбертовича срывался на крик. – Очень тяжело руководить некомпетентными людьми! Чего только стоит ваш любимчик Баклеев! У него на все один-единственный ответ: «Нах!»...

– Заведующий ультразвуком, – шепотом пояснила Данилову Ирина.

Она могла бы не шептать – обличитель кричал в полный голос:

– Его так и зовут – «доктор Нах!» И всякий раз, когда мне приходится добиваться срочного обследования, я должен по часу его уговаривать!

– Виктор Альбертович!

– Я уже сорок два года Виктор Альбертович! – заведующий реанимацией не собирался успокаиваться. – Рентгенологи еще хуже – они ничего, кроме своей нагрузки, не видят! Долгушин полдня трахает своих сотрудниц...

– Заведующий лабораторией, – пояснила Ира.

– ... а остальное время просиживает за компьютером у себя в кабинете! Позавчера на консультацию, как раз по поводу этого вот случая, – холеным пальцем Виктор Альбертович ткнул в сторону секционного стола с лежащим на нем трупом, – я прождал невропатолога два часа. Это на срочную консультацию! Но если...

– А сами вы что – святой?! – рявкнула заместитель главного врача. – Или вы думаете, что ваши развлечения с медсестрами тайна двух океанов? А разве во второй терапии не умер недавно мужчина с инфарктом, дожидаясь, пока вы его осмотрите?

– Надо было не ждать, а поднимать!

– Так вы же сами сказали Капелюхиной, что пока не осмотрите больного, везти его к вам нельзя! А уж по поводу компьютера лучше бы постыдились! Чья бы корова мычала!

– Чего мне стыдиться, после того как вы прилюдно меня оскорбили! – Виктор Альбертович картинно развел руками. – Что я вам – школьник?

У Данилова сложилось впечатление, что Виктор Альбертович присмотрел себе новое место работы и сейчас просто высказывает наболевшее, чтобы напоследок громко хлопнуть дверью. Чувствовалось, что он действительно на пределе.

Скандал продолжал набирать обороты. Попытки призвать участников дискуссии к порядку успехом не увенчались – они увлеченно перечисляли грехи и ошибки друг друга, обильно поливая грязью родную больницу. Данилов не услышал ничего нового; в какой-то момент ему показалось, что он не на кафедре патологической анатомии в сто тридцать третьей больнице, а в девятом роддоме, где недавно работал. Все то же самое...

Догадался Данилов верно: заведующий реанимацией громко прощался. Устав от пререканий, заместитель главного врача спросила:

– Виктор Альбертович, надеюсь, вы понимаете, что после всего сказанного мы с вами навряд ли сможем работать вместе?

– Ни единого дня! Сегодня же принесу вам заявление, Ольга Борисовна!

– Но две недели вам придется отработать! По кодексу.

– Вы же только сказали, что мы с вами не сможем работать...

Данилов почувствовал, что больше не выдержит, поймал взгляд Анны Павловны и указал глазами на дверь. Та кивнула. Данилов вышел в коридор. Занятие было сорвано, обе доцентки остались внутри только из принципа.

А окончательный диагноз можно было узнать завтра, почитав в тишине ксерокопию истории болезни.

Само по себе вскрытие, без анализа истории болезни, – всего лишь полдела. Настоящий патологоанатом не ограничится чтением диагноза, с которым труп направляется на вскрытие. Он непременно изучит всю историю болезни, чтобы воссоздать до мельчайших подробностей всю работу по постановке диагноза. Правильный диагноз – это правильное лечение. Недаром древние римляне говорили: «Qui bene diagnostit – bene curat», что переводится как «Кто хорошо диагностирует – хорошо лечит».

На свежем воздухе Данилову лучше не стало. Головная боль утихла, но заболела душа. Все собралось воедино – и непонятное поведение Елены, и недостаток средств, и тот самый случай в родильном доме, вынудивший Данилова сменить специализацию... Припутался сюда даже китаец, когда-то ударивший Данилова по голове обрезком металлической трубы. Если бы не он, то не было бы этих постоянных головных болей, да и многого чего не было бы. Излишняя мнительность – это одно из проявлений посттравматической энцефалопатии...

«Стоп! – оборвал себя Данилов. – Остановись, мгновенье. Какая тут, к черту, излишняя мнительность? Косяк в роддоме ты, Владимир Александрович, упорол не из мнительности, а по невнимательности. И если ты понимаешь все правильно, то понимаешь и то, что, уйдя из роддома, поступил так, как надо было поступить. И с Еленой действительно творится что-то неладное, это очевидно. Так что оставим мнительность соседям и займемся анализом ситуации».

Этим Данилов развлекался по дороге до метро – и совершенно зря: на душе легче не стало, а голова заболела пуще прежнего.

– О безысходность, имя твое – отчаяние, – сказал Данилов «Красной Шапочке» – сотруднице метрополитена, стоявшей возле турникетов.

Та недоуменно посмотрела на него, но ничего не ответила – должно быть, и не такое слышала.

Спускаясь по лестнице, Данилов пообещал себе, что подождет еще неделю, максимум две, и, если за это время в его отношениях с Еленой, вернее, в отношении Елены к нему, ничего не прояснится, тогда... Тогда, наверное, он попробует с ней поговорить. Конечно, придется задавать нежелательные вопросы, но другого выхода Владимир не видел.

Данилов позавидовал героям сериалов: как легко они решали семейные проблемы! У них обязательно были лучшие друзья или сведущие подруги, которые внимательно слушали, опровергали домыслы и дозвали своим запутавшимся визави, что все у тех хорошо, да не просто хорошо, а вообще замечательно... А под конец оставляли влюбленных наедине – лепетать трогательные глупости и доказывать друг другу свою любовь не только словами.

Никаких таких умных говорливых друзей у Данилова не было, а была только проблема, с которой он не мог справиться, потому что не мог ее понять.

От грустных мыслей Владимира отвлекло происходящее в вагоне. Рядом с ним сидела симпатичная девушка с плетеной корзиной на коленях. В корзине, укутанный то ли небольшим пледом, то ли большим шарфом, дремал роскошный рыжий кот. Шум поезда, как и все, что творилось вокруг, было коту безразлично, он явно не впервые катался в метро.

Напротив девушки встал обычный парень лет двадцати – кожаная куртка, джинсы, кроссовки, стильно состаренная сумка из мешковины, свисающая чуть ли не до колен. То, что ему хочется познакомиться с хозяйкой кота, было видно сразу. Несколько минут он готовился к атаке, а когда поезд отъехал от «Комсомольской», громко сказал, глядя на кота:

– Какая прелесть! Какая красота! Я в восхищении! Ну.

Просто сражен наповал!

Девушка улыбнулась, не поднимая глаз.

– Нет, честно, я даже не мог представить, что на свете существует подобное совершенство! – продолжал восхищаться парень.

Девушка подняла голову и снова улыбнулась.

– Неопишуемая красота! Само совершенство...

Данилов прикусил нижнюю губу, чтобы не засмеяться. Он догадывался о том, что сейчас последует. Прикол был стар, как московский метрополитен, а может быть, даже и старше, но девушка, кажется, его не знала. Данилова очень интересовало, как она отреагирует на дальнейшее. Для однокурсника Виталика Лазуткина подобный способ знакомства обернулся сочным фингалом под глазом. Бедолагу угораздило нарваться на мастерицу рукопашного боя. «На вид – ну просто Мальвина! А оказалась чокнутой валькирией!» – сокрушался Виталик...

Поднялся с места мужчина, сидевший справа от девушки. Парень тотчас же уселся на его место. Его горящий восхищением взгляд то и дело перемещался с девушки на кота и обратно. Девушка улыбалась.

– Можно погладить? – робко, словно не веря, что ему позволят, спросил парень.

– Можно, – улыбнулась девушка и даже слегка развернула корзинку, чтобы молодому человеку было удобнее погладить кота.

Кот продолжал спокойно спать. «Мне бы такие нервы», – позавидовал Данилов.

Молодой человек протянул руку, пронес ее над кошачьей головой, положил на плечо девушки и осторожно его погладил.

– Что вы делаете? – возмутилась девушка – негромко, не сбрасывая руки юноши.

Все выглядело очень трогательно. Если бы Данилов был пожилой сентиментальной вдовой, то он непременно бы прослезился и пожелал юной паре вечной любви.

Увы, Данилов был давно женатым циником средних лет, поэтому он только украдкой подмигнул парню.

Глава седьмая

Улика

– Ты представить себе не можешь, чем занимался Антон Николаевич! – в голосе матери слышалось искреннее сожаление.

Хороших участковых врачей, умных, толковых и снисходительно относящихся к людским недостаткам, очень мало. И потеря такого врача становится настоящей трагедией для любого его пациента, даже для того, кто бывает в поликлинике два-три раза в год.

Светлана Викторовна простудилась («да, конечно, я сама виновата, не надо было после ванны сушить волосы на сквозняке») и вчера вызвала на дом участкового врача. Увы, вместо милейшего доктора Назарова, который выдавал больничный сразу на десять дней, а про анализы и флюорографию не вспоминал почти никогда, к Светлане Викторовне пришла незнакомая девушка.

– И это наш участковый врач! – возмущалась мать. – Выписала кучу анализов, «экэгэ», рентген легких, консультацию кардиолога, а больничный – всего на четыре дня!

– Ничего страшного, мам, – попытался успокоить Данилов. – Не придешь в норму – вызовешь ее еще раз.

А обследоваться иногда следует...

– Стоит, но не в нашей поликлинике!

– Соглашаться на анализы или нет – это твое право...

– Как бы не так – она сказала, что если я не обследуюсь, то получу в больничный отметку о нарушении режима!

– Мне сходить в поликлинику? – предложил Данилов.

– Зачем?

– Ну, поговорить с коллегами насчет тебя...

– Вова, знаю я твое поговорить, ко мне потом на дом приходиться побоятся.

– Разве...

– Да и потом, что я – сама не могу за себя постоять?

За кого ты меня принимаешь? Давай, я лучше расскажу тебе, за что выгнали Антона Николаевича. Есть время слушать мою болтовню?

– Я могу даже приехать...

– Нет, это исключено! – наотрез отказалась мать. – Не надо контактировать с заразной больной. Тем более что еды у меня много и лекарств – полная тумбочка.

Итак, слушай – оказывается, наш Антон Николаевич зарабатывал на прививках.

– Как это? – изумился Данилов, перекладывая трубку из одной руки в другую.

Данилов знал, что участковых терапевтов регулярно посылают делать прививки в различные учреждения, расположенные на их территории. Прививки бывают разные – от дифтерии или, например, от гриппа; люди их делать не любят и всячески пытаются от этого увильнуть.

Поэтому непонятно – как можно ухитриться зарабатывать на прививках.

– Он брал взятки деньгами и натурой за то, чтобы не делать прививок, а только отмечать их на бумаге. Большей частью это происходило в мелких продовольственных магазинах, парикмахерских и тому подобных заведениях. В стоматологическую поликлинику, сам понимаешь, он лишний раз не совался – там и народ грамотный, и главные врачи друг с другом хорошо знакомы.

Ходил он на прививки не только на своем участке, а чуть ли не по всему району. По собственному тайному почину, разумеется. Причем ходил не абы как, а четко сверяя свои действия с планом прививок обоих терапевтических отделений, чтобы не столкнуться с кем-то из коллег или же не явиться через день после него...

– Откуда такие подробные разведанные? – поразился Данилов материнской осведомленности.

– Так доктор новая, как ее, Анна Михайловна, и рассказала. Говорит, что Назаров занимался этим несколько лет. А тут не то перепутал, не то забыл – и столкнулся в парикмахерской, куда пришел якобы на прививки, с врачихой из другого отделения, с которой у него были непримиримые противоречия. Пришлось ему уйти.

– Ну, мастер! – восхитился Данилов, никогда не слыхавший о подобном способе заработка.

Доктор Назаров ему нравился. Толковый, не вредный, неизменно вежливый пожилой господин. Грустно было терять такого участкового врача. Еще неизвестно, насколько умнее окажется его преемница, но вот то, что она не столь покладиста, уже было ясно.

– А девушка обещала меня стационарировать, если я не возьмусь за ум. Кстати, а разве сейчас принято говорить «стационарировать»? Я все время слышу «госпитализировать». «Стационарировать» говорили в годы моей молодости...

– Значит, они длятся до сих пор.

– Да, разумеется, хороший сын не может сказать иначе.

– Я не просто хороший, а самый лучший сын. Завтра я все равно к тебе заеду, – пообещал Данилов. – Где-то в середине дня. Утром позвоню – прочитаешь список нужного.

– Но я ведь, как это сейчас модно говорить, «эпидемиологически неблагополучна»... – попыталась возразить мать.

– Я приму профилактическое средство, – пообещал Данилов.

– Только не переусердствуй, – голос матери стал строгим, – а то я очень переживаю – как бы ты ни спился там, в своем морге.

– Это переживание мне знакомо, – хмыкнул Данилов. – Я должен был спиться еще в институте, затем на «скорой», затем в роддоме...

– Там вероятность была гораздо меньше, – заметила мать.

– Почему?

– В морге очень спокойно, и вашим...э-э-э...

– Пациентам.

– Пусть так – пациентам, – не стала спорить Светлана Викторовна, – безразлично в каком виде вы их... оперируете. Поэтому соблазн велик...

– В какой-то степени – да, – согласился Данилов. – Но я не позволяю себе расслабиться.

– Ты уж постарайся, хотя бы ради меня. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

«В поликлинику все же надо зайти, – решил Данилов, закончив разговор. – Познакомиться, подарить коробку конфет. А то будут каждый раз проблемы...».

Он вспомнил очередной смешной текст из Интернета – «десять самых прикольных взяток участковому терапевту». Сокровища были такими:

1. *Два печенья, очерствевших до полной окаменелости.* Взяткодатель – пропитой мужчина средних лет. Повод – выдача больничного листа на дому без показаний, да вдобавок и задним числом.

2. *Початая бутылка индийского виски – мутного напитка темно-желтого цвета.* Взяткодательница – интеллигентная преподавательница одного из столичных университетов. Повод – просила направить ее маму в стационар на «парочку неделек» без каких-либо показаний, чтобы дочь смогла «спокойно съездить отдохнуть».

3. *Евангелие на эсперанто.* Взяткодатель – молодой продавец. Повод – оформление санитарной книжки без осмотра и сдачи анализов.

4. *Ручная дрель середины прошлого века в нерабочем состоянии.* Взяткодатель – начинающий пенсионер. Повод – направление на ВТЭК для получения второй группы инвалидности без всяких к тому показаний.

5. *Бодрый пушистый и вонючий хомяк вместе с «домиком» – трехлитровой банкой.* Взяткодательница – женщина лет пятидесяти, техник ДЕЗа. Повод – выдача больничного листа на дому без показаний.

6. *Пакет сушеных апельсиновых корок.* Взяткодательница – молодая женщина, воспитатель детского сада. Повод – оформление санитарной книжки без осмотра и сдачи анализов.

7. *Стакан тыквенных семечек.* Взяткодатель – еще один пропитой мужчина средних лет. Повод – выписка рецептов на спиртосодержащие настойки.

8. *Пакет крысиного яда.* Взяткодательница – пожилая сотрудница санэпидстанции. Повод – выдача больничного листа на дому без показаний.

9. *Колода игральных карт.* Взяткодатель – молодой менеджер. Повод – оформление справки для посещения бассейна без очереди, без осмотра и без сдачи анализов.

10. *Потертый собачий ошейник с таким же потертым поводком.* Взяткодатель – мужчина лет 60–65. Повод – оформление санаторно-курортной карты «без хождения по врачам и сдачи анализов».

Данилов вернул трубку радиотелефона на базу и полез в шкаф за скрипкой. Захотелось не просто поиграть для души, а поупражняться в новом. Например, разучить одну из сонат Изаи.

Ноты лежали под футляром. При помощи нехитрого проволочного приспособления, изобретенного Даниловым, они удобнейшим образом крепились к подвешенному на стене телевизору.

Едва коснувшись смычком струн, Данилов забыл обо всех своих проблемах. Погружение в музыку сродни наркомании, оно переносит человека в другой мир, в другое измерение, в другую жизнь. Разница лишь в том, что в одном случае действует химия, а в другом – настоящее волшебство.

Получалось неплохо для любителя, играющего эту вещь второй раз в жизни. Кончив сонату, Данилов вернулся к двум наиболее трудным местам и отыграл каждое по два раза, с удовольствием отмечая, что получается все лучше. Эх, если бы можно было брать скрипку на ночные дежурства...

Никто не запрещал ему этого; но ночная игра на скрипке в морге непременно привлекла бы внимание окружающих к «дежурствам» Данилова. А музыка в морге не смущала Данилова. Искусство везде уместно. Как сказал Шостакович: «Любите и изучайте великое искусство музыки. Оно откроет вам целый мир высоких чувств, страстей, мыслей. Оно сделает вас духовно богаче. Благодаря музыке вы найдете в себе новые неведомые вам прежде силы. Вы увидите жизнь в новых тонах и красках».

Но больше всего Данилову нравились слова шекспировского Лоренцо:

«Заметь себе: когда несутся дико
В степях стада иль молодых коней
Лихой табун: они безумно скачут,
Ревут и ржут; то кровь играет в них
Горячая. Но стоит им слышать
Лишь звук трубы или иной какой
Звук музыки – как вкопанные станут
Мгновенно все, и одичалый взгляд
Под силою мелодии прелестной
В смирение и кротость перейдет.
Вот отчего и говорят поэты,

Что песнями своими привлекал
Орфей деревья, волны и утесы;
Нет на земле живого существа,
Столь жесткого, крутого, адски злого,
Чтоб не могла хотя на час один
В нем музыка свершить переворота.
Кто музыку не носит сам в себе,
Кто холоден к гармонии прелестной,
Тот может быть изменником, лгуном,
Грабителем; души его движенья
Темны, как ночь, и как Эреб, черна
Его приязнь. Такому человеку Не доверяй...»

*(Уильям Шекспир, «Венецианский купец».
Перевод П. И. Вейнберга)*

Хлопнула входная дверь – Елена и Никита вернулись с субботнего похода по магазинам. Данилов положил скрипку на кровать и вышел в коридор.

– А у меня вот что! – Никита гордо потряс большой картонной коробкой; в ней что-то загрохотало.

– Коньки? – догадался Данилов.

– Коньки, – подтвердила Елена и слегка подтолкнула сына в спину. – Так и будем стоять в прихожей?

Никита опустил коробку на пол и стал стягивать куртку. Данилов отправился на кухню – ставить чайник.

Демонстрация покупок сменилась ужином, ужин – просмотром старого доброго и никогда не надоедающего «Человека за бортом». Обычный субботний вечер.

После того как они однажды проспали ночь с незапертой входной дверью, Данилов завел привычку проверять это перед сном. Приняв душ, он надел подаренный Еленой на день рождения махровый халат и зашел в прихожую. Дверь была заперта. Данилов повернулся, чтобы идти обратно и нечаянно задел сумку Елены, стоявшую на полке под вешалкой. Сумка упала на пол, и из нее вывалились ключи от машины, губная помада и продолговатая синяя коробочка. Елена, достав ключи от дома, позабыла застегнуть «молнию».

Данилов поднял упавшее и, перед тем как убрать в сумку коробочку, рассмотрел ее. «Хм, „Паркер?“ – удивился Владимир и открыл; в коробочке был обтянутый кожей футляр, а в нем – ручка, толстая, перламутровая, с золотым пером, дорогая и явно мужская.

Данилов захлопнул футляр, придерживая крышку, убрал его в коробочку, а ее – в сумку. «Иглу в яйцо, яйцо в утку, утку в зайца, зайца в сундук, и на самую высокую ель...» – Не застегивая сумку, Данилов вернул ее на полку и пошел в спальню.

Елена читала в постели – не привычный детектив, а какую-то брошюру в серой обложке.

– Что читаешь? – поинтересовался Данилов.

– Новые инструкции, – скривилась Елена. – На работе вдумчиво не считаешь...

– Это да.

Данилов взял стоявший на подоконнике ноутбук.

– Ты решил предпочесть любовные игры компьютерным? – игриво улыбнулась Елена.

– Я решил выпить кофе, – ответил Данилов. – А это чтобы не скучать. Ты будешь кофе или чай?

– Нет, я буду тебя ждать, – Елена продолжила изучать инструкции.

Данилов отправился на кухню, включил ноутбук и, пока тот загружался и подключался к Интернету, сварил себе кофе.

Сев за стол, Владимир начал искать в сети такую же ручку, как та, что лежала в Елениной сумке; нашел и, увидев цену, присвистнул от изумления: «Почти двадцать две тысячи рублей, не хухры-мухры...»

Недопитый кофе медленно остывал в чашке, а Данилов продолжал сидеть и смотреть в погасший экран ноутбука. Последний раз ему было так плохо в больнице, когда он пришел в себя после травмы черепа и чувствовал, будто прошлая, хорошая жизнь закончилась и теперь будет другая. Неизвестно какая, но, вне всяких сомнений, не такая светлая, как раньше.

Голова не болела или, может, болела, но Данилову было не до нее. Он впервые в жизни понял, что такое подлинные муки ревности, столь подробно описанные в литературе. Настоящая ревность совсем не походила на литературную. Не хотелось допытываться у Елены, кому предназначалась в подарок дорогушая ручка, и среди ночи мчаться на разборку с негодяем. И так было ясно, что не ему. Во-первых, день рождения Владимира давно прошел, а до Нового года было еще далеко. Во-вторых, Данилову совершенно ни к чему была такая ручка. Договоров с партнерами он не подписывал, перьевыми ручками сроду не писал, да и вообще – ординатору такой аксессуар не нужен.

Минутный порыв исключался – и цена не та, и подарки Елена всегда делала практичные, нужные. Она во всем была гораздо практичнее Данилова.

Подарок сослуживцу? Знакомому? Соседу? Если бы ручка стоила в двадцать раз меньше, то Данилов мог бы предположить такое. Но подарки за двадцать две тысячи не дарят всем подряд.

Вывод не просто напрашивался – он вопил, заявляя о себе во весь голос. У Елены был... Слово «любовник» больно резануло по сердцу, и потому Данилов заменил его эвфемизмом «другой мужчина». И так, у Елены есть другой мужчина, с которым она проводит вечера и которому она приготовила дорогой подарок. Сомнений больше не было.

Когда-то, в той, прошлой, жизни, Данилов считал себя абсолютно не ревнивым человеком. Он не ревновал Елену к ее бывшему мужу, отцу Никиты, и его не корбило то, что Елена до сих пор носила «чужую» фамилию.

Но ревность к настоящему оказалась такой же яростной, как пламя лесного пожара.

Данилов попытался трезво проанализировать ситуацию, но мешали эмоции. И было только одно средство их подавить.

Он достал из буфета стакан, а из холодильника – початую литровую бутылку водки, банку с солеными огурцами и кусок полукопченой колбасы.

Стакан опустошил залпом. Посидел, не двигаясь, дожидаясь, пока приятное тепло доберется до сердца, и закусил огурцом – хрустким, острым. Накатали воспоминания...

Третий курс. Практическое занятие по пропедевтике внутренних болезней. Доцент Дворжик освежает знания в студенческих головах.

– Различают несколько видов перкуторного звука, отличающихся друг от друга по своим характеристикам...

Дворжик, высокий, худой и сутулый, похож на знак вопроса. Студенты не любят его за вздорность и злопамятность. У Данилова с Дворжиком отношения не сложились с первого же занятия.

– Негромкий, короткий и высокий тон, возникающий при перкуссии над плотными и напряженными тканями, называется тупым звуком, – вещает Дворжик.

Данилов, стоящий за его спиной, беззвучно стучит себя по голове.

– Громкий, продолжительный и низкий звук с некоторым музыкальным оттенком, именуется тимпаническим или барабанным, поскольку напоминает звук, возникающий при ударе в барабан. Такой звук слышен при перкуссии над полыми органами, содержащими воздух...

Данилов изображает, будто стучит по голове Дворжика. Доцент оборачивается и визжит:

– Вон отсюда! Встретимся на зачете!

Данилов молча выходит и слоняется по коридору, ожидая конца занятия. Спустя три минуты из учебной комнаты выходит Елена.

– Тебя-то за что? – удивляется Данилов.

Серьезная Елена никогда не проказничает во время занятий.

– Решила составить тебе компанию и показала Вопросительному Знаку язык, – смеется Елена. – Пойдем прогуляемся, что ли...

Немного успокоившись, Данилов собрался с мыслями и спросил себя, чего же хочет он сам. Нужна ли ему Елена и желает ли он, чтобы она вернулась к нему? Сказать «нет» мешала любовь, ответить утвердительно мешала обида. Это был тупик.

Вздыхнув, Данилов перешел к следующему вопросу. Почему Елена скрывает свою связь? Что ей мешает заявить о том, что в ее жизни появился другой мужчина? Данилов тотчас же вернется к матери, а Елена сможет жить с любимым. Разводиться ей с Даниловым не надо – они так и не удосужились оформить свои отношения. И делить нечего – ни детей, ни имущества. Все очень просто. Недолгий сбор вещей, прощальный завтрак и все... Неужели все?..

Второй стакан прояснил мысли, но ослабил ноги и руки. Данилов откусил кусок колбасы, пожевал, проглотил и продолжил размышлять.

Почему Елена до сих пор молчит и скрывает свой адюльтер?

Причин могло быть две.

Первая – она еще не определилась, кто ей нужен больше. Это позволяло Данилову надеяться; главным было ничего не испортить. Не устраивать разборок, не выступать с обвинениями, вообще не создавать никакого негатива. Только позитив, и ничего более! Рано или поздно Елена поймет, что второго такого, как Владимир, ей не найти. Другому мужчине придется довольствоваться подаренной ручкой. Пусть смотрит на нее и вспоминает свою былую любовь.

– Страдание очищает душу, братан, – сказал Данилов воображаемому сопернику – представительному мужчине в дорогом костюме. Лица у соперника не было – только переливающееся радужное пятно.

Теперь можно было вернуться к приоритетам и ответить «да!» на главный вопрос. Да, да, да и тысячу раз да!

Он хотел, он жаждал остаться с Еленой.

Настоящий мыслитель, сколько бы он ни выпил, никогда не ограничится односторонним рассмотрением проблемы. Данилов пожевал еще колбаски и перешел ко второму, неприятному и невыгодному для него, варианту.

Предположим, что Елена уже определилась. Поняла, что любит другого, а к Данилову у нее было не настоящее чувство, а так – влюбленность длиной в несколько лет. Возможно такое? Конечно, почему бы и нет. Данилов, в конце концов, не стодолларовая банкнота и не золотой слиток, чтобы нравиться всегда. Обычный человек со своими недостатками и сложностями.

Молчит же Елена не из коварства или врожденной лживости (ни того, ни другого Данилов за ней сроду не замечал), а из жалости и благородства. Видит, что у Владимира тяжелый период в жизни, понимает, как мучается муж, и не хочет добавлять ему страданий.

– Хорошая же она все-таки женщина, – Данилов возобновил разговор с соперником. – Повезло тебе, мудаку... нет, не повезло, потому что она тебя не любит. А знаешь почему? Потому что она любит меня! Вот как!

Соперник явно обиделся на оскорбление и медленно растаял в воздухе.

Разобравшись с мыслями, Данилов почувствовал огромный прилив жизненных сил. Изнутри его так и распирало желание действовать, только вот ноги и руки почему-то были вялыми и почти не слушались.

Однако он смог наполнить стакан и поднести его ко рту, не расплескав ни капли. Как ни странно, появился аппетит. Данилов налег на закуску.

В бутылке еще оставалась водка, но Данилов здраво рассудил, что на сегодня ему хватит, и с третьей попытки сумел поставить бутылку на полку в холодильнике. Не забыл захлопнуть дверцу, вымыл стакан и чашку, убрал их на место и размашисто протер тряпкой стол, на котором лежала закуска. Ноутбук, правда, благоразумно оставил на столе.

Данилов удовлетворенно оглядел кухню и, оставшись довольным царящим на ней порядком, выключил свет. Никакого негатива! Елена должна понять, какое совершенство живет рядом с ней! Да, именно совершенство.

Данилову так понравилось это слово, что по дороге в спальню он попробовал напеть: «Ах, какое блаженство, ах, какое блаженство, знать, что я совершенство, знать, что я – идеал!»² Не вышло – язык, уставший от напряженных дум, заплетался так же, как и ноги.

«Старею», – подумал Данилов и чуть было не заплакал от жалости к себе. Стариться не хотелось ужасно.

Из-под закрытой двери спальни не выбивался свет – Елена не дождалась и легла спать в одиночестве. Нехорошо вышло. Данилов попенял себя за то, что слишком уж засиделся за ужином.

Осторожно, чтобы не задеть ничего в темноте, Данилов дошел до своей половины кровати и, не снимая халата, рухнул в нее. Заснул он еще в движении.

Елена не спала. Как только Данилов лег, она встала, приоткрыла окно, чтобы свежий воздух хоть немного развеял алкогольные пары, и долго стояла у окна, не обращая внимание на катящиеся из глаз слезы. Так и не вытерев лица, легла в кровать, долго ворочалась с бока на бок и забылась беспокойным сном только в пятом часу.

² Слова Н. Олева.

Глава восьмая

Приличное предложение

Это на свадьбе драка – ожидаемое, прогнозируемое и традиционное событие. На кафедре университета – совсем наоборот, чрезвычайное происшествие. Настолько необычное, что с обоими участниками пожелал встретиться заведующий кафедрой.

Кабинет у Мусинского был хорошим, настоящим профессорским. Традиционные дубовые панели, шеренги дипломов, два стилизованных под старину книжных шкафа, огромный письменный стол, основательные стулья, тяжелые плотные шторы на окнах. О современности напоминал только большой телефонный аппарат со множеством кнопок, сдвинутый на самый край стола, чтобы освободить как можно больше места для бумаг и папок.

Заведующий встретил драчунов не строго, а скорее приветливо, разве что кофе не предложил; жестом пригласил их сесть, выдержал паузу и начал:

– Много чего было на нашей кафедре, но чтобы два ординатора, взрослые, воспитанные люди, били друг друга по лицу прямо во время занятия – такого я не помню.

И никто не вспомнит, потому что такого не было ни-ког-да! Это же, – руки Мусинского взлетели вверх, – ка-фед-ра! Храм науки! А в храме, молодые люди, надо вести себя соответственно.

«Молодые люди» сосредоточенно рассматривали узор на ковре, лежащем у них под ногами.

– Нет, скажу честно, если бы я застал вас в одной из учебных комнат... за прелюбодеянием, то я удивился куда меньше, – признался профессор.

Данилов представил себе картину собственного прелюбодеяния с Денисом, и его перевернуло. Дениса, судя по выражению его лица, подобная перспектива тоже не обрадовала.

– Это хоть можно понять, – развивал свою мысль Мусинский. – Нахлынула жажда любви, и человек уже не в силах ей противиться...

Судя по слухам, ходившим на кафедре, жажда любви была вечным состоянием и вечным бичом Георгия Владимировича.

В настоящее время он переживал самый пик романа с Яной Белопольской, ассистенткой кафедры, работавшей под началом доцента Стаканниковой в шестьдесят пятой больнице. Яну Данилов не раз видел на кафедре. Большие глаза, чувственные алые губы, грива светлых вьющихся волос, большая грудь, красивая попка, длинные ноги... Интересно, сумел бы Мусинский обаять такую красавицу, не будь он ее начальником? Данилов был уверен: ни за что.

– Но если светлые чувства сдерживать не обязательно, то агрессию выплескивать нельзя! Учитесь владеть собой, молодые люди, ведь вы представляете собой культурную элиту!

«Представляете собой культурную элиту», – Данилов покатавал неуклюжее выражение на языке. Ему совсем не хотелось быть элитой. Напротив, хотелось еще раз захватить Денису в зубы. Посильнее, чем в первый раз, уже не сдерживаясь...

Занятие доцента Кислой с ординаторами шло своим чередом до тех пор, пока Лариса Александровна не завела разговор о карьере.

– Ах, вам не понять, каково это – наметить себе определенный рубеж, выстроить план на значительный отрезок жизни, и, подойдя к нему, осознать, что так ничего и не успела сделать.

Тема была не новой. Помимо смерти и всего, что с ней связано, Лариса Александровна любила порассуждать и о том, как трудно умному человеку защитить докторскую диссертацию, когда со всех сторон его окружают враги.

Всякий раз при этом она подчеркивала, что намерена стать доктором наук точно таким же образом, как когда-то стала кандидатом. То есть – не используя ни связи, ни женские чары, ни подкуп. Честно внести свой вклад в науку и пожинать плоды.

– Почему же не понять? – не утерпел Денис. – Некоторым очень даже понять...

И многозначительно, с нескрываемой ехидцей, посмотрел на Данилова, сидевшего за соседним столом.

– Это не остроумно и не уместно, – ответил Данилов. – Рекомендую не делать меня впредь мишенью для шуток.

– Хорошо, – неожиданно согласился Денис и, как бы про себя, заметил: – Негуманно проезжаться по тому, по кому уже проехала жизнь.

Что он имел в виду, Данилов уточнять не собирался. Сказано было достаточно. Дождавшись, когда преподаватель объявит перерыв, он крепко взял Дениса под руку и вывел на лестничную площадку. Бить не хотел, хотел внятно и без свидетелей объяснить, что повторное выступление подобного рода добром не закончится.

Денис же явно был уверен, что его будут бить, и поэтому решил ударить первым. Оказавшись в защищенном от посторонних взоров пространстве, Денис вырвался и резким, хорошо поставленным ударом заехал Данилову в солнечное сплетение.

Владимир успел увернуться, и удар пришелся вскользь. Денис по инерции подался вперед и был остановлен кулаком Данилова, угодившим ему в челюсть. Левой рукой Данилов бил не хуже, чем правой. Он даже ударил не в полную силу, чтобы ненароком не выбить Денису один или несколько зубов.

Парень упал, и в этот момент между ними возник Илья.

– Я так и думал, что этим дело кончится, – сказал он, пытаясь оттеснить Данилова от поднимающегося с пола Дениса.

Вот и вся драка. На память о ней у Дениса остался небольшой кровоподтек. Всего-то дел, а шуму...

Кислая устроила вернувшимся в кабинет «дуэлянтам» громкую истерику – отменную, с заламыванием рук и слезами, – а по окончании бенефиса потащила нарушителей спокойствия к Каштановой.

– Гормон играет, – поставила диагноз Светлана Сергеевна.

Кислую заведующая учебной частью попросила успокоиться, а драчунов призвала жить в согласии, после чего порекомендовала всем «возобновить учебный процесс». Данилов счел было инцидент исчерпанным, но уже в самом конце дня по их с Денисом души явилась Катерина, секретарь Мусинского.

– Георгий Владимирович хочет поговорить с вами.

Прямо сейчас.

Некрасивое, со сросшимися на переносице бровями, лицо ее было по обыкновению бесстрастным.

Делать было нечего – пришлось идти. Данилов не сомневался, что Мусинский начнет читать им проповедь.

Так оно и вышло.

– Могу ли я узнать, что вы не поделили? – спросил заведующий кафедрой. – Лариса Александровна так и не дала ответа на этот вопрос. Сказала, что разволновалась и подробностей не помнит.

Отвечать никто не хотел.

– Такая страшная тайна? – всплеснул руками Мусинский.

– Ничего страшного, просто мы поспорили по одному богословскому вопросу, – Данилов ответил своим любимым выражением, которое всегда выручало его в тех случаях, когда правду говорить не хотелось, а молчать было невежливо.

– Вы уже успели прийти к согласию? – Мусинский не обиделся или не подал вида. – Или же пока нет?

Данилов и Денис почти синхронно пожали плечами, избегая при этом смотреть друг на друга.

– Все с вами ясно, – погрузился заведующий кафедрой. – Тогда прошу вас, молодые люди, учесть следующее... Если нечто подобное повторится, я имею в виду драку на кафедре или на территории больницы вообще, то я гарантирую вам массу неприятностей. Выгнать из ординатуры не выгоню, но нервы потреплю изрядно. Вполне возможно, что, защищаясь от меня, вы подружитесь.

У меня все.

«Молодые люди» встали, попрощались и ушли. Денис отправился напрямик в раздевалку, а Данилову пришлось вернуться в кабинет за сумкой.

Ординаторы уже ушли. В кабинете обстоятельно чаевничала Лариса Александровна – с пряниками, пастилой, сушками и конфетами.

– Досталось вам? – спросила она у Данилова.

– Не очень.

– Хотите чаю?

– Нет, спасибо, мне пора, – Данилов с сумкой на плече пошел к двери.

– Подождите, – на самом пороге остановила его доцент.

Данилов остановился и повернулся к ней.

– А вы молодец, – неожиданно сказала Кислая. – Я вот так не умею, чтобы за каждую гадость – сразу по морде.

– Этому несложно научиться, но вот отвыкнуть очень трудно, – улыбнулся Данилов.

– От хороших привычек отвыкать не следует, – улыбнулась в ответ доцент. – Жаль, что вы не хотите чаю.

– Извините, Лариса Александровна, но у меня в самом деле нет времени, – улыбка Данилова стала еще шире. – Мне на работу пора.

– Вы там тоже деретесь? – Кислая игриво подняла левую бровь.

– Пока бог миловал, – Данилов трижды постучал по косяку. – Всего хорошего.

– И вам тоже, – Лариса Александровна взяла кусок пастилы.

«А она не такая уж и дура», – подумал Данилов, закрывая за собой дверь.

Ему всегда было приятно менять мнение о людях с плохого на хорошее.

Когда Владимир спустился в раздевалку, Дениса там уже не оказалось. Конфликт можно было считать исчерпанным. Данилов переоделся, вытащил из сумки зонт – с неба лило как из ведра – и в этот момент в футляре, прицепленном к поясу, завибрировал мобильный телефон.

Никто не звонил ему в середине дня для того, чтобы просто поболтать. Перед тем как ответить на звонок, Данилов взглянул на экран: Елена.

– Слушаю тебя.

– Вовка, у тебя как сейчас со временем?

– Нормально.

– Тогда слушай. Я тут случайно нашла тебе неплохую халтурку...

– А это обязательно обсуждать по телефону? – Данилов не любил долгих телефонных разговоров.

– Ты сейчас в Сокольниках?

– Да.

– Тогда лучше по телефону. Знаешь сорок второе медучилище на Остроумовской?

– Проезжал мимо...

– Так вот. Там срочно ищут преподавателей. По сестринскому делу и безопасности жизнедеятельности. У них провал – кто-то надолго заболел посреди семестра, кто-то уволился. Речь идет об очно-заочном отделении, то есть вечером. Занятия с полпятого до полдесятого. Директор не прочь взять совместителя, лишь бы быстро...

– Я-то тут каким боком? – Данилов постарался представить себя в роли педагога, окруженного юными девами, и не смог.

– Как это каким боком! Ты же врач, да еще с большим опытом практической работы. Что ты – уход за больными не сможешь вести? Не смей меня!

– Это ты меня смешишь, – парировал Данилов. – Если я сын педагога, то это еще не означает...

– Вова! – перебила Елена. – Повторяю – работа в Сокольниках, близко от твоей кафедры. Начинает ся она с половины пятого. Это же просто подарок судьбы!

– А сколько там платят?

– Это тебе скажут на собеседовании. Можешь прямо сегодня подъехать к Зюзиной Марии Федоровне, это замдиректора по учебной работе. Запиши... Записываешь?

– Сегодня не получится, – сухо сказал Данилов. – Я тороплюсь. Раньше приду, раньше уйду. Спасибо за предложение. С твоей стороны это просто жертвенный подвиг.

– Почему?

– Отправлять меня возвращаться в кругу молодых девчонок...

– Данилов, я серьезно! – по голосу было ясно, что Елена сердится. – Есть удобная, приличная подработка...

– Ах, приличная! – взвился Данилов. – Приличная!

Вот в чем дело! С этого и надо было начинать! А то, чем я занимаюсь сейчас, это, значит, неприлично!

– Данилов! – Елена уже не говорила, а кричала в трубку. – Я не спорю – любой труд почетен, но когда врач санитарит по ночам в морге...

– Извини, аккумулятор разрядился, – буркнул Данилов и выключил телефон.

Несмотря на дождь, он решил пройтись до метро пешком – ярость, клокотавшая внутри, требовала хоть какого-нибудь выхода, хотя бы движения. Зонт Владимир убрал в сумку – дождь приятно охлаждал голову.

– Приличная работа! – время от времени восклицал он, не замечая того, что говорит вслух. – Приличная, видите ли! Можно подумать!

Постепенно ярость улеглась. В метро Данилов спустился промокшим до нитки, но уже способным мыслить логически. «А ведь это, в сущности, очень благородно с ее стороны, – мелькнула мысль, – пристроить меня туда, где много девушек. Наверное, она хочет, чтобы наше расставание было для меня безболезненным».

Данилов вообразил картину своей женитьбы на какой-нибудь смазливой студенточке медицинского училища, которой на днях исполнилось восемнадцать, и не смог удержаться от смеха. Старушка, ждущая поезда рядом, старушка обеспокоенно обернулась.

– Все нормально, – сказал ей Данилов. – Разве что вам не мешает показаться врачу...

– С чего бы это? – благообразная на вид старушка, как это часто бывает, оказалась сварливой.

– У вас губы синюшные, – серьезно пояснил Данилов. – Цианоз называется.

– Сам иди врачу покажись! – нахмурилась собеседница. – Ржет тут как нехолощенный жеребец и еще оскорбляет...

Подошедший поезд заставил ее замолчать.

«Вечером дома будет разбор полетов, – подумал Данилов. – Беседа о высоком статусе врача и недопустимости его роняния. Или – как правильнее? – недопустимости его утраты? Нет, это не то, я же не утратил статус, а лишь, как считают некоторые, опустил его до санитарского... Надо у матери спросить, почему „снижение“ говорить можно, а „роняние“ – нет. И как назло, Валеру сегодня замещать не надо...»

Данилов думал, что, проведя несколько ночей у своей пассии, Валера уgomонится и уже не будет нуждаться в заменах, но ошибся: тайная любовь от времени становилась только крепче.

– Нет лучшего омолаживающего средства, чем внебрачные связи, – глядя на себя в зеркало, любил повторять Валера. – Все морщины разгладились.

– Конечно, – поддел его Данилов, – раздалась вширь твоя физиономия нешуточно, кожа натянулась, какие могли остаться морщины? – Валера и впрямь прибавил к своим полутора центнерам не меньше полупуда...

Домой не тянуло, заданий было мало, поэтому Данилов работал не спеша. Покончив с приготовлением микропрепаратов, он набрал в музее кучу интересных «стеклышек» и около часа рассматривал их под микроскопом.

«Эх, если бы можно было на месяц утащить все музейные экспонаты домой вместе с микроскопом! – думал он. – Разложить на столе атлас, подбирать соответствующее „стеклышко“, сравнить, обдумать... На кафедре или на работе знания не усваиваются так хорошо, как дома – окружающая обстановка мешает».

Домой Данилов приехал к девяти часам вечера. Елена была дома – на вешалке висел ее плащ, а на полке стояла сумка. Данилов открыл дверь своим ключом, вошел и сообщил:

– Это я.

– Ужинать будешь? – донеслось из кухни. – Есть жареная картошка.

– Буду, – миролюбиво ответил Данилов.

Елена была не в духе, иначе непременно вышла бы его встретить. Провоцировать ее на скандал Данилову не хотелось, так же, как и не хотелось устраивать диспут на тему: «Какая работа приличествует врачу». Хотелось съесть что-нибудь горячее и вкусное, выпить рюмку-другую, закончить ужин чашкой кофе, принять душ и завалиться спать. Ну, может быть, еще почитать с четверть часа на сон грядущий.

– А что у нас к картошке? – поинтересовался Данилов, входя на кухню.

– Курица, – не оборачиваясь, ответила Елена, мывшая посуду.

– Прекрасно!

Данилов взял только что вымытую Еленой тарелку, положил из стоявшей на плите сковороды поджаренную крупными кусками с хрустящей корочкой картошку, из соседней кастрюли достал кусок тушеного куриного филе, поставил тарелку на стол и полез в холодильник за горчицей и водкой.

Елена обернулась, выразительно посмотрела на бутылку и продолжила мыть посуду. Данилов убрал водку обратно и сел за стол.

– Очень вкусно! – сказал он Елене, вытиравшей руки.

– Я рада, что тебе понравилось.

Елена заварила кипятком пакетик чая и села напротив Данилова.

– Как ты считаешь, – начала она, – вежливо ли обрывать разговор, тем более деловой?

– У меня разрядился аккумулятор.

– Данилов, твои шуточки, вернее, выходки хорошо мне известны. Но не кажется ли тебе, что человек, желающий сделать для тебя нечто полезное, не заслуживает подобного обращения?

– Каатся! – с набитым ртом промычал Данилов.

– И почему ты так сразу и наотрез отказался от моего предложения? Там же, помимо удобного графика и удобного расположения, платят довольно неплохо. У преподавателей куча всяких надбавок...

– Я знаю, – подтвердил Данилов. – Мне мама рассказывала.

– Тогда почему ты так отреагировал?

– Да нормально я отреагировал, Лен! – Данилов начал терять терпение. – Ты предложила, я отказался. Замяли, проехали, забыли!

– Но почему? – упорствовала Елена. – И почему ты был столь резок?

– Да не был я резок! – поняв, что доесть спокойно ему не дадут, Данилов отодвинул от себя тарелку и положил перед собой на стол сцепленные в замок руки. – Просто я не люблю, когда меня пытаются уговорить или заставить. Сказал нет – значит нет! А уж заводить разговор про то, что доктору не пристало санитарить в морге, это не бестактно, это подло!

Слово вырвалось случайно, Данилов хотел сказать «пошло».

– Прости! – с неимоверным сарказмом сказала Елена, вставая из-за стола.

Она ушла, оставив нетронутой свою чашку с чаем. Данилов услышал, как хлопнула дверь спальни, придвинул к себе тарелку и продолжил ужин, запивая его чаем жены: не пропадать же добру.

Когда тарелка опустела, Данилов вымыл посуду, снял с крючка джезву и стал варить себе кофе.

– Добрый вечер, – Никита пришел выпить воды.

– Добрый-добрый, – ответил Данилов. – Как дела?

– Не очень, – признался Никита и, понизив голос, добавил: – Мать как с цепи сорвалась сегодня...

– Не думаю, что это выражение следует применять к близким людям, – заметил Данилов, не отводя глаз от джезвы, чтобы не упустить тот момент, когда пена начнет подниматься. – Можно сказать – «нервничает» или «немного не в себе», нет, лучше все же «нервничает».

– Нервничает она по-другому, – возразил Никита, наливая в стакан воду из фильтра-кувшина. – А сегодня именно то, что я сказал. Даже подзатыльник мне дала...

– Да ну! – не поверил Данилов. – За что?

– Сел за стол с невымытыми руками.

– Ее можно понять и простить, – Данилов снял джезву с плиты и перелил кофе в чашку. –

Будем считать случившееся единичным случаем.

– Вы плиту не выключили.

– Спасибо. Тебе не надо помочь с уроками?

– Нет, я уже все сделал. А правда, что у покойников усы и борода растут после смерти?

– Неправда, просто немного усыхает кожный покров и оттого волосы на лице становятся чуть длиннее, ведь часть волоса скрыта в толще кожи.

– Ясно. А так, чтобы борода за ночь отросла до пояса, не бывает?

– Поменьше смотри ужастиков, – посоветовал Данилов. – Лучше спать будешь.

– Я и так хорошо сплю, – ответил язвительный отрок и ушел к себе.

Пока кофе остывал, Данилов позвонил матери. Разговор старался вести бодрым, веселым голосом, чтобы не вызвать ненужных вопросов; и ему это вполне удалось.

Елена на кухне больше не появлялась. Данилов слышал, как она пошла в ванную и как вышла оттуда, слышал ее традиционную вечернюю перебранку с Никитой, никак не желавшим вовремя ложиться спать.

«Нет, надо договорить, – решил Данилов, – а то все растянется на несколько дней. Оно мне надо?»

Елена никак не отреагировала на появление Данилова – она лежала поверх покрывала и смотрела «Карнавальную ночь» – поднимала себе настроение.

Данилов улегся рядом, минут пять посмотрел фильм, а когда Гурченко начала петь, сказал:

– Не обижайся, пожалуйста, наболтал я лишнего...

Елена взяла лежавший под правой рукой пульт, наполовину убавила звук, посмотрела на Данилова и спросила:

– Так ты пойдешь на собеседование? Время не ждет.

– Нет, не пойду, – очень мягко, словно разговаривая с маленьким ребенком, ответил Данилов.

– Почему?

– Потому что я не гоюсь в преподаватели. Я несдержан и обидчив. Вот, не далее, чем сегодня, я подрался с одним из наших ординаторов.

– Из-за женщины? – Елена прищурила глаза и стала похожа на приготовившуюся к прыжку кошку.

«Она еще меня и ревнует! – поразился Данилов. – Или просто делает вид? Но как натурально...»

– Нет, он просто ляпнул то, чего не следовало...

– Тебе сколько лет, Данилов? – Елена повернулась на бок и посмотрела на Владимира так, словно раньше никогда его не видела.

– Много, – вздохнул Данилов. – Как раз за не очень корректный намек на мой возраст, мой противник и получил по морде.

– Завтра облей его кипятком, – серьезно посоветовала Елена. – Не изменяй своему стилю.

– Тебя послушать... – поморщился Данилов. – Кстати, ты сама себе противоречишь.

– Это почему же?

– Если я склонен поливать людей кипятком налево и направо, то разве я гоюсь в педагога? Хотя ты прекрасно знаешь, что кипятком как оружием возмездия я пользовался всего раз в жизни, когда облил Бондаря.

И вообще – давай закончим пререкаться! Засыпать надо в благостном состоянии, чтобы снились хорошие сны.

– Мне давно уже ничего хорошего не снится.

Елена снова легла на спину, прибавила звук и стала смотреть фильм дальше. Данилов пошел в ванную – лечить головную боль контрастным душем.

– Вот ведь как бывает, – поделился он со своим отражением в зеркале. – То жизнь как жизнь, а то – какое-то наваждение.

Отражение подмигнуло – не грусти, мол, все будет хорошо. Данилов сделал вид, что поверил.

Глава девятая «Заработок»

– В хранилище с утра гроб стоит, – сказал Валера. – А в гробу лежит бабка Арсеньева, Калерия Филипповна, семнадцатого года рождения. Раньше таких называли ровесниками Октября.

– Мне-то до нее какое дело? – Данилов принимал дежурство.

– За ней едут, едут, да все никак не доедут. Или же специально в ночь выезжают, чтобы к утру добраться до семейного склепа где-нибудь под Саратовом. Короче – звонили час назад, интересовались, есть ли кто дежурный...

– Ты мне порядок выдачи тел объясни...

– Это я и собирался сделать. Согласно инструкции, выдача трупов из патологоанатомического отделения родственникам умершего или уполномоченным ими лицам производится по предоставлении ими гербового свидетельства о смерти и паспорта получателя, – отчеканил Валера. – В журнале приема и выдачи трупов регистрируешь дату выдачи трупа, фамилию, имя, отчество и номер паспорта получателя – по водительским правам труп не выдают, – а также номер гербового свидетельства о смерти с указанием выдавшего его ЗАГСа. И не забудь написать в журнале место захоронения трупа. Можешь со слов, лишь бы было указано. Ну и про зубы желтого металла и прочие ценности тоже не забывай, когда они есть. У Арсеньевой, правда, ни зубов, ни ценностей нет, дочь еще в отделении зубные протезы забрала.

– Ясно.

– Бабка обмыта, уложена, покрашена, духами опрыскана... Ваше с Сашкой дело – гроб сюда, – Валера топнул ногой о пол приемной, – выкатить. Со скорбным благообразным выражением лица, без ухмылочек...

– Я понимаю.

– И получить благодарность за труды. Все услуги по бабке оплачены, так что деньги возьми себе. И учти, – подчеркивая серьезность своих слов, Валера погрозил Данилову пальцем, – сколько бы тебе ни дали, Сашке больше трех сотен не откидывай, так у нас принято. А то разбалуются, к хорошему быстро привыкают. Вот и все.

– А какие-нибудь документы выдаем вместе с трупом? – уточнил Данилов.

– Нет, только труп в гробу. Свидетельство у них уже на руках.

Пожав Данилову руку, Валера ушел. Спустя минуту после его ухода на столе зазвонил телефон. Данилов поднял трубку.

– Але, это морг? – спросил женский голос.

– Морг.

– Мы через час будем у вас, подготовьте к выдаче тело Калерии Филипповны Арсеньевой.

– Уже готово. Приезжайте.

– А вы нам ее сразу найдете и отдадите? – удивилась незнакомка.

– Да, а как иначе.

– Ну, не знаю, – замялась женщина. – В аэропортах вон сколько приходится багажа ждать...

Данилов положил трубку и отправился в комнату отдыха – читать детектив из средневековой японской жизни. Ложиться спать не было смысла, сначала следовало выдать труп.

Самый умный японский сыщик еще не успел толком вникнуть в хитросплетение интриг сегунского «гарема», как прозвенел дверной звонок. Перед тем как выйти в коридор, Данилов взглянул на себя в зеркало и остался доволен. Выражение лица уставшего за день человека было каким надо – скорбным и благообразным.

– Мы за Арсеньевой, – ухоженная женщина, с ног до головы одетая в черное, протянула Данилову свидетельство о смерти. – Я звонила недавно...

За ее спиной переминался с ноги на ногу полный мужчина в черном кожаном плаще, таком потертом, что он вполне мог помнить времена социализма.

Данилов взял свидетельство. Все было правильно – Арсеньева Калерия Филипповна, год рождения совпадал.

– Ваш паспорт, пожалуйста.

Женщина порылась в маленькой лакированной сумочке («чего там рыться-то», – подумал Данилов) и протянула паспорт.

– Только быстро, пожалуйста, а то нам во Владимир ехать...

«Все как предсказал Валера. Только вот с городом не угадал».

– Я быстро, – пообещал Данилов, раскрывая «Журнал приема и выдачи трупов патологоанатомического отделения».

Он заполнил графы, вернул документы и сказал:

– Подождите, сейчас вывезем.

– Толя, помоги, – распорядилась женщина.

Мужик в плаще шагнул вперед. Данилов представил, как тот заходит в залитое белым светом люминесцентных ламп хранилище, видит гроб в окружении обнаженных трупов, устремляет взор ввысь и тихо или громко, это уже как выйдет, обрушивается на пол. «Возись еще с ним, в чувство приводи. А, не дай бог, расшибется – так в травму отправляй. Травматологическое отделение – оно здесь, рядом, пятый этаж соседнего корпуса, но сколько с этим само-теком из морга будет возни. Опять же – и у мужика свои хлопоты, и Валеру палить незачем», – подумал Владимир, а вслух сказал короче:

– Туда посторонним нельзя! Мы сами.

– Только недолго... – снова завела свою песнь женщина.

– Мигом, – пообещал Данилов, не спросив: «Если вы так торопитесь, отчего не приехали раньше?»

Гроб оказался сосновым, легким, да и весила Калерия Филипповна немного – килограмм шестьдесят. Данилов с Сашей без труда погрузили гроб на особую, усиленную и низкую, «ритуальную» каталку, стоявшую здесь же, в хранилище.

– Ой, как быстро, – восхитилась женщина. – Толя, зови водителя. Вы нам поможете в автобус погрузить?

– Помогу, только сначала убедитесь, что все верно. А водителя не надо, пусть у автобуса стоит. Мы сами вывезем.

Толя ушел. Данилов и охранник сняли с гроба крышку. Женщина всхлипнула.

– Мама!

Крышка вернулась на место.

– Распишитесь здесь.

Женщина, не глядя, расписалась в журнале.

Как только гроб поставили в автобус, дама снова полезла в сумочку.

– Спасибо, – ее рука скользнула в карман даниловского халата.

– И вам спасибо, – рука вернулась в сумочку, а оттуда – в нагрудный карман черной формы охранника.

«Так лучше, – подумал Данилов. – Делиться не придется, а значит, и обид никаких не будет».

Он опустил руку в карман и попытался определить, какую сумму ему дали. Кажется, Чехов писал о том, что доктора умеют на ощупь определять достоинство банкнот. Данилову определить не удалось – он смог только пересчитать. Банкнот было шесть: «Скорее всего – четыре сотенных и два полтинника».

В приемной оказалось, что банкноты были пятисотрублевыми. Три тысячи. Данилов переложил деньги в карман джинсов и попробовал прикинуть – из чистого любопытства, – сколько зарабатывает Валера за дежурство, ведь днем у него было много работы. Получалось, что санитары моргов зарабатывали больше многих врачей.

За недолгое время своей работы здесь Данилов уже успел узнать, что санитары в патологоанатомических отделениях делятся на две категории – «элиту» и «шестерок».

Элита работала с родственниками умерших. Выслушивала просьбы и пожелания, обещала, что все будет в лучшем виде, помогала оформлять документы, бальзамировала и гримировала покойников... Короче говоря – делала чистую работу, оставляя черную шестеркам.

Нынешнее бальзамирование сильно отличается от того, которое делалось в Древнем Египте, но египтянам нужна была вечная мумия, а современным людям достаточно было, если труп благополучно долеживал до похорон.

Вот самый простой и распространенный способ современного бальзамирования. Если труп не вскрывали, в его артерии при помощи большого шприца вводят консервирующую жидкость – смесь формалина с карболовой кислотой и еще кое с чем, состав мог варьироваться; по кровеносной системе она распространяется по всему организму. Со вскрытым трупом возни больше. Органы несколько часов выдерживаются в консервирующем растворе, крупные сосуды вначале тщательно перевязываются и только потом заполняются раствором.

В комнате отдыха Данилов тщательно вымыл руки, выключил свет, лег на заранее застеленный диван и тотчас же заснул. Ему приснилось, что они с Еленой поженились и отправились в свадебное путешествие на море – то ли в Турцию, то ли в Египет, то ли еще куда.

И там, во время первого же совместного купания, Елена уплыла далеко-далеко. Плыла она настолько быстро, что Данилов за ней не поспевал. Испугавшись, что Елена может исчезнуть навсегда, Данилов принялся еще старательнее работать руками и ногами и... проснулся, чтобы услышать очередной звонок из приемной.

На этот раз «труповозка» привезла труп на временное сохранение по социальным показаниям – покойница жила в коммунальной квартире. Вместе с телом приехала племянница покойной. Очень редкий случай – «труповозы» никогда не берут сопровождающих.

По поведению племянницы сразу было видно, что, несмотря на свою молодость (Данилов не дал бы ей и тридцати лет, а возраст он определял точно), она работает на начальственном посту. Дождавшись, пока Данилов закончит осматривать труп, племянница тоном, исключающим всякую возможность возражения, сказала:

– Доктор, тетю нужно сохранить до похорон в надлежащем виде!

Секундная пауза. Строгий взгляд из-под модных очков – хорошо ли, правильно ли ее поняли?

– Ее единственная дочь живет в Бельгии. Я уже позвонила ей, но прилететь прямо завтра она не сможет.

Дня через два, если не через три. У нее бизнес.

Данилов понимающе кивнул: бизнес есть бизнес, действительно, что может быть важнее?

– Распишись, – нетерпеливо попросил пожилой фельдшер-«труповоз», чувствуя, что разговор может затянуться надолго.

Данилов расписался. Фельдшер ушел.

– Я готова сейчас же оплатить все расходы по сохранению, – племянница достала из сумки бумажник, размерами и строгим видом походивший на мужской.

– Не надо, – быстро сказал Данилов. – Все это с утра. Я не решаю подобные вопросы.

– Неужели на это нужны какие-то особые полномочия? – племянница закатила глаза, покачала головой и немного поиграла бровями, изображая крайнее удивление.

– Таков порядок, – отозвался Данилов.

– Тогда хотя бы положите тетю в холодильник! – умоляющий взгляд, дрожащий голос. – А то знаю я, как это у нас делается: скинете не глядя у горячей батареи!

«Откуда они берут эти байки? – подумал Данилов. – Одной выдача трупа кажется столь же долгой, как выдача багажа, другая уверена, что трупы сваливают возле горячих радиаторов. Поистине, неисповедимы пути людского воображения...»

– В хранилище нет горячих батарей, – ответил Данилов. – Оно не нагревается, даже наоборот – охлаждается.

– Я не вчера родилась, – огрызнулась девица. – У нас повсюду, где должно быть тепло – жуткий холод.

А там, где должно быть холодно...

– Жуткий жар, – закончил за нее Данилов.

– Вот именно, – племянница достала из бумажника две тысячерублевые банкноты и протянула их Данилову со словами: – Вы положите тетю в нормальный, работающий, холодильник и скажите мне, к кому я должна завтра подойти. И во сколько. Желательно пораньше, до работы.

Данилов секунду-другую поколебался, но деньги взял: отчего же не взять, если дают.

– Я прямо сейчас положу ее в холодильник. В работающий, – пообещал он. – А сюда вы можете приехать прямо в семь часов. Здесь будет Валера. Он решает все вопросы.

– Прямо как мистер Вульф в «Криминальном чтиве», – сказала племянница. – Тогда – до свидания.

– Всего доброго.

Проводив племянницу и заперев за ней дверь, Данилов разбудил заснувшего было охранника и с его помощью отвез труп в хранилище.

Вдоль одной из стен стояли в ряд трехсекционные холодильники для трупов, по сути своей ничем не отличавшиеся от обычных. Стальной корпус, теплоизоляция, компрессоры. Их поддоны и вообще все внутренние детали, в том числе и стенки, были изготовлены из оцинкованной стали. На полу холодильной камеры были желобки и отверстие для слива. Отличительной чертой холодильников являлся вентиляционный блок, который стерилизовал и дезодорировал воздух в холодильнике.

И разумеется, идеальная изоляция, чтобы трупный запах не выходил наружу.

Лампочки внутри тоже были и работали исправно. Холодильники могли использоваться как для недолгого хранения трупов при температуре около ноля градусов, так и для долгосрочного хранения при минус двадцати. Надежное, хорошо сконструированное оборудование.

Камеры и секции были пронумерованы, чтобы можно было сразу найти нужный труп.

Покойница легла в седьмую секцию. Данилов вернулся в приемную, приложил к документам записку с номером секции, сделал соответствующую отметку карандашом в журнале и снова пошел спать.

На этот раз снов не было. Лег – и провалился в темноту, из которой его вытащил Валера.

– Как ночь?

– Хлебная, – ответил Данилов.

– Тогда можно тебе и не платить? – пошутил Валера, протягивая три пятисотки.

– Нашел альтруиста, – в тон ему ответил Данилов, забирая деньги.

Он проснулся бодрым и веселым: и поспал, и заработал. Три тысячи да две тысячи, да стандартная такса за дежурство – это почти что квартальный заработок ординатора. Данилов слышал, что в Советском Союзе ординаторы получали в месяц около ста рублей, которых вполне хватало на скромную жизнь. Современную стипендию съедал проездной и несколько скромных обедов в фастфуде.

Данилов привел себя в порядок и поехал на кафедру, не забыв позавтракать в пельменной, где он уже успел стать завсегдаем.

«Как же много в жизни зависит от денег, – подумал он, выходя из метро. – Как я раньше этого не замечал?»

Наверное, начинаешь замечать безденежье только тогда, когда денег не хватает даже на мелкие радости жизни».

В раздевалке Данилов столкнулся с Денисом, уже одетым в халат. «Вот рожа, – лениво подумал Владимир. – Хоть снова бей его в челюсть или еще куда». Дениса передернуло, но он мгновенно взял себя в руки и деревянным голосом произнес:

– Доброе утро.

– Доброе утро, – столь же равнодушно ответил Данилов.

Обошлись без рукопожатия – на это у обоих не хватило дружелюбия. Владимир постоял, освобождая Денису проход.

Порой обмен ударами приносит куда больше пользы, чем длительные словесные перепалки. Наверное, есть в мужских драках какой-то скрытый смысл...

Данилов переоделся и пошел в секционный зал – на вскрытие, которое проводил Ерофеев вместе с одним из штатных больничных патологоанатомов. Послеоперационный сепсис у мужчины семидесяти двух лет. Дочь умершего грозила больнице судом и прочими неприятностями. Интересно было посмотреть, как Ерофеев будет проявлять «гибкость ума» при полном сохранении объективности.

«Нет, что не говори – у судебного эксперта есть перед патологоанатомом одно преимущество, – заключил Данилов. – Он имеет дело с последствиями преступных действий, а патологоанатом – с последствиями работы своих коллег, большей частью знакомых ему лично.

А своих судить и оценивать всегда тяжелее».

На следующей неделе Данилова ждала двухнедельная работа в судебно-медицинском морге номер тринадцать, находившемся при семьдесят пятой городской больнице.

По мнению заведующего кафедрой, каждый ординатор должен был получить хотя бы общее представление о смежной специальности, прочувствовать различие и сходство между ними, и вообще – быть в курсе. Мало ли как повернется жизнь, мало ли куда занесет она патологоанатома. Не исключено, что когда-нибудь придется давать заключение и по криминальному трупу. Да и вообще – случается так, что начинает врач вскрывать сугубо бытовой труп и обнаруживает, что он – криминальный, подлежащий передаче судебным медикам.

В судебно-медицинский морг ординаторов отправляли не группой, а попарно или поодиночке. Данилов оказался в паре с Ириной и счел это оптимальным вариантом: и по делу поговорить можно было, и на отвлеченные темы пообщаться. Практикум по судебной медицине должен был начаться со среды. В тринадцатом морге Данилову доводилось бывать в студенческую пору, он даже помнил имена некоторых сотрудников, правда, не был уверен, что узнает их при встрече.

Данилов вдруг вспомнил, что дома у матери где-то должна валяться старая, но очень толковая книжка «Основы техники судебно-медицинского исследования трупов», купленная лет десять назад в букинистическом отделе. Надо бы проведать мать, а заодно и книжку найти.

Данилов подивился свойствам человеческой памяти – он хорошо помнил внешний вид книги, помнил залом на одном из углов, помнил полусведенную библиотечную печать на титульном листе, помнил то, что четырнадцатая страница была чем-то залита, наверное, чаем; но вот куда он положил книгу – не помнил совершенно. Только был уверен, что она где-то дома...

Поздно вечером во вторник Данилов случайно набрел в сети на очень интересную статью, описывающую злоупотребления, творившиеся в одном из моргов украинского города Харькова.

Чего там только не было! Если верить автору, пожелавшему сохранить свое имя в тайне, незаконное предпринимательство было буквально поставлено на поток.

Люди делали деньги на покойниках; счет шел на десятки тысяч гривен.

Подложные заключения, согласно которым насильственная смерть становилась естественной; сокрытие вещественных доказательств, якобы утерянных в морге; выдача заключения без вскрытия тела, на основании одного лишь осмотра; превращение смерти от передозировки наркотических средств в смерть от кровоизлияния в мозг для того, чтобы родственники умершего наркомана могли получить страховку; подмена образцов тканей, взятых для исследования; и многое другое...

Один из приведенных в статье примеров, в котором забитый до смерти чудесным образом превратился в умершего при падении с лестницы, напомнил Данилову старый анекдот: «Клянусь вам, гражданин судья, потерпевший поскользнулся и сам случайно упал на мой нож.

И так семнадцать раз».

На все услуги морга существовал прејскурант. И на вскрытие без очереди, и на выдачу трупа в приличном виде, и на бальзамирование трупов... Часть неправедных денег шла наверх в виде «налогов» и «отчислений», и именно в этом, как был уверен автор, заключался секрет длительного процветания подпольного бизнеса.

– Да это же просто пещера Али-Бабы! – сказал вслух Данилов, дочитав статью до конца. Экран ноутбука никак не отреагировал на его слова.

Данилов побродил по сети еще немного и наткнулся на более интересную статью о том, как в славном городе Ельце заместитель начальника местного бюро судебно-медицинской экспертизы организовал убийство своего «конкурента», заправлявшего самым крупным в районе бизнесом по оказанию ритуальных услуг. Труп несчастного нашли в подвале его собственного дома. Убийца постарался инсценировать смерть от несчастного случая – будто бы человек упал, спускаясь в подвал, ударился головой о железный угол лестницы и умер, – но ему не удалось обмануть следователя.

Заместитель начальника бюро судебно-медицинской экспертизы по совместительству тоже занимался ритуальным бизнесом, правда, оформленным на собственного шурина. Желая стать монополистом, он сговорился с одним из школьных приятелей и пообещал ему за убийство конкурента три тысячи долларов (вот уж поистине смехотворная сумма для такого дела!). Приятель, благодаря пьянству превратившийся в законченного маргинала, согласился. На скамью подсудимых школьные друзья сели вместе...

На пятой статье, рассказывавшей о том, как судмедэксперт из Калининграда за пятнадцать тысяч долларов превратил двойное убийство в двойную же смерть от несчастного случая, Данилова потянуло в сон. Он посмотрел на часы и заторопился в душ. До подъема оставалось меньше пяти часов, а завтра, помимо прочего, надо было снова дежурить за Валеру.

Глава десятая

Легкий Флирт и дурная ночь

Оказалось, что с момента последнего визита Данилова тринадцатый морг успел преобразиться из обычного, в меру обшарпанного учреждения в настоящую больницу двадцать первого века. С евроремонтом, дорогими светильниками, не менее дорогой мебелью и новейшим оборудованием.

Поначалу Данилову показалось, что, придя по правильному адресу, он волшебным образом попал совершенно в другое место, настолько разительными были перемены. Ира тоже была удивлена.

– Дворец! – коротко высказалась она, обводя глазами обстановку. – Настоящий дворец!

Только запах, витавший в коридорах дворца, остался прежним – пахло смертью и разложением, хотя и не так сильно, как могло бы: обновленная вентиляция отлично работала. Летом, в жару, под конец торгового дня, на любом из рынков возле мясных прилавков запах был куда хуже.

– Где можно найти доцента Астраханцева? – спросил Данилов у охранника, сидящего возле входа.

– Кабинет в конце коридора справа, – буркнул тот.

У нужной двери с табличкой «Доцент кафедры судебной медицины, кандидат медицинских наук Астраханцев Анатолий Николаевич» стоял унылый лысый небритый тип. Он то и дело зевал, и тогда исходящий от него запах перегара заметно усиливался. Данилов угадал в нем санитаря.

– Вы к Толику? – спросил унылый. – Кого забираете?

– Никого, – ответил Данилов. – Мы ординаторы-патанатомы.

– Тогда ждите, – разрешил унылый.

– А где тут у вас переодеваются? – Данилов взял с собой не только халат, но и зеленый комплект-двойку, рубашку с брюками, оставшийся от работы в родильном доме. – В подвале?

– Вам переодеваться здесь! – скрюченным пальцем, на котором выдавались суставы, унылый показал на дверь кабинета и ушел в себя, потеряв всякий интерес к Данилову и Ире.

Ждать пришлось долго – с четверть часа.

– Где ты шляешься? – оживился унылый, увидев вдали очередную фигуру в белом халате, едва сходявшемся на объемистом животе.

«А тут у них демократия, – подумал Данилов. – Толик», «шляешься»... И это доценту кафедры».

– Будто не знаешь, как у нас... – Астраханцев оборвал фразу и обратился к Данилову: – Вы от Георгия Владимировича? Ординаторы?

– Да, – хором ответили они.

– Хорошо, – Астраханцев достал из кармана халата ключ, отпер дверь, толкнул ее вперед и сделал приглашающий жест рукой. – Прошу, переодевайтесь, а мы пока с коллегой побеседуем в коридоре. Одежду повесьте в шкаф.

– Иди первая, – Данилов, посторонился, пропуская Иру в кабинет.

– Да вы что – не врачи, что ли? – удивился Астраханцев. – Переодевайтесь вдвоем, так быстрее! Или прикажете нам до обеда по коридору прогуливаться?

– Мы в молодости такими стеснительными не были, – добавил унылый.

Данилов вошел в кабинет вслед за Ирой.

– Действительно, чего нам стесняться? – улыбнулась девушка, однако на виду у Данилова переодеваться не стала. Она открыла дверцу шкафа и воспользовалась ею как ширмой. Данилову пришлось переодеваться прямо у входа, чтобы не вторгаться в приватное пространство.

– А ты странный, – вдруг сказала Ира, взясь за дверцей.

– Почему?

– Не делаешь комплиментов, не подбиваешь клинья, – короткий смешок. – Денис вон на второй день нашего знакомства, еще на первом курсе, предложил мне с ним переспать...

Данилов ничего не ответил.

– Я его отшила, – продолжила Ира. – Не люблю таких слащавых сиропных красавчиков а ля Том Круз.

А Илья осмелел только в ординатуре, в универе он был тихоней, – Ира на секунду выглянула из-за дверцы. – Представляешь, пообещал мне фантастически незабываемую ночь...

Данилов продолжал молча переодеваться.

– Я спросила, что он будет со мной делать, но его фантазия не пошла дальше «свяжу и зацелую». Мальчик пересмотрел эротики. А ты смотришь эротику?

– Нет, – честно ответил Данилов, застегивая халат. – Не смотрю. И жесткое порно тоже не смотрю.

И никогда не связывал женщин, за исключением пары шизофреничек на вызове. И знаешь, что я тебе скажу?

– Что?

– Соблазнительница из тебя никакая. Не стоит рассказывать мужчине о том, что тебя домогались другие мужики, а ты им отказала.

– Почему?

– Потому что мужчины трепетны и мнительны. Он может испугаться, что ты и ему откажешь, и потеряет к тебе интерес. Или же не захочет долго тебя обхаживать...

– А как же любовь? – Ира вышла из-за дверцы, достала из шкафа вешалку-плечики и стала аккуратно вешать на нее свою одежду.

– Любовь – это другое, – Данилов подошел к шкафу.

– А как правильно соблазнять? – Ира посмотрела на Данилова так, что по его позвоночнику пробежало легкое тепло.

– Смотреть вот так, как сейчас, и рассказывать, как тебе нравятся мужчины моего типа, – Данилов сунул вешалку в шкаф.

– Коллеги, вы скоро? – Астраханцев постучал в дверь.

– Уже идем! – отозвался Данилов.

Астраханцев гулял по коридору в одиночестве.

– Пойдемте скорее, – поторопил он. – А то ничего не увидите. Маски взяли?

– Взяли.

– Скажите пожалуйста, Анатолий Николаевич, а у вас есть ароматическая мазь, которой под носом мажут? – спросила Ира.

– Нет, нам такая не нужна, мы привыкшие, – Астраханцев открыл дверь, ведущую на лестницу. – Нам вниз. Да и потом на сегодня у нас запланированы нормальные трупы.

– А на завтра? – не отставала Ира.

– А на завтра купите себе флакончик каких-нибудь вонючих духов, – посоветовал Астраханцев. – Если уж вам так надо.

В подвале ремонт был похуже – кремового цвета краска на стенах, недорогая шершавая плитка на полу, цепочка люминесцентных ламп на потолке. Никаких изысков, двери тоже простые, без отделки «под дуб» и медных ручек. Зато пахло здесь сильнее, причем запах уже можно было разложить на две составляющие – гнилостную и формалиновую. Ординаторы на ходу надели маски.

– Анатолий Николаевич, вы будете нас вести? – спросил Данилов.

– Да, – кивнул Астраханцев, – останавливаясь возле двери с табличкой «Секционный зал № 2». – Мы занимаемся с посторонними ординаторами по кругу, и сейчас как раз моя очередь. Заходите...

В зале было очень светло и очень оживленно. Пахло терпимо. Все четыре стола были заняты – на трех вскрывали, а на самом дальнем обмывали из шланга уже собранный труп. Вода стекала со стола на пол и извилистыми ручейками уходила в отверстие слива.

– Вот наш убитый, – Астраханцев подошел к столу, возле которого стояли две женщины – седая и брюнетка. Одеты они были одинаково – в белые халаты, зеленые непромокаемые фартуки, зеленые шапочки. Лица женщин были скрыты под масками. На столе лежал труп полного молодого мужчины лет тридцати. Живот его расплылся по столу и оттого покойник сильно напоминал грушу с руками и ногами. – Верочка, остановись на секунду...

– Пойду покурю, – седая положила скальпель на край стола и пошла к выходу, щелкая снимаемыми с рук перчатками.

– А я вам нужна, Анатолий Николаевич? – неожиданно низким басом спросила брюнетка.

– Нет, мы только посмотрим и обсудим. – Астраханцев был единственным в зале без маски.

Брюнетка тоже ушла.

– Каждый из вас по поручению следственных органов может быть привлечен для судебно-медицинской экспертизы, – начал Астраханцев. – Если, конечно, судмедэкспертов нет под рукой. Ваша задача – если даже и не ответить на все вопросы следователя, то хотя бы сделать все так, чтобы потом судебные эксперты на основании представленных вами материалов смогли ответить на эти самые вопросы. Короче говоря – не накосячить. А теперь, что вы мне скажите по поводу этого трупа? На вскрытый череп не обращайтесь внимания, я специально просил Веру Карловну до нашего прихода не трогать главного.

– Колото-резаное, – Данилов показал рукой на рану в правом подреберье.

– Да, вы правы, – кивнул доцент. – Можно не ворочать тело – это единственная рана. В судебно-медицинской практике повреждения колюще-режущими орудиями встречаются чаще других. Какие два главных вида колюще-режущих орудий вам известны?

– Обоюдоострые и одностороннеострые, – ответила Ира.

– Верно. Колото-резаные раны имеют линейно-щелевидную форму, которая при расхождении краев может превратиться в веретеноподобную форму. Края колоторезаной раны всегда какие?

– Ровные, – сказала Ира.

– Да, а углы в зависимости от лезвия бывают разными. Отличительный признак колоторезаной раны от резаной? – Астраханцев посмотрел на Данилова.

– Значительное преобладание глубины над линейными размерами на коже, – сказал Данилов.

– Да вы готовые судебные эксперты! – похвалил Астраханцев. – Разрез на коже обычно больше ширины клинка, так как одновременно с колющим происходит и режущее действие. Поэтому по размерам раны судить о ширине клинка нельзя. Вы можете только указать, что ширина клинка не более такого-то размера, беря за основу размер раны на коже. Также не всегда возможно судить о длине клинка по глубине раневого канала, поскольку клинок может быть введен в тело не целиком, а частично. Это прошу запомнить хорошо, на всю оставшуюся жизнь. А теперь скажите мне, что приходит вам в голову при виде этой раны. Вот, возьмите. – Астраханцев вытащил из кармана халата две пары резиновых перчаток и протянул их ординаторам.

Те надели перчатки и по очереди потрогали указательными пальцами края раны.

– Пальцы внутрь не совать, – предупредил доцент. – Возьмите зонд.

Зонд с другими инструментами лежал на приставном столике. Данилов взял его и ввел в рану; глубина была приличной, чуть ли не двадцать сантиметров.

– Нож с односторонней заточкой, острый, с толстым обухом. Лезвие широкое, не короткое. Можно предположить кухонный нож.

– Можно, – согласился Астраханцев. – А почему нож с односторонней заточкой и толстый обух?

– Так форма у раны клиновидная.

– Прекрасно! Дальше вы представляете – измеряем, затем иссекаем раневой канал, внимательно осматриваем на предмет обнаружения посторонних частиц и не забываем...

Ординаторы молчали.

– Когда закончим с раной, то...

– Пишем заключение? – предположила Ира.

– Продолжаем вскрытие и ищем, нет ли какой другой причины смерти! – всплеснул руками Астраханцев. – А то попадаются любители – констатируют смерть от огнестрельного ранения, а покойник на самом деле умер от инфаркта. А это, согласитесь, большая разница для подсудимого – попала его пуля в живое тело или в уже мертвое, не так ли?

– Вы закончили? – к столу подошли Вера Карловна и брюнетка.

– Да, пойдём к другим.

Астраханцев перешел к соседнему столу.

– Что тут у вас?

– Висельник, – ответил мужчина, орудовавший ножом в брюшной полости. – С шеей я уже закончил.

– Обратите внимание на то, как разрезают кожу, – Астраханцев указал на шею трупа. – А для чего обязательно вырезают кожный лоскут с бороздой?

– Заспиртовать как улику? – предположила Ира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.